

Queen Mary

1891-1901

Увлекательная интрига, живое изображение переживаний героев будут держать Вас в напряжении с первой и до последней страницы. Нежная Селия, мужественная Санди, решительная Сара сумели пронести свою любовь через многие препятствия и сохранить теплоту чувств, чистоту и нежность до самого счастливого конца.

Оливия Уэдсли

Жажда любви

OCR & SpellCheck: Larisa_F

Уэдсли Оливия У97 Жажда любви; Песок: Романы / Перевод с английского. — М.: ТЕРРА, 1993. — 560 с.

ISBN 5-85255-318-2

Аннотация

Оливия Уэдсли — известная английская романистка, культивировавшая жанр любовного романа. Творчество ее, рассчитанное на массового читателя, насыщено мелодраматизмом, отличается глубиной проникновения в женскую психологию.

Оливия Уэдсли

Жажда любви

ГЛАВА I

Когда б любовь была не в силе, —

Любовь рассудку вопреки, —

Кому б так ревностно служили

И юноши, и старики?

Когда б любовь не выдавала

Нам счастье с горем пополам,

Кто бросил бы рукой усталой

И жизнь, и смерть к ее ногам?

Ф.Е. Котс

— Это весна! — сказала маленькая маркиза с легким вздохом. Весною всегда возникает такое странное, смешанное чувство, ощущение счастья и несчастья в одно и то же время, страстное стремление к идеализму, которым проникнуты мимолетные мысли, и стремление жить, как того требует наше сердце.

— И все, все это сразу? — с веселой насмешкой в голосе заметил ее муж. Их глаза встретились на мгновение, и легкая краска покрыла ее лицо. Затем она посмотрела в

сторону с выражением восхитительного смущения, которое, по-видимому, свойственно только вполне счастливым любовникам.

Сара подметила этот взгляд и, — как раз потому, что она видела его, — испытала изумительное чувство отверженности, словно она была изгнанница. Желая отделаться от этого чувства или в конце концов опровергнуть его, она оглядела кругом высокую комнату, мерцающую теперь в серебристо-зеленом освещении весеннего заката.

Ее гости смеялись и разговаривали в разных местах, а между тонкими белыми колоннами, разделяющими комнату в стиле ампир от той части, которая была убрана в более современном вкусе, двигались лакеи, катившие перед собой маленькие серебряные повозки, нагруженные до нелепости крошечными сахарными печениями, фруктами и ликерами. Все в этом месте, начиная от фриз и цветных пунсовых тюльпанов, горшков с лилиями и сиренью, указывало на любовь к материальным удобствам и каким-то особенным образом производило впечатление особенного спокойствия и уюта.

Сидя в кресле с высокой спинкой и небрежно опустив свои нежные руки на резные ручки кресла, Сара принимала гостей, шутила, смеялась, прощалась с теми, кто уходил, и слушала разговоры других.

На момент она осталась одна; ее маленький двор, окружавший ее, разошелся, чтобы дать место новоприбывшим, и во время наступившей паузы слова маленькой маркизы, ее друга, звучно отдались в ее душе.

Была весна. Снаружи, в очаровательном, прекрасно распланированном садике, густо посаженные вместе цветущие гиацинты и гвоздики, перемешанные друг с другом, напоминали форму короны, а за ними виднелась стена бледной зелени, молодых и до такой степени нежных листьев, что они почти казались нереальными, хотя вскоре должны были совершенно покрыть собой ограду, служащую им защитой.

Маленькие листочки дрожали от дуновения легкого вечернего ветерка. Шум Парижа ясно доносился на этом расстоянии, принося с собой и вызывая видения кипучей жизни, радости и веселья.

Сердце Сары страстно и с отчаянием повторяло ей: «Я знаю... я знаю...»

Она закрыла на мгновение глаза, точно испытывая физическую боль, затем опять открыла их. В комнате по-прежнему ощущалось веяние и очарование весны. Она взглянула на своих гостей; все они собрались около Джона Мартина, который, рассматривая их ладони, рассказывал им их характеры и их будущее, хотя он не знал и даже не хотел знать ни того, ни другого.

Сара ускользнула в глубокую амбразуру окна, и занавес скрыл ее от чужих взоров.

Ее мысли осуждали и в то же время извиняли и защищали ее. Избежать их было невозможно.

Однако в общем она могла все-таки отделаться от них. Ведь какую пользу могут принести женщине эти сожаления о невозвратном прошлом?

Но в данный момент прошлое мучительно напоминало ей о себе, то прошлое, которое было полито слезами, и скрывается в шепоте и тихом смехе, и веет ароматом юности и весны в сердцах каждого из нас.

Это прошлое могли напомнить нам звуки какого-нибудь незнакомого голоса, взгляд, брошенный на небо, которое бледнеет по мере того, как мы смотрим на него, отражение уличных фонарей на мокром от дождя тротуаре и тысячи других незначущих, случайных и обыденных мелочей, которые связаны у нас с этим воспоминанием.

Слова маркизы и взгляд, которыми обменялись двое влюбленных, заставили Сару встрепенуться, точно от удара, лишив ее защиты, упорно и с таким трудом воздвигнутой ею вокруг своей души и состоящей в забвении и строгом недопущении известных мыслей.

Крепость, воздвигнутую ею, пронзила хрупкая стрела, и она снова, спустя три года, очутилась лицом к лицу с обманным счастьем, с днями уже давно забытыми, как ей казалось. И эти дни с торжеством предстали перед ней, окрашенные прежним сиянием, заново блеснувшим в лучах весеннего солнца.

Чья-то рука прикоснулась к ее руке, и голос маркизы ласково спросил:

— Отчего вы так бледны и так печальны? И зачем вы здесь, в этом укромном уголке и одна?

Сара улыбнулась.

— Это вы виноваты, Габриэль. Я была счастлива до вашего прихода. Ваша весенняя речь и взгляд Адриена... Впрочем вообще, тут виновато мое собственное идиотство. Вы все же сказали правду. Весна пробуждает нас, заставляет большинство людей встрепенуться, призывает их к жизни и внушает им чудные мечты о том, какой могла бы быть эта жизнь...

Она вдруг остановилась.

— В конце концов, — сказала она весело, — все это не более как причуды настроения.

— Да, но... — нерешительно начала маркиза, но в этот момент подошел ее муж, чтобы проститься.

Он спросил самым невинным образом и с улыбкой сострадания на своем смуглом, симпатичном лице:

— А как бедняга Коти, Сара? Не лучше ему?

Но в ту же минуту он понял, что сделал какой-то промах. Взглянув на свою жену, он заметил, что он переступил границу тайной области, существования которой не подозревал.

— Ему не хуже? — продолжал он спрашивать, тщетно стараясь загладить свою оплошность в глазах своей жены, взгляд которой выражал теперь сострадание.

Она ласково потянула его за рукав.

— Нам надо идти, Адриен.

Он тотчас же нагнулся над рукой Сары, которая, улыбаясь, ответила ему:

— Благодарю вас. Нет, Коти несколько не лучше.

Маркиза обняла Сару и поцеловала ее.

— Вы будете обедать у нас четвертого? Вы ведь обещали!

— Непременно.

Они вышли, а Сара вернулась к своим остающимся гостям.

На лестнице маркиза остановилась и, повернувшись к мужу, проговорила сердито, сверкая своими голубыми глазами:

— Зачем всегда напоминать, всегда спрашивать об этом несчастном? И как раз в тот момент, когда Сара вспомнила прошлое! Почему я знаю это?.. Ну да, я знаю! И думать о прошлом ей легче, чем думать о будущем. А ты все настаиваешь на будущем своим допросом, стараясь подчеркнуть, что будущее должно быть...

Адриен открыл рот, чтобы оправдаться, но бурный поток речей его супруги не дал ему выговорить ни слова почти до самого их прихода домой.

— Как будто и так участь Сары недостаточно тяжела! — воскликнула она. — Хорош муж, который представляет ничто и в то же время уничтожает всякую радость жизни для своей жены! Ведь он именно таков, этот бедняга! Попробуй представить себе, что должен

чувствовать тот, кто связан с подобным субъектом. Нет, ты этого не можешь! У тебя не хватает воображения для этого, иначе ты бы, конечно, не стал говорить подобным образом...

— Но ведь я только спросил, в каком положении бедняга, — с отчаянием оправдывался Адриен.

— Да, но спрашивать как раз в такую минуту...

— Но ведь я не знал, что это была «такая» минута, Габриэль.

— А разве ты не заметил моего взгляда?

— Я видел. Но я не мог знать, что он означает...

— Следовательно, мои взгляды, мои желания не имеют больше никакого значения для тебя?..

У Адриена вырвалось восклицание, однако, быстро подавленное им. Он нагнулся, посмотрел в лицо жены, пальцем приподнял ее упрямый подбородок и, слегка улыбаясь, поцеловал ее.

Маркиза тоже засмеялась, немного задыхаясь.

— Все равно, — прошептала она, — ты бы не хотел обладать таким мужем, как Коти Дезанж, не так ли?

Адриен не напрасно служил интересам своей страны в дипломатическом корпусе.

— Я не хотел бы обладать никем, кроме тебя, — сказал он решительно.

Доктор несколько поздно вошел в салон. Сара дружеским жестом приветствовала его и стала наливать ему чай.

Он уселся возле нее на низеньком диванчике и наблюдал за ней с особенным вниманием.

Доктор Лукан принадлежал к новой школе, обладающей смелостью и быстротой суждения. Если случай был интересен в научном отношении, то он готов был жертвовать своим покоем, своими личными удобствами, чтобы добиться благоприятного исхода. Но он относился снисходительно и даже любовно и к воображаемым болезням, однако брал за это такую мзду, которой мог впоследствии похвалиться.

Специальностью Лукана было изучение душевных болезней, и он достиг в этом отношении большой известности.

Он сам создал себя, и некоторая резкость обращения, которую он усвоил себе, была выражением, быть может бессознательным, того презрения, которое подчас бывает свойственно человеку, возвысившемуся собственными силами и ясно сознающему, что его противники, несмотря на все их социальные преимущества, стоят гораздо ниже его в умственном отношении, что отчасти уменьшило в его глазах значение его собственной победы.

Лукан был известен своей нелюбезностью, но считав ее деловой необходимостью относительно многих; для немногих же он делал исключения.

Сара принадлежала к этим последним.

Он улыбнулся ей, и его грубое, но умное лицо казалось даже симпатичным в эту минуту.

— Ну что? — спросила она, подавая ему чашку.

— Нехорошо, — ответил он. — Я бы хотел, чтобы было лучше. Новое лечение не принесло пользы, и это огорчает меня.

— Оно не помогло нисколько?

— Абсолютно.

— Но оно не причинило страданий Коти? Ведь вы обещали мне, что оно не причинит

этого. Скажите, не оттого вы выглядите теперь таким серьезным, что опасаетесь последствий?

Лукан покачал головой.

— Нет... говоря по чести, нет. Я разочарован, как вы видите. Это все.

Они оба с минуту молчали. В открытое окно донеслось пение птичек.

— Значит, теперь ничего уже больше нельзя предпринять? — тихо спросила Сара.

— Я этого не думаю.

Он пристально взглянул на нее и неожиданно сказал:

— Я бы хотел, чтоб вы уехали отсюда совсем.

— Я не могу.

— Вы не хотите.

— Лучше говорить, что я не могу.

— Это одно и то же... Слушайте, графиня, я буду откровенно говорить с вами. Ваш муж не знает, да и никогда не будет знать теперь, находитесь ли вы возле него или нет. Если даже вы будете держать его руку в своей руке до самой смерти, то все же он не будет сознавать, что это была ваша рука. Какую же пользу принесет ваше присутствие?

Сара задумчиво вертела вокруг пальца великолепное сапфировое кольцо и затем, вдруг подняв глаза, прямо взглянула на Лукана.

— Даже вы, как ни велико ваше знание и ваша уверенность, не можете поручиться, что Коти абсолютно ничего не знает, не сознает, не чувствует ни малейших подробностей жизни и не будет никогда знать их. Или вы, может быть, поклянетесь в этом?

Она подождала ответа.

— Я готов был бы поклясться, если б я думал, что это может убедить вас, — сказал Лукан. — Но я знаю, что вас это не убедит. Графиня, в нашей жизни ничего нет абсолютно верного, но одно может быть приблизительно верно, как всякий факт, это следующее: что в той болезни, как болезнь вашего мужа, когда мозг бывает поражен до такой степени, в нем уже не сохраняется никакой способности восприятия, никакой памяти и никакого понимания какого-либо действия.

— Но ведь эта способность может вернуться? — воскликнула Сара.

— Я никогда не отрицал чудес, — несколько презрительно ответил Лукан, нагнувшись, чтобы закурить папироску, и, когда зажженная спичка осветила лица обоих, он внезапно спросил:

— Зачем вы, женщина, обладающая таким темпераментом и молодостью, настаиваете на жертве, которую, как я полагаю, ваш собственный рассудок считает ненужной?

Сара взглянула на него.

— Ведь в жизни руководствуются не одним только рассудком, — сказала она.

— Хорошо. Но вы-то почему это делаете? — резко спросил он.

— Наверное, вы знаете, как и всякий другой, историю моей молодости и моего замужества с Коти?

— Конечно, я слушал то, что говорили, — несколько насмешливо ответил Лукан.

Сара улыбнулась, и в этой улыбке она снова стала очень молодой, веселой и трогательной.

— Это было любезно с вашей стороны. Разве истину не должен знать тот, кто готов ей верить? У вас есть время выслушать меня?

— Я всегда хотел слушать вас, — сказал Лукан, — именно потому, что вы всегда

интересовали меня.

Это была правда, хотя тут и могло быть небольшое преувеличение ввиду особых условий положения. Но, во всяком случае, Лукан обладал нормальным взглядом мужчины на красивую женщину, а графиня Дезанж была, без сомнения, очень красива.

Кроме того, она обладала той опасной привлекательностью, трудно поддающейся определению, которой обладают некоторые женщины. Это неизменно влечет у них за собой как способность страдать, так и способность заставлять страдать других.

Женщины с холодным темпераментом также могут иногда обладать этой способностью, но их власть над своими поклонниками бывает непрочной. Между тем женщина миловидная, с горячим темпераментом, может доставить блаженство или муки ада человеку, влюбленному в нее.

Лукан смотрел холодным взглядом на графиню. Белизна ее кожи, решил он, имела перламутровый оттенок, а синий цвет глаз получал слегка пурпуровую окраску, когда на них чуть-чуть опускались длинные темные ресницы.

Ее волосы напоминали своим блеском старинное полированное дерево с золотистым отливом, и Лукан, как знаток женщин, твердо был уверен, что у нее была превосходная горничная, которая ее причесывала.

Как бы то ни было, но он находил ее очаровательной и, конечно, желал услышать ее историю, как пожелал бы этого каждый мужчина, обладающий естественной долей любопытства, если бы красивая женщина захотела оказать ему такое доверие.

— Я счастлив, что вы хотите рассказать ее мне, — сказал он с совершенно несвойственной ему любезностью.

— Да, я хочу рассказать вам и объяснить все. Начну с того, что, как вам известно, я англичанка. Говорю вам это потому, что для вас, как француза, занимающегося анализом души, это может служить некоторым подспорьем. Итак, начнем с меня, англичанки. В девятнадцать лет я очутилась в таком мире, который живет только сегодняшним днем, потому что не может иметь достаточно для завтрашнего дня. Как это ни странно, но я вышла замуж за Коти вовсе не ради его денег. Если бы это было так, то я могла бы покинуть его теперь, взять любовника и жить так, как хочу, потому что я считала бы тогда, что выполнила свои обязательства перед ним. Но и вы, знавший его во время его блеска, не подумаете также, что он женился на мне только из рыцарского чувства. Разве это такая добродетель, которая подходит к его наружности, к его ужасным ярко-желтым перчаткам, его веселому, чертовски некрасивому лицу и его обожанию конюшен и старого шартреза? Но рыцарское чувство и горе были единственными причинами нашего брака.

Моя мать, я думаю, вы слышали о ней, — она была очень красива и даже знаменита своей красотой, — никогда особенно не интересовалась мной. И вот, когда я действительно полюбила, как мне казалось, глубоко и страстно, одного человека, то это нисколько не встревожило ее, и она не предостерегла меня от него. Мне кажется, она просто смеялась, когда позднее открыла его неверность, и только сердилась на то, что я могла так страдать от этого и быть такой печальной. Притом же она не придавала особенного значения тому факту, что мой любовник оказался изменником, — ведь, в конце концов, все они таковы! Но скандал привел ее в бешенство, и вот именно тогда на сцену явился Коти. Он пришел, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение, принести ей в подарок жемчуга, или чек, или что-то в этом роде. Я же изо всех сил старалась быть гадкой и выместить на других тот вред, который был нанесен мне. Коти не был добродетельным, он сразу сознался мне в этом, но у него

были качества, встречающиеся у таких, как он, а именно: расположение к детям, к хорошеньким молодым существам и пристрастие к «форме» и происхождению. Кроме того, — хотя он лишь позднее рассказал мне об этом, — его как раз в это время покинула женщина, которую он обожал. Она была красива, если хотите, и в его душе любовь к ней, к ее красоте, таилась глубоко, как это часто наблюдается у таких людей. Они как будто стыдятся чувства любви, хотя и не могут никогда избавиться от него. Но они расплачиваются за это страданиями, как это было и с Коти в его обожании Клер Форуа. Для нее он украсил этот дом, построил храм в парке Дезанж, и я думаю, что ради нее он старался избегать желтых перчаток и не носить пальто и сапог, которые ему нравились. Бедняга! Он говорил мне, что Клер так хороша, что у него всякий раз сжималось сердце, когда он смотрел на нее. Не забудьте, что это говорил Коти, тот самый, который читал только свой календарь скачек и «Le Rige». Но, как бы то ни было, Коти стал моим другом, и вот однажды, когда жизнь казалась более отвратительной, чем обыкновенно, он предложил мне выйти за него замуж. Я сказала ему, что не люблю его и что, несмотря на презрение к самой себе за это и на насмешки всех и каждого, я не переставала любить человека, который никогда меня не любил и обманывал всюду. Коти сказал мне, что он тоже не любит меня, но он хочет заботиться обо мне и что он чувствует себя одиноким.

Все решительно говорили, что я вышла за него ради денег. Но Коти, вместе со мной, смеялся над этим. «Что тут продавалось?» — говорил он мне. После нашего брака он продолжал оставаться таким же, каким был раньше. Разумеется, мы вернулись в Париж. Он также занимался скачками, как и раньше, и пил так же много, как прежде. Но ко мне он всегда был неизменно добр. Я, конечно, старалась не оставаться у него в долгу, не отказалась пользоваться Комнатой Весны, которая была декорирована им для Клер и где висели ее портреты, нарисованные знаменитыми европейскими художниками. Коти желал бы, как мне кажется, обессмертить ее, если бы мог, и даже порой садился и мечтал перед ее портретом кисти Лэшло. По-видимому, он не чувствовал против нее никакого озлобления за то, что она бросила его ради одного русского, толстого и грубого блондина, составлявшего, в сущности, полную противоположность Коти. И вот, порой он говорил со мной о ней, а я говорила о Шарле Кертоне. Но мы оба знали несчастье друг друга; он знал обо мне худшее, я же знала только лучшее о нем, так как не было ничего другого, что я могла бы знать про него. Вы не можете представить себе его великодушия, и я не в состоянии говорить вам об этом. Он все давал мне без всякого стеснения; я имею в виду не только драгоценности, но и деньги. Он сделал следующее: не обращая внимания на скандал, он заставил мир, к которому сам принадлежал, хотя и не очень дорожил им, вполне признавать меня как его жену. Вдвоем мы стали сами собой и заняли надлежащее место. Это звучит несколько нелепо, но, я думаю, вы понимаете, что я хочу сказать. Для женщины это все же имеет значение, — все равно, признает ли она это или нет, так как женщины вообще не стремятся попирать ногами условности и за это расплачиваться потом, как бы они ни хвастались этим и как бы ни насмеялись над этими условностями.

В конце первого года нашего брака, когда мы как будто начали лучше понимать друг друга и когда я, наконец, убедилась, что этот уродливый человек в действительности не был ни таким безобразным, ни таким уродливым и что его грубый язык, его пьянство, его увлечение скачками были не более как одеждой, которую он мог снять и надеть по желанию. И как раз тогда, когда Коти начал приходить к решению, что не так уж скучно, как он это думал раньше, проводить время с собственной женой, и случайно, хотя и очень, очень редко,

стал разговаривать со мной о разных вещах, — началась его болезнь. Сперва это казалось совершенно невероятным, чтобы подобная болезнь могла взять верх над ним; это было так несправедливо, так чудовищно! Ни один из нас не допускал мысли, чтобы такое состояние могло продолжаться; мы даже смеялись над подобной идеей, а между тем мы все время знали, что это возможно. И наконец, я обнаружила все: что он это знает и этого страшится. Случилось это однажды ночью, когда я вошла в его комнату, и он не слышал меня. Он лежал неподвижно, потеряв почти всякую способность двигаться. Я стояла в дверях и видела, что он плачет, и лицо его искажается, гримасничает, как лицо ребенка, когда он уже не в силах больше переносить своих страданий. Я никогда его не обнимала, но тут я его обняла, положила его голову к себе на грудь, качая его как ребенка, и тогда он заговорил. Он не просил у меня никаких обещаний, ничего не спрашивал, и я ничего не говорила ему, но мы оба знали это. И он плакал у меня на груди, пока не успокоился постепенно. Мы никогда больше не говорили об этом, и даже когда ему стало хуже, он все же хотел, чтобы его относили в гостиную, и мы с ним вместе принимали гостей, пока... пока он не лишился речи!

А теперь я подошла к ответу на ваш вопрос, если только вы уже не получили его. Но есть еще другая подробность, которую я хочу сообщить вам. Как раз после того, как он лишился речи, мы изобрели с ним немой разговор при помощи губ и век. И мы разговаривали с ним таким образом в течение месяцев. Он обсуждал со мной скачки, после того как я прочту ему известия о них. И тогда в течение короткого времени к нему как будто возвращалась прежняя сила мозга, и пока она существовала, мы с ним составляли планы нашего будущего. И это останется моим настоящим, пока он не умрет... Не долг удерживает меня возле него и не любовь, о которой говорят всегда, но мы с ним партнеры в жизни, и, как во всякой другой игре, вы будете поддерживать своего партнера, если он не очень хорошо играет, — так и я: пока Коти не умрет, буду помогать ему делать его ходы. Я должна уплатить ему свой долг за то, что он научил меня играть и поддерживал мои ходы в первые дни. И этот долг я никогда не смогу уплатить вполне. Вы можете быть повержены своей собственной слабостью, как и жестокостью других, своей неспособностью освободиться от рабства, за которое вы себя глубоко презираете, прежде чем вы поймете, наконец, что вы должны чувствовать относительно человека, который поднимет вас, очистит от всякой грязи, избавит от страданий и перенесет в такое место, где есть свет и безопасность. Коти никогда не говорил мне о моей безумной погоне за человеком, который во мне не нуждался. Я не стоила рыцарских чувств, а Коти положил свои руки под моими ногами. Мужчины не часто бывают такими, даже если они дают лучшее, что есть в них, в течение всей своей жизни, и дают худшим женщинам. Не думаете ли вы, зная все это от меня, что все, что я ни делаю для Коти, слишком мало?

Лукан несколько мгновений молчал и следил глазами за дымком своей папироски, который поднимался спиралью вверх и расплывался в воздухе. Наконец он сказал с ударением:

— Я думаю, что вы такая женщина, преобладающими качествами которой являются великодушие и благодарность, но у вас эти качества могут легко принять характер пороков, благодаря отсутствию меры и недостатку контроля над своими чувствами, чем вы, по видимому, страдаете. Чувство благодарности, доведенное до крайности, может легко перейти в снисходительность в духе собственного благородства. Все, что страдает преувеличением, вредно и является ошибкой... Я думаю, что вы все-таки должны уехать.

Она мило рассмеялась, и смех ее был тем более очаровательный, что она сознавала, как редко можно встретить такую благодарность, какую она чувствовала к Коти, и резкие комментарии Лукана, его отзыв об этом, как об истерическом, чрезмерном развитии этого чувства, задевали ее тщеславие.

— Я не уеду, — мягко заявила она.

Лукан кивнул головой, встал и поклонился ей.

— Значит, мне больше незачем здесь оставаться, — сказал он.

Он ушел через минуту, оставив Сару под влиянием смутного сознания, что она поступила неправильно, и впервые явившегося у нее открыто выраженного неопределенного желания свободы.

Слова Габриэли не остались без влияния и вместе с грубым, открытым требованием Лукана, чтобы она уехала на время, прорвали завесу, закрывавшую ту внутреннюю камеру ее души, в которую она не хотела заглядывать, боясь приподнять завесу, с таким мучительным усердием сотканную ею из самоотречения, самообуздания и благодарности.

Теперь, когда ее гости удалились, большая красивая комната показалась ей особенно пустынной, а мир и тишина благоустроенного дома — спокойствием смерти. Только в вымощенном и засаженном цветущими растениями палисаднике ощущалось дыхание жизни и слышался шум. Дом же напоминал гробницу, роскошно декорированную и украшенную драгоценностями, где живые существа могли разгуливать, но из которой они не могли убежать.

Слова Лукана, его критика решения, принятого ею, ее собственная откровенность и воспоминание прошлого пробудили в ней дремлющую душевную боль и углубили впечатление, произведенное на нее словами Габриэли. Чувство неизъяснимой, страстной тоски охватило ее.

Она сильно вздрогнула, услышав чей-то голос, и быстро повернулась.

Лакей держал дверь открытой, доложив о приходе какого-то молодого человека, который быстрыми шагами приближался к Саре. Она смутно припомнила в эту минуту, что Адриен говорил ей о каком-то своем приятеле или родственнике, который желал нанести ей визит. Должно быть, это был он, Жюльен Гиз. Он был адвокатом, и Сара припомнила, что уже видела его где-то.

Она бросила на него взгляд, каким обыкновенно смотрят женщины на человека, которого встречают в первый раз. В этом взгляде выражался интерес и тысяча всяких вопросов, на которые часто не находится ответа. Она решила, что он довольно красив и изящен. Он был очень высок ростом, с гладко причесанными блестящими волосами, прилегающими к голове, как шапка. Похож ли он был на адвоката? Пожалуй. У него были серые глаза с несколько тяжелыми веками, крутой подбородок и ясно очерченный, гладко выбритый рот.

Вдруг Гиз засмеялся.

— Что вы думаете обо мне? — неожиданно спросил он.

Сара тоже засмеялась.

— Я хотела бы знать, можно ли назвать ваше лицо лицом юриста?

— Надеюсь, — ответил он. — Наружность имеет значение во всех формах жизни, но для адвоката особенно полезно иметь подходящую наружность. Видите ли, мы ведь сродни актерам, только пьесы, в которых мы выступаем, бывают монотонно одинаковы, и наша сцена менее романтична.

Он сделал паузу и снова улыбнулся. Эта мимолетная улыбка придала его лицу на мгновение мальчишеское выражение.

— Могу я посмотреть так же на вас и сказать вам, что, как я думаю, внушает ваше лицо?

Сара слегка нагнулась и взглянула на него с насмешливым вниманием.

— Пожалуйста! — сказал она.

Взгляды их встретились, затем он перевел свой взор на ее губы и снова поднял его, а его веки слегка опустились.

— Очевидно, у вас есть темперамент, — медленно произнес он, — твердость и...

Он намеренно остановился.

— И что? — настаивала она. — Вы должны кончить, знаете? Действительно, очередь за вами, и вы должны сделать ход.

— Только неискusstный игрок, графиня, рискует всем в первом же ходе.

— Вы старше, чем я думала, — сказала она, — и теперь я знаю, что вы адвокат.

Они заговорили о только что вышедшей книге, о новой пьесе, об Адриене и Габриэли. Где-то пробили часы.

Гиз встал.

— Я пришел поздно и бессознательно остался еще позднее. У вас было много гостей сегодня, не так ли? Но я не мог уйти раньше. Вы должны быть очень утомлены.

— Почему? — спросила она с внезапным цинизмом. — В конце концов вся моя жизнь состоит из приемов: один обед здесь, другие обеды в доме моих друзей, спектакли, катания и в конце концов какая-нибудь вовсе не изнурительная работа. Вы это сами увидите. Но иногда страстно желаешь настоящего дела...

— Иногда, — вставил Гиз с печальной улыбкой. — Вы не оцениваете прелести свободы. Это одно только может придавать ценность жизни. Подумайте о том, что у вас нет определенных часов, что ваши дни свободны и нет требований, которым вы должны подчиняться...

Он внезапно остановился у большого открытого окна на пути к выходу и спустя мгновение продолжал:

— Нет требований, которым должны подчиняться такие люди, как я, люди, которые борются, чтобы вынырнуть наверх и подняться над общим уровнем. Весь мир представляет не что иное, как сцену для вашего пола и фабрику для моего. А сама жизнь — это клетка для таких, как мы...

— За исключением этого места... весной, — сказала Сара, взглянув на серебристо-голубое небо и группы гвоздик внизу.

Гиз повернулся к ней, улыбаясь.

— Мне кажется, все смутное недовольство, выразившееся в моей негодующей речи, в данный момент объясняется вашими словами. День казался бесконечно длинным в суде, потому что солнце ярко светило снаружи. Какие мы рабы климата, все мы! Это нелепо, не правда ли?

— Трудно было бы представить себе, что и вы такой.

— Почему? Потому что мне тридцать лет и я адвокат, желающий выдвинуться? Знаете ли вы, что это уничтожает фантазию, способность мечтать, все эти мелочи, странные и нелепые, свойственные человеческой натуре. Мы все повинны в этом, даже те избранные, которые как будто настолько возвышаются над нами, что нам приходится задирать голову, чтобы увидеть их. Я часто думаю о том, встречая людей и изучая их, многие ли из них

считают камни мостовой, гуляя вдоль бульваров, и какие люди, проходя тут, чувствуют такой же подъем в душе, как я, когда мимо проезжает повозка, нагруженная цветами, и оставляет в воздухе ароматный след, который окутывает вас? В сущности, все так нелепо похожи друг на друга, что быть исключением нельзя.

Они оба рассмеялись.

— Я должен идти, я оставался постыдно долго здесь, — сказал Гиз.

— Вы должны прийти опять, — возразила Сара, — и в следующий раз вы должны закончить сентенцию, которую начали сегодня. Вы не можете ссылаться на то, что вам не хватает слов, так как Адриен рассказывал мне, какие блестящие речи произносите вы на суде.

— А! Но там адвокату нужно только иметь язык, чтобы произносить речи. Иное дело говорить с женщиной, — для этого надо обладать речью ангелов.

— Хорошо, что существует два сорта мужчин, иначе большинство женщин погибли бы от скуки, — сказала Сара, сверкнув на него глазами. — Ну, прощайте, до свидания, наконец!

Он ушел, и только отзвук их обоюдного смеха сохранялся еще несколько минут после его ухода.

Сара прошла по комнате, бесцельно притрагиваясь то там, то сям к разным вещам: она поправила подушку, подвинула чашку, стоящую на краю стола, и подняла упавший цветок...

Внезапно она увидела себя в одном из больших зеркал в позолоченной раме. Ее собственная фигура, выделяющаяся на фоне прозрачного вечернего неба, видневшегося в открытом окне, и на окружающих белых стенах комнаты, показалась ей довольно привлекательной. Она подошла вплотную к зеркалу и посмотрела на комнату, отразившуюся в нем, как будто видела ее впервые. Затем она перевела взор на свою собственную, тонкую, стройную фигуру в белом, на нитку жемчуга, надетую на ней, бриллиантовые шпильки в волосах, на все бесчисленные детали своего туалета, отражавшие свет.

Она знала, что она прекрасна, как это знают обыкновенно все красивые женщины, но она уже привыкла к такому сознанию и относилась спокойно к этому факту.

Она слишком долго жила в свете, где красота женщины была необходимостью и где совершенно открыто и с интересом обсуждали ее, поэтому и не чувствовала никакого самодовольства. В ее жизни красота была центральной вещью, и она знала это.

Ее мать была красавицей и даже теперь еще была красивее ее. Это был другой факт, который способствовал развитию у нее скромности. Но она радовалась тому, что была красива, и в двадцать пять лет оставалась настолько ребенком, что ее огорчало малейшее пятнышко на лице. Однако в обычном смысле она не была тщеславна; она ничем бы не пожертвовала ради своей наружности, не подвергала себя никогда никакой бессмысленной диете и не расстраивала себя никакими тревожными мыслями.

И вот, внезапно, сидя здесь в одиночестве в этой огромной комнате, она почувствовала страстное желание, чтобы кто-нибудь вошел и властно заключил ее в свои объятия, сказав: «Дорогая, как ты прелестна!» Она насмешливо усмехнулась при этой мысли и старалась позабавиться над своей сентиментальностью, считать это театральным позированием, но в глубине своего сердца она знала, что это желание было реальным.

Как ужасно, что для счастья нужны такие мелочи! Нужно, чтобы кто-нибудь вошел и сказал: «Как ты красива!», чтобы можно было вместе смеяться, с кем-нибудь спорить, на кого-нибудь смотреть и кому-нибудь принадлежать, — хотя это уже нельзя причислить к

категории мелочей. И вдруг она вспомнила, как Коти пришел однажды, топая ногами от холода, с посиневшим, темным лицом, но с блестящими глазами, и крикнул ей со своей обычной манерой:

— Как чудесно, что есть кто-то, к кому можно вернуться! Для этого стоит жениться...

И он сказал ей в этот вечер, прежде чем идти на «блестящее сборище бездельников», как он назвал холостые обеды, что очень много мужчин только и женятся для того, чтобы было к кому прийти.

— Так скверно приходиться вечером и не находить никого! — рассуждал он. — Одиночество — своего рода ад, и если дорога, ведущая в ад, вымощена добрыми намерениями, то параллельно с нею идет дорога к одиночеству.

О, если б она могла опять услышать этот добрый хриплый голос! Но она больше не услышит его никогда! Он умолк навсегда, члены его стали неподвижны, и его быстрые блестящие глаза потускнели. Только за тяжелыми ресницами, быть может, еще что-нибудь жило и двигалось.

Лукан сказал: «Нет!», но Коти был таким полным жизни всегда, таким жизнерадостным, что Сара не могла поверить, что мозг, так любивший жизнь, перестал ее ощущать.

В комнату вошел слуга, чтобы убрать чайный поднос. Сара повернулась и быстро вышла.

Ее горничная англичанка, служившая у ее матери за повара, дворецкого, портного и главного советника в маленьком мрачном домике на Керзон-стрит, последовала за нею в Париж. Леди Диана, несмотря на то, что она ценила эту женщину и ее бесспорную преданность, отпустила ее, пожимая плечами и говоря: «Ну, что ж, если Гак предпочитает Сару, то пусть она уходит к ней. Можно долго держать у себя лучшего слугу, но никогда нельзя знать, когда он вас покинет».

Сара надлежащим образом поблагодарила свою мать и заключила на момент костлявую фигуру Гак в свои объятия.

У этой женщины были две характерные особенности, которыми она хвасталась: во-первых, она отказывалась учиться говорить по-французски, а во-вторых, она особенно забавно сокращала некоторые слова. Но слушатель, который освоился с этими особенностями ее произношения, находил ее разговор подчас весьма остроумным и интересным.

Гак была очень высока, очень худа, рот у нее был большой, но зубы прекрасные.

— Вы опоздаете, миледи, — сказала Гак, поклонившись Саре. — Вам придется сократить чтение его сиятельству.

— Никогда, — прошептала рассеянно Сара, отдаваясь в искусные руки своей горничной.

Сара произнесла это по-французски, и Гак, услышав иностранный язык, проговорила агрессивным тоном:

— Извините, миледи...

— Как мне хотелось, чтоб ему стало лучше! Но Лукан говорит, что новое лечение не принесло пользы, — сказала Сара как бы ей в ответ.

— Я могла предсказать ему это, — заметила Гак презрительно. — Так будет и с другими способами, миледи. Я нахожу, что это стыдно — пробовать эти новые способы на бедном господине.

— Никаких других проб не будет сделано на нем, — тихо ответила Сара.

— Было у вас интересное общество сегодня, миледи?

— Кажется... Благодарю вас, Гак. Только все эти собрания становятся как-то очень похожи друг на друга.

— Очень много сходства вообще существует между многими вещами, я думаю, — сухо заметила Гак, втыкая в волосы Сары черепаховую шпильку, украшенную бриллиантами. — Мне кажется, если вы философ, то найдете много необычайного сходства в этом мире. Мы все рождаемся и все умираем, а в промежутке все влюбляемся, более или менее согласно с нашей природой, и все мы находим для себя других, смею сказать, и нас находят тоже, своим чередом. Когда вы действительно задумаетесь над жизнью, то вам покажется забавным интерес, который люди находят в ней, потому что все мы едим, спим, разговариваем, работаем, ссоримся, целуемся, и так без конца! Мне смешно читать о людях, которые ищут приключений. Ничего не найдешь больше, если даже будешь терпеливо искать.

— Бывают случайности, — засмеялась Сара.

— Я только что хотела сказать это, — с достоинством возразила Гак.

Она ловко, одним движением надела на Сару, через голову, юбку из серебристой ткани с волнами из легкого, как пена, шифона.

— Я очень парадно одета сегодня вечером, не правда ли? — спросила Сара, точно удивляясь этому.

— Вы сказали мне, что будут танцы в опере, а по-моему, в оперу надо надевать что-нибудь особенно изысканное, — с твердостью возразила Гак. — Я уверена, мисс Сара, что вы будете так хороши, как картинка.

Сара на мгновение представила себе, как она выглядит в своем изящном туалете, в парчовых башмачках, шелковых чулках, в платье из нежной, тонкой материи, с венцом блестящих волос на голове и нитями жемчуга, ниспадающими на юбку и мерцающими, словно лучи лунного света.

— Дайте мне бархатный красный плащ, Гак, — сказала она. — Хорошо. Дайте мне перчатки. Я пойду в комнату графа в этом наряде. Во время чтения я могу спустить плащ... Знаете, ведь сегодня чудесный вечер! Заметили ли вы, как ярко сияют огни в эти весенние ночи и как ясно слышны все звуки?..

— Смотрите, не простудитесь, миледи, — наклоняясь в открытое окно, настаивала Гак. — Я знаю только одно, что в эти весенние ночи легко можно схватить простуду, как бы ярко ни сияли огни и как бы ясно ни раздавались звуки в ночной тиши. И это факт!

Сара рассмеялась и сейчас же отошла от окна.

— Не сидите долго, милая Гак. Я вернусь, вероятно, очень поздно. Доброй ночи.

— Желаю вам веселиться, — ответила Гак и несколько минут стояла неподвижно и смотрела на удаляющуюся по коридору высокую, стройную фигуру своей госпожи.

Двери в покои, занимаемые хозяином дома, оставались всегда открытыми. Сара отдала такое распоряжение под влиянием странного, чисто детского страха, что Коти может вдруг почувствовать, что он заперт, и страдать от сознания, что он отделен от всех, не будучи в состоянии выразить этого никак.

Когда она прошла через первую комнату и вошла в спальню Коти, то его лакей поднялся со стула, на котором он сидел возле окна. Это был маленького роста, гладко выбритый, опрятный человек. Он обратился к Саре:

— Могу я поговорить с вами, миледи?

— Конечно, Франсуа.

Она прошла в маленькую гостиную, и он последовал за нею, заперев за собой дверь.

Никогда в течение этих двух лет Франсуа не рисковал тем, что Коти может услышать что-нибудь такое, что причинит ему страдание, и никогда в его присутствии не позволял себе даже на одно мгновение выразить на своем лице печаль, уныние или страх; теперь его трогательно преданные, как у собаки, глаза с тревогой смотрели на Сару.

— Доктор не питает никаких надежд на новое лечение? — спросил он.

— Никаких, Франсуа.

Он издал губами какой-то слабый звук и проговорил:

— Благодарю вас, миледи... Газеты все выложены мною. Останетесь ли вы тут час или это заставит вас опоздать?

— Нет, я останусь. Вы не торопитесь возвращаться, Франсуа. Гак придет сюда, когда я уйду. Или она, или я, мы останемся с сиделкой до вашего возвращения.

— Благодарю вас, миледи. Это для того только, чтобы господин не оставался один... если никого из нас не будет.

Он вышел, но, по-видимому, несколько неохотно воспользовался своим свободным часом. Сара вернулась в спальню мужа.

Котирон Дезанж лежал неподвижно уже целыми месяцами. Голова его покоилась на целой горе подушек. Он был чисто выбрит и одет в китайскую стеганую куртку поверх своей тонкой, шелковой пижамы. Его руки были тщательно вымыты и лежали неподвижно на одеяле, а на одном пальце у него было надето кольцо с печатью. Его исхудавшие члены были прикрыты великолепным персидским платком, лежащим поверх множества других одеял.

Когда Сара вошла, маленькая собачка, йоркширский терьер, спрыгнула со стула, стоящего у кровати, и с веселым лаем бросилась к ней. Сара махала лентой, поддразнивая ее и заставляя громче лаять, и сама в это время смотрела на неподвижное лицо мужа, но оно даже не дрогнуло.

Нагнувшись, Сара подняла Вильяма, и собачка прижалась к ней своим маленьким шелковистым телом, стараясь лизнуть ее розовым язычком. Она положила Вильяма на кровать; он побежал вперед к руке ее мужа и улегся возле нее, махая хвостиком и уставив свои темные глаза на своего хозяина.

Сара подошла к кровати и, усевшись рядом с собачкой, сбросила свой чудный красный плащ с большим темным меховым воротником на постель. Склонившись над мужем, она поцеловала его и затем стала водить по его лицу кончиками своих тонких пальцев. Но ни один мускул не дрогнул в его лице, и оно оставалось неподвижным, словно высеченным из камня.

Она начала говорить с ним, как будто он мог ее слышать и понимать:

— Дорогой мой, де Клев приходил сегодня. Он все такой же влюбленный в свою жену, а Джон Мартен поручил мне передать тебе, что Бонбон оказался победителем еще в большей степени, чем даже ты предсказывал. Он говорил мне, что очень желал бы, чтобы ты снова оказался провидцем и помог бы ему выиграть главный приз на скачках. Он наделал глупостей относительно своего жокея Томми Рагга, этого английского юноши, которого обучал твой жокей. Томми, по-видимому, влюбился и хочет скакать только в Англии, не желая покидать ту, которую обожает. Джон рассказал нам, что он намекнул Томми, что постарается устроить бега поблизости того места, где живет его дама, и Томми только ответил, когда он спросил его мнение об этом плане: «Очень хорошо, сэр». Теперь Джон

говорит, что он чувствует своим долгом оказывать покровительство этому роману...

Сара вдруг оборвала свою речь, почти проглотив последние слова. О, как бессмысленно было, как идиотски глупо говорить это здесь, обращаясь к неподвижной фигуре на кровати, дышавшей едва заметно!

Она еще ниже нагнулась к своему мужу.

— Коти! — прошептала она с жаром.

Снаружи проехал экипаж, захлопнулась дверь, но в комнате не раздалось ни малейшего звука.

Она заглянула в глубоко лежащие темно-синие глаза, смотревшие на нее без всякого выражения. Затем, вздохнув, она взяла вечернюю газету и, отыскав страницу скачек, начала громко и медленно читать известия, которые так любил некогда слушать ее муж.

Окончив чтение, она стала ходить по комнате и говорить о разных пустяках, причем иногда над чем-нибудь смеялась, продолжая разговаривать так, как будто ее муж понимал ее.

Комната была прекрасная, та самая, которую Коти некогда предназначал для любимой женщины.

Стены этой комнаты были покрыты рисунками цветов, белых, коралловых, бледно-розовых и серебряных, выделяющихся на чудесном серовато-зеленом фоне. В каждом углу стояло цветущее дерево, и Сара заботилась о том, чтобы оно постоянно возобновлялось. А прямо перед кроватью Коти висел портрет Клер Форуга кисти Лэшло. Пол был покрыт коврами нежного цвета. В камине горел яркий огонь, и над ним доска из отполированного итальянского розового мрамора возвышалась почти до потолка. Вблизи кровати, возле кресла, находилась будка Вильяма, специально заказанная для него и выкрашенная в зеленый цвет. Над нею было написано имя Вильяма и вделана в рамку единственная медаль, полученная им на выставке. Коти только один раз выставлял его, так как вскоре после этого началась его болезнь.

В одном углу комнаты было поставлено маленькое пианино. Сара села перед ним на табуретку и, обернувшись назад, проговорила:

— Я хочу сыграть что-нибудь.

И она начала играть любимые пьесы Коти. Он не любил классической музыки и говорил, что может вполне удовлетвориться «Богемой», «Кармен» и другими подобными же вещами. Но больше всего он любил знакомые ему вальсы, старинные английские охотничьи песни (он воспитывался в Ругби) и новые песенки открытых сцен.

Она сыграла все его любимые вещи и, взглянув на Коти, убедилась, что он не пошевелился. Она встала и подошла к кровати, чтобы проститься с ним. Она снова поцеловала его, подержала его тяжелые, чуть теплые руки в своих руках и прошептала:

— Доброй ночи, дорогой мой!..

Накинув свой красный плащ перед зеркалом, она медленно пошла к двери. Глаза Вильяма следили за ней, но только одни его глаза!..

Она ушла.

ГЛАВА II

Посмотри, вокруг цветы

Расцветают вновь.

С ними мчись в страну мечты,

Где царит любовь.

Альфред Нойс

В опере давали «Князя Игоря», никогда не принадлежавшего к числу особенно любимых опер Сары. Сегодня же красивая музыка, выражавшая столько разных и противоположных чувств, совсем даже не действовала на нее. Контрасты в самой жизни были так ужасны, загадки, выдвигаемые одними только фактами существования, так неразрешимы, что повторный крик тенора: «Зачем?», с которым он обращается к судьбе за поддержкой, прозвучал в ушах Сары, несмотря на прекрасный голос певшего эту арию и чудесную музыку, как простой скрип колес какой-нибудь огромной машины.

Ее собственное унылое настроение, отказ Лукана от всякой надежды, терпеливая преданность, светившаяся в глазах Франсуа, и биение пульса весны, которое она ощущала в своих жилах, — все это заставило ее, несмотря на всю ее томительную тоску, увидеть фиктивную ценность того, что ее окружало, и внушило ей болезненные мысли.

Ее нервы были чересчур натянуты, она нравственно устала, и ей казалось, когда она откинулась в своем кресле и еще больше скрылась за занавеской ложи, что это было чудовищно со стороны этих людей, что они могли сидеть здесь и наслаждаться в то время, как Коти и все имеющие соприкосновение с ним осуждены на скрытое мученичество.

Рядом с нею в ложе Габриэль, почти незаметно, но совершенно явственно для Сары, старалась прислониться к своему мужу. И Сара знала, что скоро их глаза встретятся, и они обменяются весенним взглядом, представляющим вечную дань любовников друг другу. Она начала внимательно рассматривать Адриена и удивлялась, — как это частенько делаем и все мы в отношении своих друзей, — что могла найти в нем Габриэль, чтобы так полюбить его?

Он был приятным человеком, приятным для взгляда, для разговора и, вероятно, для жизни с ним. Но выйти замуж за него и обожать его только за одну эту приятность?..

Акт кончился. Зал осветился. Адриен тотчас же поправил мантилью на своей жене, повернул кругом ее стул и сел между нею и Сарой.

— А как вы нашли моего друга Гиза? — спросил он. — Мы (он улыбнулся своей жене) могли бы многое порассказать вам о том, что он думает о вас, но он просил позволения прийти к нам в ложу и поэтому мы предоставим ему самому говорить за себя. Но он славный парень, не правда ли? И очень блестящий, когда выступает в суде.

— Мне он нравится, — сказала Сара, в первый раз вспомнив о нем, после того как он от нее ушел. — И я думаю, что он умен.

— Он, в некотором роде, кузен Адриена, — вмешалась маленькая маркиза. — Их двое: старик его отец и Жюльен. Они оба одинаково бедны и горды. Они даже не хотели признавать нас, потому что мы богаты, и только в этом году Жюльен приехал в Клев. Раньше он не хотел там появляться, потому что у него не было подходящего костюма, как он говорил мне.

— Ну, скоро он будет в состоянии закупить себе целое приданое, — весело заговорил Адриен. — Он получает такие гонорары, скажу вам!..

— Он не имеет вида человека, который вел борьбу в жизни, — сказала Сара. — Он показался мне довольно пассивным, как раз такой тип человека, которому если не вполне все надоело, то, во всяком случае, он уже ко всему привык и относится равнодушно. Впрочем, я вспоминаю теперь, он все же как будто недоволен своим существованием.

Дверь открылась, и вошел Жюльен Гиз.

Сара подняла глаза и встретилась с ним взглядом. Маркиз де Клев добродушно засмеялся и вышел вместе с женой из ложи, чтобы повидать своих знакомых во время антракта.

Сара и Жюльен остались одни.

— Я счастлив, что так скоро мог снова увидеть вас, — сказал он, понизив голос.

— Меня очень нетрудно увидеть, мосье Гиз, уверяю вас, — машинально ответила Сара.

— Значит, я неверно прочел тайну ваших глаз?

Не существует такой женщины, которая могла бы противостоять лести, заключающейся в первом проявлении интереса к ней человека, который ею восхищается. Чувство тоски, овладевшее Сарой, несколько смягчилось, когда она заговорила с ним.

— Ну, так вы должны теперь закончить то, что вы начали говорить мне, — сказала она.

— Я сообщил вам сделанный мною вывод, что к вам приблизиться нелегко, — ответил он.

Всегда приятно чувствовать себя существом незаурядным, а в словах, сказанных им, заключался именно такой смысл.

— Почему вы так думаете? — спросила она, пристально взглянув в его лицо.

Он отвечал не улыбувшись и без всякой лести:

— Потому что мне кажется, что вы были несчастны и с тех пор боитесь оставлять открытой какую-нибудь дверь, через которую мог бы войти посторонний гость. Только те, кто действительно страдали, плотно запирают свою дверь, но у большинства людей, как мужчин, так и женщин, это является лишь провокацией. Человек всегда воображает, что ему нужно именно то, чего он не может получить, — в этом и заключается привлекательность этой закрытой двери для большинства людей.

— Какое жалкое удовольствие, — воскликнула она, — исследовать так подробно и так тщательно человеческую натуру, так беспощадно рассекать ее, анализировать мысли и эмоции людей только для того, чтобы увидеть, какими тонкими струнами большинство из нас пользуются, чтобы создавать иллюзию преданности, столько же для собственного спокойствия, сколько и для удовлетворения кого-нибудь другого.

— Я вовсе не такой дерзкий человек, графиня, каким вы желаете меня изобразить.

— Но как надо бояться вас! — прибавила она. — Я никогда не думала раньше, что человеческая душа может быть так обнажена перед адвокатом уголовного суда. Я чувствую теперь, что недостаточно оценивала до сих пор пронизательность адвокатского сословия.

Гиз внезапно удивил ее. Он нагнулся вперед, как можно ближе к ней, и, упорно глядя ей в лицо, сказал:

— Знаете ли вы, что я чувствую относительно вас?

Сара отодвинулась и бессознательно раскрыла веер, поставив таким образом между собой и внешним миром тонкий барьер из этой небольшой, ярко окрашенной хрупкой вещи.

— Я слыхала уже, к каким результатам приводит такое чрезмерное знание, и этого для меня достаточно, — возразила она. — Притом же, разве вы не думаете, что лучше не знать всего? Не лучше ли продолжать жить воображением, думать так, как вам хочется, а не так, как вы должны, когда все узнаете? В моих глазах самая лучшая способность в жизни, — это способность мечтать, придумывать... Но я вижу по вашему лицу, выражающему вежливое несогласие со мной, что вы стали, как я уже деликатно намекнула вам, слишком адвокатом!

Гиз отвечал на это смехом и тотчас же заговорил о публике в зрительном зале. Через

минуту освещение уменьшилось, и он вышел из ложи. В коридоре он встретил де Клева и его жену, простился с ними и пошел за своей шляпой. Было еще совсем рано, когда он вышел на бульвар.

Он повернул в маленькую темную улицу, предпочитая ее широким блестящим бульварам, и медленно пошел по ней, держа под мышкой свою шляпу и с сигарой в зубах, которую он, впрочем, забыл закурить. Он вспомнил тот, другой вечер, два года тому назад, когда он тоже был в опере и впервые увидал Сару Дезанж, но не в ложе или из ложи, как теперь, и не из партера. Он был беден тогда и сидел в дешевых местах, не желая одолжаться и принять место в театре от своего приятеля. Он не хотел никому обязываться, и эта преувеличенная щекотливость в таких делах была типичной для него.

Он не мог припомнить в свои двадцать восемь лет, чтобы он был беззаботно весел когда-нибудь. Его мальчишеские годы прошли в упорной и угрюмой подготовке к юношеским годам, а юношеские годы — к позднему зрелому возрасту.

Мать свою он едва помнил, разве только как бледный образ, сливающийся с поблекшими обоями детской. Он жил всегда вместе со своим отцом и делил с ним его честолюбивые мечты, как делил и скудную жизненную обстановку.

Вообще жизнь не баловала Жюльена и была тягостной для него. Но в конце концов он добился успеха.

Единственный сын тоже единственного сына, последний представитель расы, чертовски гордой, как только может быть гордым нищий аристократ, Жюльен с детства имел перед собой уже вполне определенную карьеру. Он был слишком беден для дипломатии и мог выбирать только карьеру адвоката. И вот, Жюльен выбрал ее, изучил законы и достиг успеха.

Было уже решено с самого начала, что как только у него накопится достаточная сумма денег, то он выкупит их дом. Он беспрекословно соглашался на всякий план, но не вследствие своей беспечности или неспособности к критике, а потому, что у него не было времени, чтобы исследовать более тщательно и составить себе собственное мнение о своей карьере, и только за последние годы он начал замечать в ней пробелы: некоторые из них зависели от недостатка свободы действий, другие же от узости взглядов.

Но его воспитание, тренировка и самообуздание развили у него терпимость, и притом он был великодушным человеком. Он убедился также, — хотя его чувство справедливости возмущалось против этого, — что ему необходимо усвоить себе взгляды своего отца и его осмотрительность.

Он был не из тех людей, которые способны широко мыслить, а из тех, которые обладают упорством и в девяти случаях из десяти достигают цели таким путем.

«Во всяком случае, отец приучил меня к труду и в значительной степени моим успехом я обязан ему», — добродушно уверял себя Жюльен. Он был привязан к своему отцу, и его острый ум давал ему возможность оценить его усилия, направленные к выполнению своей отцовской роли на жизненной сцене. Не обладая особенной силой воображения, отец Жюльена старался быть для него тем, чем, по его мнению, должен быть современный отец для своего сына. Он редко хвалил его, но в действительности очень близко к сердцу принимал его успехи.

Отец Жюльена усвоил себе позу равнодушного отношения ко всем вещам, и постепенно эта поза сделалась главной чертой его характера. Даже теперь, когда Жюльену случалось выиграть какое-нибудь крупное дело, он только вскользь говорил ему, идя после обеда в

свой клуб:

— Интересный выпал денек для тебя, а?

И Жюльен отвечал равнодушно, соблюдая правила этой игры:

— О да, вполне!..

В душе же Доминик де Гиз с восторгом думал: «Черт возьми, ведь мальчик-то победил всех их!.. В таком деле! Он молодец!..»

Однако он никогда не позволил бы себе высказать громко такие чувства, разве только, если бы напился, что с ним еще никогда не случилось в жизни.

А Жюльен хлопал старого слугу Рамона по его сгорбленной спине и сообщал ему великую новость о выигранном им крупном судебном деле, и Рамон, поступивший на службу в дом его отца еще до рождения Жюльена, разражался радостным веселым смехом.

Рамон был доволен. Теперь у него был под командой мальчик, и домоправитель занимал положение рядом с ним. Пища была превосходная и все было в порядке.

— Вы тоже должны были бы окружить себя большим блеском, молодой барин, — говорил он Жюльену.

— А посмотри-ка на мои новые платья! Разве в них не заключается слава для тебя? — поддразнивал его Жюльен.

— Платья только тогда приносят пользу, если они надеваются со специальной целью, — возражал Рамон с ударением, — и для кого-нибудь.

Для Рамона было наслаждением помогать одеваться своему молодому господину, надевать на него подбитый атласом сюртук, белоснежную манишку, галстук и блестящие, патентованные ботики.

— Ах! — восклицал он. — Вы умеете носить костюмы...

Это даже не было лестью. Всякий костюм, надетый Жюльеном, приобретал особенный шик.

— Я становлюсь щеголем. Неужели ты хочешь этого? — с негодованием говорил Жюльен, тактично отодвигая брильянтин, пахнувший фиалками, который был последним приобретением для его туалетного стола.

Станным образом, теперь, возвращаясь домой из оперы, он вдруг вспомнил о словах старика Рамона, что надо носить новые платья «для кого-нибудь».

Но два года тому назад его «смокинг» (как упорно называл Рамон его парадный жакет) уже начал лосниться, белоснежное полотняное белье было большой роскошью, а о патентованных кожаных ботинках невозможно было и думать. В опере он сидел на дешевых местах и прежде, чем увидел Сару, испытал досадное чувство, услышав, как кто-то сказал поблизости, что идет сильный дождь. Он знал, что ботинки его пропускают воду, и постоянно боялся простуды, связанной, может быть, с потерей голоса. Но он увидел Сару, и все эти мелочи жизни сразу исчезли...

Ничего нет особенно удивительного в том, если мужчина, увидев женщину в каком-нибудь публичном месте, вдруг почувствует сильнейшее желание познакомиться с ней.

Красота пробуждает интерес повсюду. История полна примеров любви, вспыхнувшей с первого взгляда и сгубившей потом влюбленных. Едва ли существуют такие мужчины или женщины, даже среди заурядных людей, которые, хотя бы на один момент в своей жизни, не испытывали порой страстного желания познакомиться с женщиной или мужчиной, которую или которого они только что увидели, почувствовал какую-то тайную симпатию между ними и собой. Но проходит этот момент, и обыденность снова вступает в свои права.

Так было с Жюльеном. Он увидел Сару, и его прихотливым взором она показалась совершенством, так как отвечала всем его требованиям, предъявляемым женской красоте. И он знал, что будь он богатым, то непременно сказал бы себе: «Вот женщина, которую я хотел бы иметь своей женой».

Он отправился в фойе, чтобы увидеть еще раз Сару и услышать ее голос, и нашел, что у нее голос именно такой, чистый и приятный, какой должен быть у такой красавицы.

От Адриена он узнал, что она замужем. Об ее муже, Котироне Дезанже, он, конечно, слышал. Весь Париж говорил о нем и во всех других городах Европы, где были скачки.

Жюльен полагал, что в жилах Дезанжа была примесь семитской крови, и он думал, как подумали бы и другие мужчины, что Сара вышла замуж за Котирона по весьма понятным причинам. Станным образом он долго ничего не слышал о болезни Котирона, а когда услышал, то это пробудило в нем смешанные чувства, но главным образом симпатию к Саре.

Он подождал, пока не стал богаче, и тогда отправился к ней с визитом. А теперь он увиделся с ней два раза в один и тот же день.

Он припоминал выражение ее лица, все его оттенки и пафос, который слышался в ее голосе. У него было мало опыта с женщинами. Несмотря на то, что его отец трактовал эту тему в современном вкусе, Жюльен никогда не любил ни одной женщины, — частью оттого, что у него не было времени для подобных развлечений, но главным образом вследствие своей физической и в особенности нравственной брезгливости. Женщина только милостивая надоела бы ему до смерти; ему больше могла нравиться очень умная женщина, которая была бы забавна, хотя и некрасива.

Он решил в одно мгновение, что Сара была женщиной, которую он мог бы полюбить. Он пришел к этому выводу почти бессознательно, так как, наверное, он вовсе не думал о ней так много в первый месяц после того, как увидел ее в опере. Случайная встреча в Булонском лесу, где она каталась, вызвала у него беспокойное чувство лишь в течение нескольких дней. Затем внезапно, он и сам не знал, как это случилось, но он вдруг решил познакомиться с ней.

Он нашел, что она моложе, чем он думал, и не такая светская дама, какой она показалась ему на основании своего нарядного костюма и своих манер. Она, конечно, принадлежала к светскому кругу, но производила такое впечатление, как будто она могла, по своему выбору, признавать значение этого факта или игнорировать его. А ее отношения к своему мужу глубоко заинтересовали его. Он не мог понять их, и ему было неприятно думать об этом.

Но сегодня, после посещения оперы, он чувствовал себя особенно молодым и взволнованным и как-то сразу вся его благоустроенная жизнь показалась ему возмутительно сложной. Он не знал, куда приведет его будущее, и не старался подавить сильное возбуждение, охватившее его.

Он стоял довольно долго во дворе дома, где жил со своим отцом. Ночь была светлая, и он мог различить слегка поблескивавшие листочки растений в зеленых низких кадках и щели между старыми камнями мостовой. Легкий ветерок, пролетая и весело шевеля листьями, точно нашептывал им о свободе. Наверху в комнатах виднелся свет, на улице раздавались шаги одинокого прохожего и где-то вдали прозвенел трамвай.

Жюльен вдруг почувствовал близость ко всем этим знакомым вещам. Над ним открылось окно, и кто-то поставил банку с нарциссами. Аромат цветов донесся к Жюльену и вывел его из задумчивости. Он вздохнул и вошел в холодную, темную прихожую.

Его отец сидел в кабинете и читал газету. Окна и двери были закрыты. Подняв глаза, он приветствовал вошедшего сына.

Жюльен тотчас же взялся за письма и набросал пару строк на лежащем тут же бюваре. Отец все время следил за ним. Покончив с письмами, Жюльен взглянул на отца и сказал:

— Не пора ли нам ложиться?

Отец встал.

— Ты ничего не хочешь выпить? — спросил он.

— Нет, благодарю.

Свет лампы прямо падал на него. Он был похож на Жюльена или, вернее, Жюльен на него: те же черты лица, тонкий прямой нос, плотный подбородок, красивый рот и такие же глаза, очень ясные и с густыми ресницами. Но Доминик Гиз носил монокль и волосы у него были серебряные, а Жюльен не носил никаких очков и его светлые, густые волосы блестели. Оба, и отец и сын, производили впечатление незаурядных личностей. Жюльен был немного выше своего отца и его глаза были темнее и все черты были немного резче выражены у него, чем у его отца.

Старик махнул газетой, которую держал в руках, и проговорил:

— Ты это... прекрасно... э... суммировал сегодня, — сказал он.

— Тут нечего было распространяться, — откровенно ответил Жюльен, — только надо было коснуться дела и уйти.

— Это было удачно... для тебя, — улыбнулся отец.

— Я получил предписание для дела Лабона, но узнал об этом только что. Лабон сам написал мне, — сказал Жюльен.

— Мне кажется, это самое крупное дело в нынешнем году, — заметил старик, играя моноклем.

— Да, я думаю.

— А ты ведь самый младший из лидеров.

— Лабон сам лично просил меня... — начал Жюльен, но вдруг оборвал речь и, взяв портсигар, вынул папиросу и закурил. Отец прикоснулся к его плечу своей худой, слегка дрожащей рукой и, проговорив: «Доброй ночи», отправился в свою комнату. Щеки его чуть-чуть на мгновение покраснели.

Как только он ушел, Жюльен подошел к окну и открыл его. На него пахло запахом нарциссов и сирени.

О деле Лабона он уже позабыл и снова думал о Саре.

ГЛАВА III

Существует замаскированная ложь, так хорошо представляющая истину, что было бы трудно не обмануться.

Ларошфуко

Несмотря на то, что Сара очень поздно легла накануне, она встала рано, чтобы поехать кататься верхом. Любовь к лошадям служила связью между нею и Коти, который гордился ее посадкой и заботился о том, чтобы у нее были хорошие верховые лошади. Он никогда не упускал случая покататься с нею верхом, когда бывал в Париже.

В это яркое, светлое утро, когда улицы блестели, залитые солнечными лучами, Сара

чувствовала особенную жалость, что Коти, так любивший солнце и весну, всего этого был навсегда лишен теперь, и не по своей вине. Эта мысль уничтожала ее собственную радость, мешала ей наслаждаться здоровьем и тем, что она могла кататься на такой прекрасной лошади в это чудное солнечное утро.

Коти должен был бы быть с нею рядом здесь, ее добрый, некрасивый Коти, со своим моноклем, болтавшимся на широкой черной ленте. Она вспоминала его манеры, его повадки, его вид фермера, шляпу, нахлобученную на его короткие, жесткие черные волосы, и его блестящие сапоги для верховой езды, относительно блеска которых он, самый нетребовательный из людей, всегда выражал самые большие требования.

Сара, вспоминая все это, почувствовала в душе прилив какой-то безрассудной ярости, потому что никогда, никогда больше она не услышит негодующих возгласов Коти по поводу того, что сапоги его не блестят надлежащим образом, или его веселого смеха, когда он бывает доволен цветом и блеском своих сапог. И в последнее время, в особенности, эти воспоминания часто являлись к ней, заслоняя солнечный свет и бросая тень на все грядущие дни.

Она быстро повернула лошадь и поехала домой. К своему удивлению, она увидела Гак, которая ожидала ее в прихожей.

Конечно, Сара прежде всего подумала о Коти.

— Его сиятельству не стало хуже? Он ничего не говорил? — спросила она, поворачиваясь к лифту.

— Нет, не в нем дело, — отвечала Гак каким-то агрессивным тоном и с гримасой на своем выразительном лице. — Это приехала миледи, не угодно ли вам?.. Явилась в моторе, не более десяти минут тому назад, с целой грудой багажа и не знаю еще чего. Я была просто ошеломлена, скажу вам!

— Я сейчас иду, — сказала Сара. — Где она, Гак? В белых комнатах?

— Нет, мисс Сара. Я поместила ее в красных комнатах, — ответила Гак, устремив взгляд прямо перед собой.

Сара почувствовала, что ее губы невольно вздрогнули. Она быстро повернулась к лифту и нажала пуговку.

Ее мать сидела и наблюдала за горничной, настоящей француженкой, распаковывающей вещи. Подставив свою прекрасную, надушенную щеку Саре для поцелуя, она сказала:

— Можешь ты приютить на короткое время бездомную странницу, дорогая моя?

Между Сарой и ее матерью, до ее замужества с Коти, всегда существовала полная откровенность; поэтому Сара ответила ей по-английски:

— Пожалуйста, отошлите прочь вашу горничную, напоминающую театры варьете, мама, и расскажите мне толком, что, в сущности, случилось.

— Ах ты, неверующая! — весело засмеялась леди Диана. — Как будто мать, даже такого сорта, как я, не может случайно почувствовать желание видеть своего единственного ребенка без каких-либо низменных мотивов, лежащих в основе такого естественного побуждения.

Сара засмеялась, нагнулась к матери и поцеловала ее. Игривая горничная прошла через комнату в ботинках с чрезвычайно высокими каблуками, что давало возможность видеть ее очень тонкие, обутые в шелковые чулки, лодыжки, и, остановившись у двери, сказала по-французски:

— Ну, а теперь?

Леди Диана как-то боязливо взглянула на нее и, сверкнув глазами, беспомощно потянулась за своим портсигаром. Он был сплетен из соломы, но в углу была ее монограмма, украшенная бриллиантами. Увидев, что портсигар был пуст, она принялась искать другие папиросы, но, заметив, наконец, открытый ящик с папиросами своей дочери, она взяла оттуда папироску, закурила ее и, развалившись на софе среди множества разноцветных подушек, вздохнула с облегчением.

— Ах, все это проклятые деньги! — сказала она наконец, искусно выпуская изо рта колечки дыма. Ее большие, красивые глаза были опущены и темные ресницы выделялись на ее белой коже. Губы у нее были полуоткрыты, и в общем она представляла очень привлекательную картину.

— Да, ты действительно прекрасна, мать, — спокойно ответила Сара. — Но продолжай дальше.

— Я не могу. Я должна была остановиться здесь, чтобы поправиться, — возразила леди Диана. — Правда теперь высказана. Ты знаешь уже худшее.

— Я знаю только то, что обычно случается с тобой, — с горечью заметила Сара.

Коти назначил прекрасную субсидию ее матери, когда женился на Саре, и затем два раза уплачивал ее долги. Когда он заболел, Сара несколько раз давала матери большие суммы и теперь она отлично знала, что ей и впредь придется это делать.

Слегка пожимая плечами, она прошлась по комнате. Она была голодна, и это внезапно заставило ее устыдиться за недостаток гостеприимства.

— Ты, должно быть, голодна? — сказала она с сокрушением. — Я сейчас позвоню, чтобы подали завтрак.

— О, я уже сделала это, — возразила леди Диана, — но они чего-то медлят. Я думаю, это оттого, что в доме нет мужчины. Слуги очень распускаются, когда нет хозяина, разве ты не замечала этого? Не знаю отчего это, ведь женщины и вполнину не производят такой суматохи, как мужчины. Адам и Ева правы, я думаю... Кстати, скажи, как чувствует себя бедный, дорогой Коти. Удивительно, как он держится... и, я думаю, еще продержится. Я пойду и взгляну на него сейчас же.

Сара густо покраснела.

— Пожалуйста, не надо, мама. Притом же Коти не принадлежит к числу предметов, которые выставляют на выставках.

— Но он мог бы быть выставлен, бедняга, хотя бы за всю ту пользу, которую он приносит тебе или кому-нибудь другому, — ответила задумчиво леди Диана.

Сара взглянула на нее. Она знала, что сердиться на мать было бы бесполезно, — она ничего не замечала; даже если бы ее дочь умерла, она едва ли обратила бы на это внимание. Для нее имело значение только то, что задевало ее чувство или ее благосостояние. Коти же не задевал ни того, ни другого, с тех пор как перед своим последним ударом он дал Саре полномочия распорядиться его доходами, как она захочет.

— Во всяком случае, — продолжала леди Диана своим нежным голосом, слегка растягивая слова, — во всяком случае, я привезла сюда кое-кого, кто тебя может развлечь. Угадай, с кем я приехала на моторе. Мы неожиданно встретились на пароходе. Я вдруг увидела лимузин, ожидающий в Булони, и... Шарля Кэртонна.

Она наблюдала Сару с улыбкой в глазах. Сара только небрежно повторила это имя.

— Шарль? Вот удивительно!

— Я ему сказала все, конечно, — смело заявила леди Диана. — Ты знаешь, ведь он

непременно хотел приехать сюда. Я сказала ему, что это бессмысленно, что ты вышла замуж и простила ему и что он должен вести себя разумно, явиться с визитом и больше ничего.

— А что же он сказал? — спросила Сара. — Я не могу представить себе его, несмотря на твое живописное описание, каким-то кающимся грешником.

— О, он послал тебе записку, разве ты не знаешь? Это обычная вещь — и он явится сам, днем.

— К кому же он придет, к тебе или ко мне? — наивно спросила Сара.

— Ко мне, внешним образом, а в действительности к тебе. Ты — его прежняя любовь, которая сделалась прекрасной принцессой и ничего не потеряла в его глазах от такой перемены (если Шарль таков, каким я считаю его). Я уверена, что все мужчины таковы.

— А зачем он сюда приехал? — спросила Сара, рассматривая набалдашник своего хлыстика для верховой езды.

— Какое-то дело в суде, как мне кажется. Его деньги помещены здесь, как ты знаешь. Он ведь француз на самом деле, хотя об этом всегда забывается, так как, в сущности, он такой англичанин! Итак, он сюда приехал и останется здесь еще некоторое время. Это дело, связанное с завещанием его отца. Его увезла на квартиру его сестра Корнелия, по дороге в Пасси.

— Значит, он останется здесь на время сезона?

— О да... Сара!

— Что?

Глаза леди Дианы улыбались, и у нее появилось такое выражение, как будто она собиралась сказать что-то такое, что забавляло ее, но относительно чего она в то же время чувствовала некоторое сомнение. Но дверь открылась, и вошла Гак, в сопровождении лакея, внесшего завтрак.

Леди Диана ласково взглянула на нее.

— Подумайте только, Гак, мистер Кэртон здесь! — сказала она. — Он придет сегодня сделать визит ее сиятельству.

Гак ответила на улыбку леди Дианы, насмешливо фыркнув, но соблюдая в то же время правила вежливости.

— Гм! — сказала она, выказывая самый поверхностный интерес. — Это развлечет мисс Сару. Мне очень грустно видеть вас до такой степени утомленной, миледи, — прибавила она, и, прежде чем леди Диана могла что-нибудь возразить, она шепнула что-то своей госпоже и увела ее из комнаты.

Тихо, но со страстью Гак умоляла:

— Я бы не захотела его видеть... не захотела бы!..

Она знала, что выстрадала Сара из-за этого человека, хотя Сара никому не поверяла этого.

Но Гак слыхала заглушенные рыдания, наблюдала горе ее ночей и следила за негодяем, причинившим его.

— Если она поймает меня врасплох, то я сумею отомстить, — говорила себе Гак, решая не щадить леди Диану и рисуя себе с удовольствием борьбу с ней.

Гак прекрасно понимала истинную причину внезапного появления леди Дианы и мирилась с этим, как с неизбежным злом, хотя и негодовала на это. Но венцом этого было, что она собиралась снова ввести в жизнь ее возлюбленной госпожи человека, который обманул ее и разрушил ее счастье, и это приводило Гак в неистовую ярость.

После того как она одела Сару и увидела, что она сошла вниз к завтраку, Гак вернулась в комнату леди Дианы.

Леди Диана доставила ей удовольствие, возобновив атаку.

— Гак, неужели вы в самом деле могли думать, что я не вернусь? — спросила леди Диана.

Гак, зная, что она имеет дело с тайным врагом, не постеснялась пустить в ход хитрость. Она стала внимательно всматриваться в лицо леди Дианы, тщательно исследуя его. Окончив свой осмотр, она сказала:

— Избегайте каких бы то ни было волнений, миледи, не то вы причините себе большой вред. Ничто так не вредит чертам лица, как утомление. Я не стану говорить вам, что вы еще можете обратить на себя внимание, если только вы не утомлены. Но переезд по каналу должен повлиять на цвет лица кого угодно... Ваши волосы имеют другой цвет, миледи. Может быть, это так изменяет ваше лицо. Притом же сегодня свежо, а вы ехали на моторе. Это всегда отзывается дурно на лице и придает ему осунувшийся вид. Но, во всяком случае, я уверена, что вы можете выглядеть еще очень хорошо. Что же касается перемен, то я думаю, что мистер Кэртон найдет большую перемену в мисс Саре. Вы, вероятно, читали, что она считается красавицей, миледи? Я сейчас же сказала себе, что вам это должно понравиться. Читая это, вы будете вспоминать статьи, написанные о вас несколько лет тому назад...

Легкая краска показалась на лице леди Дианы, но быстро исчезла. Леди Диана весело отпустила Гак и снова залегла на мягких подушках.

До этого момента она не думала о том, что Шарль Кэртон может найти большую перемену в Саре. Между тем это правда; перемена была большая, — Сара стала красавицей, и он, конечно, увидит это.

Леди Диана встала и подошла к большому створчатому зеркалу и стала смотреться в него.

«Какая дрянь эта Гак, какая дрянь!» — думала она, опираясь ладонями своих тонких рук на стол и приблизив к зеркалу свое лицо как можно ближе. Если леди Диана преданно любила что-нибудь в своей жизни, так это только свою красоту. Она боялась приближения старости, и одна мысль, что красота ее увядает, заставляла болезненно сжиматься ее сердце.

Она с раздражением думала о том, что сделала большую глупость, приглашая Шарля Кэртона в этот дом. Он вовсе не настаивал на своем визите. Но ее собственное желание позабавиться заставило ее уговорить его. Она вовсе не имела в виду быть жестокой относительно Сары. А теперь похоже на то, что как раз Сара позабавится на ее счет.

У леди Дианы невольно вырвалось злобное восклицание, и затем она так энергично позвонила свою горничную, что весь большой дом, казалось, вздрогнул от этого звонка.

Гак, штопавшая что-то в своей комнате, с удовольствием прислушивалась к этому звонку.

«Как я была права! — с торжеством думала она. — Я напугала ее».

Она обрадовалась, когда вошла горничная Лизетт, на высоких каблуках, в шелковых чулках и с рыскающими глазами.

— Ступайте отсюда! — резко приказала ей Гак.

— Да... но... на... — с мольбой обратилась к ней Лизетт, стараясь объяснить ей в чем дело и мешая при этом французские и английские слова. — Я... я... потерялась...

— Я думаю, — отвечала Гак, — и несколько этому не удивляюсь. Выходите отсюда. Я пойду с вами.

Она повела за собой Лизетт по правому коридору и постучала в дверь леди Дианы.

— Пожалуйста, миледи. Вот ваша горничная. Она тут заблудилась, непривычка к большому дому, я думаю.

Она осторожно толкнула Лизетт к двери и затем остановилась, натягивая на руку шелковый чулок, штопанием которого занималась перед этим. Она услышала гневный голос леди Дианы. Гак не понимала французского языка, а леди Диана говорила по-французски; но, даже не будучи лингвистом, Гак понимала бранные слова, употребляемые в гневе, — это был ведь универсальный язык.

— О, какой нрав, какой нрав! — повторила Гак с удовлетворением, возвращаясь в свою комнату и принимаясь за работу. — И все это из-за своей наружности! Я бы скорее согласилась иметь косые глаза и рот, похожий на щель почтового ящика, чем стала бы так беспокоиться по поводу своей красоты...

ГЛАВА IV

*Зачем меня вы радости лишили
В такие дни, когда весна пришла,
Когда в саду дрозды заголосили,
И снежным цветом липа расцвела?
О вы, кто краше всех цветов на свете!
Зачем, уйдя, оставили вы мне
Цвет вишни белый, точно снег в букете,
И песнь дрозда в зеленой вышине?
Фрэнсис Йонг*

Шарль Кэртон смотрел на Сару в начале своего знакомства с ней, как на маленького одинокого ребенка, который был совсем не у места в небольшом доме в Керзон-стрит, где спертый воздух был надушен и где, по-видимому, преобладали мужчины, которые слишком громко смеялись и держали себя слишком непринужденно, по-домашнему. Но постепенно

Сара сделалась для него занятным маленьким созданием, и его забавляло брать ее с собой по воскресеньям в зоологический сад и на утренние спектакли и покупать ей шоколад, перчатки и нарядные зонтики.

Когда миновал этот период, в течение которого Сара производила на него впечатление славного, интересного ребенка, он вдруг открыл, что она вовсе не была такой уж маленькой девочкой, и решил помочь ей вырасти. Он был таким искусным учителем, что Сара выучила его уроки гораздо скорее, чем он этого желал.

Он понял, что она его обожает, и сначала был тронут ее робким поклонением, а затем пленился им, как светский человек и знаток женщин.

Вспышки привязанности сорокалетнего мужчины к семнадцатилетней девушке, частью выраженные, частью же скрываемые им, пришли к неизбежному концу, поскольку это касалось его, так как он не желал и не имел намерения жениться.

Шарль Кэртон был опытным инструктором в любви, даже еще раньше, чем увидел Сару, но он был ее первым партнером в мистическом любовном танце. Он колебался сначала, приглашать ли ее на этот танец, как не был уверен, что их пары будут согласованы, а он ненавидел неловкость потому, что это испортило бы ему удовольствие. Но когда он убедился, что Сара обладает чувством ритма и что как ученица она может быть блестящей, то он употребил все свое искусство, чтобы научить ее этому танцу.

Он имел огромный успех, больше чем даже мог предполагать, и даже несколько смутился этим.

Над ним стали подсмеиваться и дразнить в клубах, и он невольно чувствовал себя старым и смешным. Тогда он решил покончить с этим, избегать посещений маленького домика в Керзон-стрит, и посылал Саре подарки вместо писем, оптимистически уверяя себя, что она, наверное, поймет.

Но поведение Сары должно было разрушить все его оптимистические надежды. Она упорно цеплялась за прежнее и отказывалась приспособляться к новым условиям. Тогда Шарль просто стал отдаляться от нее и избегал ее так упорно, что в конце концов она сама пошла на поиски за ним.

Его в самом деле не было дома, когда она однажды пришла к нему. Она осталась ждать его, и когда он пришел с несколькими друзьями, то застал ее у себя. Он открыл дверь своим ключом, и слуга не слышал его.

Сара увидела только Шарля; света не было в комнате, и она была освещена огнем камина. Она встала, когда Шарль вошел, и сказала ему:

— Я не могла больше оставаться в разлуке с вами. Я так жаждала видеть вас.

Разумеется, дело это замяли, никто не знал этого и тем не менее все говорили об этом, и большинство заявляло, что ничего другого нельзя было ожидать от девушки, в жилах которой текла кровь Лэнсдаля; «какова мать, такова и дочь!» — прибавляли все.

Леди Диана пришла в ярость; она возмущалась лично, а также и с финансовой, общественной и нравственной точки зрения, находя, что Сара разрушила все свои шансы в будущем, обесценила себя и навлекла неприятную и совершенно ненужную критику и осуждение на красивую голову своей матери. Жизнь Сары превратилась после этого в сплошное мучение. Леди Диана не щадила ее, осыпала упреками и с пренебрежением относилась к ней, продолжая идти своей дорогой.

Коти появился спустя год, или около того, после этого эпизода. Он пришел как гость к леди Диане, которая любила его отца и ненавидела его мать и всегда прекрасно была

осведомлена о размерах его состояния. Но ей и в голову не приходило, что он может думать о женитьбе на Саре. Она рассказала ему всю историю с Картоном, в то время как Коти сидел в ее будуаре, где для нее служили фоном цветы и мягкое освещение, а для него было приготовлено виски с содой.

Коти увидел Сару за обедом и приглядывался к ней с большим вниманием.

Ему понравилась ее стройная, высокая фигура и смелый взгляд, который заставлял ее, как он думал, так резко относиться к нему. Она напоминала ему, некоторым образом, породистую лошадь с превосходными задатками, но испорченную дурным обращением в конюшне. Коти рассматривал людей и события с точки зрения любителя лошадей и поэтому редко судил о них невеликодушно.

Он не имел намерения жениться с тех пор, как женщина, которую он обожал, бросила его, но ему неприятно было видеть, что такое породистое существо погибает от дурного обращения, и поэтому он сделал предложение Саре. Он жалел ее, и она нравилась ему. В нем было много доброты и много человеческих чувств. Кэртона он встречал часто, но относился к нему безразлично, вернее — просто презирал его.

Кэртон, со своей стороны, не обладал достаточным великодушием и поэтому не мог оценить доброты Коти. Он бы хотел его унижить, но этого он не мог сделать в данном случае и поэтому молчал, когда при нем упоминалось имя Коти. Он постоянно испытывал какое-то грызущее чувство раздражения, потому что Коти собирался взять то, что Кэртон мог бы иметь, и хотя он никогда не стремился владеть этим, но все же не желал, чтобы это сделалось достоянием другого.

Если бы Сара выходила замуж за бедного человека, то Кэртон постарался бы даже помочь такому браку в некотором отношении и написал бы Саре очень милое письмо, которое ему доставило бы удовольствие, а ей было бы приятно прочесть. Но при данных обстоятельствах подарки Коти затмили бы все, что он мог бы поднести ей ко дню свадьбы, а она сама, в качестве жены Коти, могла уже покупать себе все, что ей захочется. Таким образом Сара, как жена Коти, приобретала особенную цену в глазах других мужчин, и это в особенности было неприятно Кэртону.

Сара бесспорно была красива, а после своего брака заняла соответствующее положение в обществе.

Кэртон не очень огорчился, когда узнал о болезни Коти, и теперь, войдя в его дом и увидев красивую, необыкновенно изящную обстановку комнаты, куда его проводил слуга, он снова испытал прежнее чувство досады против Коти.

Сара спокойно встретила его и сказала улыбаясь:

— Здравствуйте, Шарль.

В первый момент Шарль не мог выговорить ни слова, в душе проклиная собственное смущение, а потом заговорил о погоде.

Он имел в виду спросить ее о состоянии ее мужа и выразить ей сочувствие, которое, по его мнению, должно было произвести впечатление на ее чувствительную душу. Но лицом к лицу с Сарой, оказавшейся такой спокойной, самоуверенной светской женщиной, он совершенно растерялся и не мог произнести подготовленных им фраз.

Когда Сара нагнула голову над маленьким серебряным чайником, он впери в нее жадный взор. Черт возьми, она была прелестна! А ведь она любила его когда-то! — думал Шарль.

Вдруг он сказал с оттенком лукавой нежности:

— Вы помните, Сара?

Он имел удовольствие видеть, как краска внезапно залила ее лицо и точно розовый луч заката засиял на ее лице и белой нежной груди. Но какое-то другое непонятное чувство заставило его сердце забиться сильнее.

Однако Сара смело и прямо посмотрела на него.

— О да! — сказала она, поборов свое легкое замешательство. — Я, конечно, помню, Шарль. Но это уже перестало быть таким воспоминанием, которое вызывает душевную боль или... или заключает в себе что-нибудь имеющее значение.

Кэртон отлично понял, что она хочет сказать, и ее прямой, непринужденный взгляд вызвал у него болезненное чувство потери чего-то и сделанной ошибки.

— Я рад, что значил так немного для вас, — заметил он с горечью.

Сара не обратила внимания на это замечание, она заговорила о Париже, о его пребывании здесь, его встрече с ее матерью, и в тот момент, когда она произнесла ее имя, леди Диана вошла.

Кэртон вскочил и с преувеличенной любезностью склонился перед нею, а пока он разговаривал с нею, Сара со вниманием наблюдала его. Но это внимание было совсем другого рода, чем то, с которым он только что сам смотрел на нее.

Она не могла вполне уяснить себе те чувства, которые он возбуждал в ней в эту минуту. Она вспоминала и противопоставляла то, что она чувствовала раньше, с тем, что чувствовала теперь. Она жалела, что могла пережить свою любовь, и эта любовь испарилась окончательно, так что она не испытывала даже никакого трепета, вспоминая свою близость с Шарлем. Ей казалось ужасной такая потеря способности любить. Ведь буря эмоций, испытанных ею когда-то, была так прекрасна, так лучезарна и сильна! Но продолжалась она только три коротких года, и теперь, когда она похоронила свои чувства, она даже не испытывала никакого горя. Все было кончено навсегда, и в ее сердце оставалось лишь такое местечко, в котором уже никогда не будут цвести цветы.

Неужели она когда-нибудь обнимала эту темную голову, глубоко заглядывала в эти обманчивые темные глаза, целовала со страстью, на какую только была способна, эти тонкие губы умного рта?

Неужели в этих объятиях она находила небесное блаженство и этот голос заставлял звучать в ее сердце такие нежные струны и вызывал у нее такой трепет? Она с удивлением говорила себе:

— Ведь это все было, я все это переживала! А теперь ничто уже не имеет значения и не будет иметь значения между ним и мною...

Но она хотела показать, как прочно устроена ее жизнь теперь. Он для нее не имеет значения, но он все же существует.

Несколько позднее Кэртон спросил ее о Коти, но так мило и совсем иначе, чем он хотел это сделать раньше. Потому что во время его короткого визита к Саре прибавилось нечто новое к его старым чувствам к ней; это не было настоящее уважение к ней, но какая-то смесь уважения и зависти, а такое смешанное чувство часто насильственно заставляет смиряться.

Кэртон говорил себе, что Сара действительно была очаровательной женщиной, и притом хотя она и была теперь запретной для него, но ведь некогда она была влюблена в него. И вот, в то время как он смотрел на нее и восхищался ею, его не оставляла мысль, что было бы удивительно интересно расшевелить ее снова и нарушить ее невозмутимое спокойствие.

Он сделался искренне мил с Сарой, принимая насколько возможно вид старинного друга семьи.

Племянник Коти, Роберт, опекуном которого сделалась теперь Сара, влетел, как ураган, в комнату. Леди Диана тотчас же бросила на него кокетливый взгляд и на устах ее появилась улыбка, которую ее приятели называли «улыбкой охотника за дичью». Эта улыбка имела градации; она подавала только надежду, или соблазняла, или даже выражала требование. Роберту достались все три улыбки, и юноша пришел в восторг.

Он был похож на Коти. Черты лица у него были грубые, слегка семитские. Он был еще очень молод и располагал к себе своей безыскусственностью и простотой.

Он застенчиво поклонился леди Диане и Кэртону и с мальчишеской улыбкой уселся возле Сары к чайному столу.

Ему было двадцать лет, он был сиротой и должен был наследовать часть богатства Коти. Когда он находился в Париже, то жил в доме своего опекуна и проводил там все праздники. Дом Дезанжа должен был перейти к нему со временем.

Он весело разговаривал, с быстротой поедая мелкие печения. Сара и он были большими друзьями с первой же встречи.

— Читали газеты? — спросил он. (Какие чудные эти миндальные печения!) — Неужели не читали? Так прочтите. Они наполнены делом Лувалья. Нет конца толкам по этому поводу. Страшно громкое дело... Но я уверен, что Гиз спасет Лувалья. В одной из газет сказано, что он так хорошо говорил, что заставил завывать всю аудиторию, т. е. я хочу сказать: плакать, вы понимаете?.. Я как раз встретил его, он был с Адриеном и был удивительно любезен. В нем нет никакой позы. А могла бы быть, знаете ли! Он вышел прямо из суда, а там все уставились на него, без конца поздравляли его и смеялись. Он выглядит также ужасно молодым. Вряд ли ему больше двадцати пяти лет.

— Вы говорите о Жюльене Гизе? — вмешался Кэртон. — Умный парень. Я знавал его.

— Сколько ему лет, как вы думаете? — настаивал Роберт.

— О, двадцать восемь или двадцать девять, я полагаю.

— Так много? — наивно воскликнул Роберт.

— Ну, после этого мне надо спрятаться, — сказал Кэртон. Он держал в своей руке руку Сары и ласково смотрел на нее.

— Могу я прийти опять? — спросил он.

— Ну, конечно.

Она с такой же открытой улыбкой смотрела на него, и ему это было неприятно.

Кэртон спросил Роберта, не желает ли он посетить его, и юноша с радостью принял приглашение.

— Какой красивый человек! — сказал Роберт, когда Кэртон вышел.

Леди Диана засмеялась.

— Он был влюблен в Сару, — сказала она.

— Вкус у него недурной, — заметил Роберт шутливо, глядя на Сару.

Закурив папироску, он сказал ей:

— Не пойдем ли мы теперь наверх, Сюзетт? — Он взял ее под руку, и они пошли наверх в комнаты Коти.

— Я пригласил Гиза обедать сюда, как-нибудь... вдвоем, разумеется, — продолжал он. — Но я знал, что вы не будете в претензии за это. А так как я намерен избрать юридическую карьеру, когда кончу учение, то полагаю, что это была удачная идея с моей стороны.

— Я рада, что он вам нравится, — сказала Сара. — Я пошлю ему приглашение. На вторник. Годится?..

— О да. Очень благодарен вам, Сюзетта... Знаете, никто не подумает, что леди Диана ваша мать. Она просто изумительна, не правда ли? Сегодня я буду дома обедать.

— О, Роберт! — воскликнула Сара, смеясь помимо воли, и затем прибавила: — Не позвонить ли мне Викгэмам и не спросить ли, может ли прийти Памела?

— Нет, не надо, — энергично ответил Роберт. — Это будет утомительно. Кроме того, такой чисто семейный обед не будет интересен. Вы не находите разве, что Памела еще ребенок?

— Ну, конечно, существует разница между сорока восемью годами и восемнадцатью, — серьезно заметила Сара.

— Вы насмехаетесь надо мной! — улыбаясь, ответил Роберт.

В это время к ним донесся снизу голос ее матери, говорившей что-то своей горничной, и выражение лица Роберта сразу стало напряженным.

— Мы пойдем куда-нибудь сегодня вечером, — сказала Сара решительно. — У многих знакомых сегодня приемный день, но если вам не хочется, то вы получите отдых, и мы пойдем в театр. Франсуа позвонит, чтобы достать нам билеты.

Ей не хотелось быть свидетельницей игры в кошку и мышку между Робертом и ее матерью, когда они останутся вдвоем.

ГЛАВА V

Я не отпущу тебя.

Все цветы, что сорваны до срока,

Молодую жизнь свою губя,

Наш союз скрепляют без упрека

И не смеют отпустить тебя.

Я не отпущу тебя.

Жизнь не в жизнь с тобой в разлуке.

Подожди, любя иль не любя.

Я сжимаю крепко твои руки

И не отпущу тебя.

Роберт Бридж

— Вот я привел его! — весело объявил Роберт спустя три дня, дружески подталкивая Гиза вперед. — Он слонялся, чтобы убить время, как он сам сознался мне, ну а я попросту схватил его за шиворот. Я знаю, вы, Сюзетта, не будете в претензии, что мы пришли рано.

— Я очень рада, — ответила она.

— И я также, — подтвердил он, улыбаясь.

— Мсье Гиз разговаривал с каким-то ужасным субъектом, профессором чего-то, — продолжал Роберт, несколько не смущаясь. — Он говорил без конца. Но Бог мой, какой он был неопрятный! Волосы растрепаны, вокруг шеи шарф, галстук на боку, сюртук развевается по ветру и слишком широк для него...

— Этот профессор, по-видимому, не очень тщеславен, Роберт, — заметила Сара.

— Ого! — протестовал Роберт. — Такие господа именно и бывают самыми тщеславными людьми. Они просто думают, что могут себе позволить выглядеть неряшливо, потому что они знамениты. Я называю это дерзостью с их стороны. Они навязывают свой взгляд людям только потому, что они обладают известностью. Это гораздо худший сорт тщеславия, чем тот, который замечается у обыкновенных людей, любящих быть хорошо и прилично одетыми и не слишком бросаться в глаза.

— Верно, Бобби! — слышался голос леди Дианы позади него.

Роберт вспыхнул и быстро повернулся, с восторгом приветствуя ее.

Она протянула к нему свои нежные белые руки и поправила его галстук, который немного съехал набок.

— Вы всегда такой чистенький и так тщательно одеты, — шепнула она, нагибаясь к нему. Ее каштановые волосы, очень мягкие и надушенные, коснулись его щеки на секунду. Он слегка глотнул воздух и улыбнулся.

Гиз был представлен ей. Тотчас же наступила минута какого-то необъяснимого молчания, когда все члены маленького общества чувствуют себя неловко. Сара была убеждена, что мать ее не понравилась Жюльену Гизу, и леди Диана, с своей стороны, почувствовала внезапную антипатию к нему. Роберт, смутно понимавший, что тут было что-то неладно, пришел в дурное настроение. И все были рады, когда дворецкий объявил наконец, что обедать подано.

Они обедали за маленьким круглым столом в амбразуре окна, где, по приказанию Сары, шторы не были опущены.

Снаружи весенний вечер уже переходил в ночь, нежно-лиловое небо было усеяно бледно-золотыми звездами, последние блестящие лучи освещали все, пока не спустилась ночная темнота. Наблюдая в окно прелесть заката, прислушиваясь к молодому веселому голосу Роберта и к более глубокому голосу Гизу, Сара забыла неловкость первых моментов и увлеклась шутливым, товарищеским тоном, господствующим в их маленькой компании. А после обеда, когда они перешли в гостиную, общество естественным образом разделилось на две пары.

Сара и Жюльен вышли через низкое французское окно в сад. Ночь еще не вполне наступила, цветы еще продолжали мерцать в полутьме, а голубые гиацинты были даже ясно видны.

— Как они хороши! — воскликнула Сара, нагибаясь к голубым цветам.

— Они такие же, как ваши глаза. Тот же цвет, — сказал Жюльен.

Он произнес это как самую простую вещь, но Сара вздрогнула тотчас же и отодвинулась от него.

— Я знаю, вы не любите таких похвал, — возразил он несколько сурово. — Между тем, наверное, мужчины говорили вам такие вещи тысячи раз, а красивые женщины обыкновенно привыкают к ним.

— Нет, — поспешно протестовала Сара. — Это неверно.

— А между тем, только делая личные замечания, можно стать ближе к другому лицу, я хочу сказать — сделаться другом, — спокойно продолжал Жюльен.

— Разве? — воскликнула Сара, смутно досадуя и удивляясь, почему в присутствии этого человека она не чувствует себя свободной, не может говорить так, как говорит с другими, и спокойно обсуждать положение, как бы ей хотелось.

Она нарочно заговорила о работе Гиза, о деле Лувалья. Он отвечал ей с полной

откровенностью, подробно изложил дело и, высказав свои заключения, прибавил:

— Моя работа, во всяком случае, является лишь, главным образом, средством к достижению цели. Я не из тех людей, жизнь которых бывает поглощена их работой или которые удовлетворяются своим успехом. Может быть, я потому не могу этим удовлетвориться, что, когда я был мальчиком, мне было некогда мечтать, а теперь мне этого хочется очень сильно. Я богатею и буду еще богаче со временем. А тогда я брошу работу и... и буду жить!

Он на мгновение остановился и затем прибавил все тем же спокойным голосом:

— Знаете, я увидел вас в первый раз в опере, два года тому назад. Я не мог забыть этого никогда.

Позади них раздался голос Кэртона. Сара быстро повернулась. Она не испытывала ни удовольствия, ни досады вследствие его прихода, но какое-то необъяснимое побуждение заставило ее более тепло приветствовать Шарля, чем она бы хотела на самом деле.

— Я приехал в своем автомобиле и хочу отвезти вас всех с собой на выставку, во дворец, — быстро заговорил он. — Поедем, Сара. Бобби говорит, что он везет леди Диану, а вы, Жюльен, и я можем поехать на лимузине.

— Но... — как-то беспомощно протестовала Сара, внезапно почувствовав какую-то неуверенность в себе.

— Пустяки, она, конечно, поедет, мсье Кэртон, — решительно заявил Роберт. — Ну, иди, Сюжетта, принеси свой плащ.

Через десять минут они уже подъезжали к новому танцевальному залу, который был в моде тогда. Публика теснилась у входа. Кэртон тотчас же пригласил леди Диану, а Роберт увлек Сару, Гиз остался сидеть в ложе и смотрел на танцующих.

Когда Роберт привел Сару назад, Гиз просто сказал ей: «Теперь мой черед!» — и прежде чем она успела выразить согласие или отказаться, она уже закружилась в его объятиях.

— Значит, у вас нашлось время выучиться танцевать? — сказала она ему с несколько насмешливой улыбкой.

Если б он мог говорить искренне, то должен был бы сказать:

— Да, я выучился танцевать, чтобы при первом же удобном случае заключить вас в свои объятия.

Мысль, что он мог бы сказать ей это, промелькнула в его мозгу, но так же быстро исчезла и осталась только сардоническая улыбка, вызванная ею.

— Чему вы смеетесь? — спросила она.

— Когда-нибудь я скажу вам это... наверное! — ответил он.

— Если вы так уверены в этом, то почему не скажете теперь же?

— Потому что вы тотчас же отойдете от меня или даже убежите прочь, как улетает прочь великолепная бабочка, когда ее напугают.

— Значит, ваша улыбка имеет какое-то страшное значение?

— Нет, но только причина ее не совсем обыкновенная, уверяю вас.

Он заглянул в ее глаза и незаметно сжал ее крепче в своих объятиях.

«Этот странный человек, по-видимому, влюблен в меня», — подумала Сара, но не почувствовала при этом никакого волнения или тревоги. Она была спокойна и уверена в себе, и никакая эмоция не шевельнулась у нее в ответ на эту мысль.

Она не могла прожить два года в свете, где веселятся не на одних только

благотворительных базарах или скачках, и не узнать, что мужчины восхищаются ею и желают любить ее. Да, она это знала, но не задумывалась над этим. Она долго находилась под обаянием своей первой любви, а затем так была подавлена болезнью Коти, что в эмоциональном отношении она совсем перестала существовать для внешнего мира. Появление Шарля Кэртона заставило ее восторгнуться, но не вызвало у нее никаких чувств к нему. Но ведь невозможно встретиться с человеком когда-то любимым и игравшим в течение некоторого времени большую роль в вашей жизни и не уплатить при этом той дани, которую требует от вашего сердца прежняя страсть. Сару взволновал не Шарль, а ее собственные воспоминания, прежняя горе, испытанное ею, и это сделало ее более доступной эмоциям. Если бы не вернулся Кэртон и не заставил ее восторгнуться, то она никогда не догадалась бы, что Гиз ее любит. Однако она только посмеялась над этой мыслью и тотчас же отбросила ее. Но отзвук этого все же остался в ее душе и только усилил в ней интерес к Жюльену. Когда она ехала домой, сидя напротив обоих мужчин, то чувствовала, что атмосфера вокруг нее несколько насыщена электричеством.

Оба подождали у входа, чтобы проститься с нею, и, по-видимому, им это было нелегко. Жюльен пошел пешком, когда Сара скрылась в подъезде, и Кэртон остался один в своем экипаже.

«Этот молодой нахал влюблен в нее», — решил Кэртон. Но ведь и он тоже был влюблен и сам не отрицал теперь этого факта. Сара занимала все его мысли, та новая Сара, у которой было богатство, положение и самый удобный, беспомощный муж. Вся схема этих вещей, как сказал себе Кэртон, могла бы быть специально создана для него. Он, конечно, не мог уверить себя, что Сара любит его, но он не хотел быть безнадежным обожателем. Даже самый скромный по натуре человек, который был некогда страстно любим какой-нибудь женщиной, не в состоянии поверить, чтобы в ее сердце могла бесследно исчезнуть всякая привязанность к нему, а Кэртон вообще не страдал избытком смирения, и правила, которыми он руководствовался в своей жизни, опирались на его личный опыт и знание женщин. К Саре он применил следующий принцип: «Никогда не бывает слишком поздно, чтобы надеяться, или слишком рано, чтобы вновь начать строить».

Шарль надеялся; он знал цену сентиментальным воспоминаниям, своей сдержанности и проявлению рыцарских чувств, но он хотел, чтобы были видны раны, нанесенные ему. Он приходил ежедневно и сообщал Саре о всех своих решениях и открытиях. Она не отрицала присущего ему очарования, удивляясь лишь, что он до сих пор сохранил его и что она даже это чувствовала.

Габриэль объявила весело и простодушно, что она влюблена в него. Адриену он тоже нравился. Он принадлежал именно к такой категории людей, которых все любили. Кроме того, он вдруг сделался чрезвычайно интересен, потому что доктор-специалист, к которому он обратился, объявил, что у него болезнь сердца.

— Я не удивляюсь этому! — быстро подхватила леди Диана.

Однако болезнь, по-видимому, носила серьезный характер, потому что лицо Шарля временами принимало трагическое выражение и отпечаток какой-то нежности и чистоты, что ему необычайно шло. Сара сначала не верила этому, но под конец убедилась, когда Лукан сказал, что у него действительно есть органическое страдание сердца.

Шарль все чаще и чаще приходил к ней в дом и постоянно отнимал у нее время. Роберт ухаживал за леди Дианой, а вместе с ним и целая орда его приятелей, которые тотчас же явились, как только услышали о ее приезде в Париж.

Огромный дом Коти еще раз сделался центром веселья; он это любил, когда был здоров. Жюльен лишь вследствие счастливой случайности нашел однажды днем Сару одну. Остальные уехали на какой-то праздник в Версаль, Сара же объявила, ЧТО она слишком устала, и отказалась от того, чтобы Кэртон разделил ее одиночество, о чем он усиленно просил.

— Я хочу быть одна, — сказала Сара, но забыла предупредить лакея.

Прошел уже месяц с тех пор, как она видела Гиза и вообразила, что он в нее влюблен. Теперь, когда он опять явился, она вдруг почувствовала, что тщеславие ее уязвлено. В самом деле, она порой вспоминала его, между тем он исчез и оставался в отсутствии, не давая о себе никаких вестей, ни писем, ни посланий.

Гиз уселся возле нее, посмотрел на нее и, вздохнув, проговорил:

— Я уезжал в судебную командировку на месяц. Но мне это показалось целой вечностью.

Сара, взглянув на него, пришла к заключению, что лицо его похудело, однако его серые глаза блестели, и когда он ей улыбнулся, то она решила, что его улыбка совершенно изменяет его лицо: оно делается менее суровым. Впрочем, в нем чувствовалась всегда большая жизненная сила и нервность.

— И вы вернулись назад из своей поездки еще более знаменитым, чем прежде? — спросила она.

— Отчего это женщины думают всегда, что мужчине нравится, если они говорят ему о его... работе? — возразил Жюльен.

— О чем же вы хотите, чтобы я говорила с вами? — засмеялась она.

— Расскажите мне, что вы делали. Я часто видел ваше имя в газетах. Вы, должно быть, очень веселились, не так ли?

— Моя мать и мой племянник... — начала Сара и потом расхохоталась. — Как это нелепо звучит, не правда ли? Да, мы были веселы. Я ведь не могла раньше много выезжать, видите ли! Родственница моего мужа, мадам Кларанс, которая шапронировала меня со времени его болезни, должна была уехать домой на некоторое время, но с тех пор как здесь моя мать...

— Понимаю! — рассеянно произнес он и прибавил: — Вы меня пригласите на свое ближайшее собрание? Я бы хотел быть...

— Конечно. Я пошлю вам пригласительную карточку.

— Благодарю. А вы по-прежнему ездите верхом каждое утро?

— Да... Я люблю это.

— Могу я присоединиться к вам?

— О да, если вы тоже ездите верхом! Нас всегда бывает целое общество теперь.

— В таком случае я могу. Мне надо наверстать много потерянного времени.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Этот целый месяц, который я был в отсутствии, — невозмутимо пояснил он. — Но я не покину Париж в настоящее время раньше конца сезона.

Сара с интересом наблюдала его. Он был для нее загадкой, потому что одновременно казался и очень искренним, и очень лукавым. Он всегда говорил совершенно прямо такие вещи, которые имели большое личное значение, но он говорил их так спокойно и с таким невозмутимым видом, что трудно было подозревать, что тут скрывалось что-то другое.

Но все время, пока он был с нею, она чувствовала какое-то волнение, потому что в его

молчании скрывалось нечто такое, чего она хотела избежать. Поэтому сегодня она болтала без умолку о всяких пустяках, а Жюльен только слушал. Когда она замолчала, он спросил своим ровным голосом:

— Отчего вы меня боитесь?

— Я не боюсь, — тотчас же протестовала она. Эти слова были произнесены ею таким тоном, который Коти назвал однажды «появлением ее маленького высокомерия».

— Так почему же вы так волнуетесь? — возразил он. — Видите ли, я имею право спрашивать вас, потому что я так хочу, чтобы вы меня полюбили, а я не могу поверить, чтобы какая-либо форма страха могла служить первой ступенью к такому расположению.

— Знаете ли, — сказала Сара, — вы делаете меня до глупости самонадеянной. И это вы называете нервозностью?

— Не хотите ли вы сказать, что чувствуете робость в моем присутствии?

Сара засмеялась, но этот смех звучал далеко не так беспечно, как она надеялась.

— Дорогой мсье Гиз, что я должна говорить и какой вы хотели бы меня видеть? — проговорила она.

— Конечно, не такой, какой вы можете быть в таком настроении и в такую минуту, — быстро ответил он и заразительно засмеялся. — Я, по-видимому, произвел на вас ложное впечатление. Что я должен сделать, чтобы искупить свою вину?

Прежде чем она успела ответить что-нибудь, вошел лакей и доложил Саре, что Франсуа ждет ее, чтобы поговорить о маленькой собачке Коти, которая, по-видимому, повредила себе лапку.

— Принесите ее сюда, Франсуа, — позвала его Сара и, повернувшись к Жюльену, спросила:

— Вы что-нибудь понимаете в собаках?

— Разумеется, — почти негодуя ответил Жюльен, как будто подобного незнания ему надо было бы стыдиться.

Франсуа принес Вильяма, который тихо повизгивал.

— Нога у него повреждена, миледи, — с тревогой ответил Франсуа. — Он спрыгнул и свалился, бедняжка, и тотчас же вслед за тем жалобно запищал.

Жюльен стал ощупывать больную ногу, закрыв рукой жалобные глаза собачонки, которая скалила зубы и собиралась схватить его.

— Ничего, ничего, все будет хорошо, дружок! — успокаивал собачку Жюльен.

Обратившись к Франсуа, он сказал:

— Принесите мне полотняный бинт и несколько тонких щепок.

Он сел, держа на руках Вильяма, и продолжал разговаривать с ним, как человек с человеком, а в это время осторожно вправлял пальцами кость ноги.

— Не повезло тебе, бедняга, — обратился он к Вильяму, который заворчал в ответ.

— Его бы облегчило, если бы он мог выругаться, — сказала Сара со слезами в голосе и стоя на коленях возле Жюльена. — Когда он заболел, я помню, как нам хотелось услышать его грозное ворчание, и когда, наконец, он заворчал, хотя и очень слабо, оттого что кто-то из нас ущипнул его за ухо, то мы чрезвычайно обрадовались.

Жюльен ласково улыбнулся.

— Он будет так же ворчать на следующей неделе, как и раньше, этот мой маленький приятель, — сказал Жюльен.

Он продолжал говорить с Вильямом, и тот по-своему отвечал ему, пока не явился

Франсуа.

Сара отвернулась и зажала уши обеими руками, пока Жюльен бинтовал Вильяму ногу. Когда все было кончено, Жюльен отнес к Саре собачонку, такую жалкую и смирную, лежавшую с закрытыми глазами и повисшими бессильно лапками. Но слабое, очень слабое ворчание все же было слышно, когда Вильяма понесли назад.

— Благодарю вас от всей души, — обратилась Сара к Жюльену.

— Вы не стоите на ногах, — заметил он и обнял ее одной рукой.

Они стояли так с минуту, затем дверь открылась и вошел Кэртон.

— Алло! — сказал он Жюльену. — Это вы?

— Да, я, — сухо ответил Жюльен.

— Я приехал, чтобы взять тут кое-что, и подумал, не дадите ли вы мне чаю прежде, чем я уеду опять? — сказал Кэртон, обращаясь к Саре.

В продолжение этого месяца, поглощенного его стараниями завладеть Сарой, он совсем забыл о Гизе. Но в ту минуту, как он увидел его, все его прежние подозрения сразу воскресли.

Он почувствовал антипатию к этому высокому молодому человеку, столь самоуверенному и о котором так много говорят кругом. Тот имел перед ним преимущество молодости, по крайней мере, лет на десять, и это только усиливало неудовольствие Кэртона, который заговорил о нем с леди Дианой.

— Ага, наконец-то и вы почувствовали жало ревности в ваши старые годы, Кэртон, — язвительно засмеялась она. — Каким бы это было возмездием для Сары, если б только она знала! Дорогой мой, ведь этот Гиз безумно влюблен в нее. Адриен говорит это, да это бросается в глаза даже самому близорукому человеку. Но что за беда? Сара не из таких, а ему надо заботиться о своей карьере, адвокаты же должны соблюдать большую осторожность. Гиз не может допустить публичного скандала, так как это погубило бы его. В самом деле, условия таковы, что адвокаты должны быть еще осторожнее, чем священники. Вряд ли среди них найдется кто-нибудь, кто не был бы доволен, если б его сотоварищ согрешил. Они бы, разумеется, отпустили ему этот грех, потому что это подчеркнуло бы их собственную добродетель. Но ни один грешник не пригласит защищать себя адвоката, о котором ходят такие толки. В особенности это имеет значение для дел Жюльена. Главную помощь ему оказывает нравственная чистота присяжных, искусное обращение одного честного человека к другому, если возможно, еще более честному человеку.. О нет, дорогой мой, избавьтесь от этих мыслей, родившихся из вашей поздней привязанности! Все будет хорошо. Гиз влюблен, это правда, но Сара, во всяком случае, недоступна ни для кого из вас.

Кэртон засмеялся вместе с нею, и хотя его самолюбие было уязвлено, но он все же почувствовал облегчение. Ему в голову не приходило, что любовь может повредить адвокатской карьере Гиза. С этой точки зрения он не рассматривал этого дела. Однако, когда он попробовал открыто заговорить с Сарой о Жюльене и о его слабости к ней, то ему показалось, что в глазах Сары промелькнула какая-то нежность, и это раздуло тлеющий огонек его ревности в настоящее пламя.

Они на мгновение остались вместе; другие играли в бридж. Сара и Шарль ждали, что их позовут, так как не хватало одного партнера. Гиз тоже был тут; он всегда тут находился теперь, по приглашению или без него. Роберт, восхищавшийся им, или Адриен, бывший его другом, всегда приводили его с собой.

Когда Шарль заговорил с нею о нем, то Сара, естественно, обратила на него свой взор.

Она не была влюблена в него, она не была влюблена ни в кого, но скрытая страсть Шарля и настойчивость Жюльена, которую она чувствовала, хотя и не хотела признавать, пробудили в ее сердце особенное, бурное беспокойство.

Кругом нее кипела жизнь, и люди пользовались ею. Раннее лето было чудесное, полное обаяния, солнечного света днем и сияния звезд ночью. И это тоже, по-видимому, мешало ей успокоиться. Она жила теперь весело, так, как не жила с тех пор, как заболел Коти, и, казалось, все ее существо устремлялось навстречу веселью, — беззаботному веселью и счастьем, которым пользовались вокруг нее. Роберт был такой чистый и легкомысленный юноша, Адриен и Габриэль были такими же влюбленными, и если ее мать была существом другого сорта, тем не менее она изучила искусство жить, обладала очарованием и на нее было приятно смотреть. Шарль Кэртон тоже был здесь у места со своим прихотливым романтизмом, со своей жаждой наслаждения и обаянием своей личности. Каждый из этих людей приносил свой дар в общее веселье, и Сара сознавала, что эти дары способствуют более полному пользованию быстротечными днями веселья и возможностью не раздумывая наслаждаться ими.

Сара внезапно освободилась от всех своих мрачных сомнений, от предчувствий будущего. Ведь, как бы то ни было, она имела право жить, — Лукан настойчиво говорил ей об этом.

— Вы замечтались! — услышала она шепот Шарля позади себя. Он взял ее руку и потащил за собой в сад, наполненный ароматом цветов, прохладной тишиной ночи и светом звезд. Придвинувшись к ней совсем близко, он остановился и проговорил хриплым, слегка дрогнувшим голосом:

— Сюзетт... слушайте! Я должен знать. Вы не влюблены в Гиза, нет?..

Сара быстро повернулась, охваченная гневом, но в тот же миг его руки обняли ее, и она почувствовала на своих губах его горячий поцелуй. Это был первый любовный поцелуй, коснувшийся ее уст с тех пор, как он поцеловал ее тогда в последний раз.

— Я испытал муки ада... боялся, надеялся, сомневался! — говорил он тихим, страстным шепотом, покрывая ее жаркими поцелуями. — Сюзетта, дорогая, наконец-то я держу вас в своих объятиях! ах!.. Нет, не вырывайтесь, не протестуйте, не говорите вздора, что вы замужем! Замужество, которое нельзя считать замужеством, и жизнь, которая не есть жизнь!.. Я ведь ничего не требую от вас, кроме права любить вас. Я знаю, я лишил себя всякой надежды, когда оскорбил вас, но, несмотря на все, что я сделал, на мою вину и на вашу ненависть, я все-таки был у вас первый, Сюзетта. Вы не можете позабыть... и вы не забыли. Помните вы мой поцелуй, мой первый настоящий поцелуй на лестнице в ту ночь, когда я привез вас из театра домой? Было темно, и я только вошел с вами в прихожую и тотчас же хотел вернуться, когда вы споткнулись, и я подбежал, чтобы поддержать вас. Вы помните? Вы облокотились на меня вот так, ваша головка прильнула к моему плечу, и мы целовались, целовались вот так!..

Его губы как будто снова вернули свою прежнюю магическую силу, и Сюзетта снова испытала на мгновение прежнее острое, сладостное ощущение и смутно, точно издалека, услышала тихий, дрожащий, задыхающийся голос, нежный и торжествующий.

— Помните тот, другой поцелуй, тот, которому, казалось, не было конца, и когда он кончился, мы поняли, что больше никогда не будем сами собой, что мы должны принадлежать друг другу! Я чувствовал под своей рукой, как сильно бьется ваше сердце, и вы еще крепче прижимали к моему сердцу свои руки. И помните, вы сказали тогда: «Я хочу

достать ваше сердце!..» Вы были всегда такая холодная, точно маленькая белая роза, освещенная звездами, но когда я покинул вас, то вы горели огнем при свете золотой зари нашего счастья. Сюжетта, я был слепой безумец, низкий и недостойный вас, такой же, как теперь! Но как я мог отпустить вас? Я, вероятно, сошел с ума тогда. Вы казались мне такой молодой, а я был так стар, и весь мир был против нас. Но у нас были наши счастливые часы, и вы их не забыли, не смогли забыть...

Забыть? Даже в этот момент, когда в ее мозгу бушевал целый ураган хаотических эмоций, это слово все-таки больно отдалось в ее сердце.

Как она молилась, чтобы забыть, боролась, чтобы достигнуть забвения, и как горько ей было, когда она наконец убедилась, что забвение невозможно для человека, который когда-то безумно любил!

Кто может забыть этот первый поцелуй, робкое пожатие руки возлюбленного, которого так жаждут и боятся в одно и то же время? Что может сравниться с тем чувством, которое мы испытываем, когда любим впервые, когда возлюбленный поцелует нас в темноте?

Любишь ли в первый раз, любишь ли в последний, но только одно воспоминание сохраняется в сердце до конца, — последнее воспоминание о первом поцелуе, который вызвал трепет и боль и научил нас любить.

— Вы не должны, — прошептала Сара, задыхаясь, но губы Шарля прижались к ее губам, его поцелуи игнорировали ее слова, старались лишить ее способности размышлять. Она смутно сознавала, что воспоминание о Шарле снова оживило в ее душе и прошлое слилось с настоящим.

Все эти недели прошлое возвращалось к ней; это был соблазн, от которого она старалась бежать, который она отвергала и стыдилась. Но в конце концов оно победило.

— Я знаю, что это не есть любовь, — говорила она с отчаянием, — что это только самообман. Я презираю Шарля, презираю себя и возненавижу себя позднее за то, что покорилась его поцелуям...

Даже когда она боролась, власть Шарля уничтожала у нее волю к борьбе. Так сладко было снова чувствовать себя живой, способной снова любить и хотя бы на один краткий момент потерять сознание остального мира. Это было лишь чувственное наслаждение, но оно освобождало, хотя на время, от мучительных сомнений, от тоски жизни...

Однако она не могла сказать Шарлю, что любит его; она знала, что нет, знала, что эти поцелуи, слова и обожание были лишь минутным подношением, которое она приняла, потому что сердце ее было так беспокойно, а ночь так хороша!..

Она вернулась в гостиную, и в дверях ее встретил Жюльен. Ей показалось на одно мгновение, что его глаза сверкнули, затем она услышала его голос, тихий и привлекательный, как всегда.

— Знаете ли, мы ведь ждали вас в течение десяти минут, чтобы вы наконец взглянули на свои карты, — сказал он.

Сара вошла. Она слышала, как Шарль извинялся, а мать тихо и насмешливо засмеялась. Этот смех внезапно, точно молния, осветил перед нею темноту, и этот час, проведенный ею с Шарлем, показался ей чем-то пошлым и бесконечно недостойным.

— Зачем я это сделала, зачем? — спрашивала она себя со страстным осуждением. А Жюльен приобрел особенную цену в ее глазах вследствие искренней, ненавязчивой доброты. В ее взволнованном мозгу мелькнула мысль, что он может служить для нее убежищем.

Она пожелала Шарлю спокойной ночи, простилась с матерью и, наконец, могла удалиться в свою комнату. Подождав несколько минут, она спустилась неслышными шагами в сад и остановилась там, где стояла перед этим вместе с Шарлем. Кругом нее и над нею была тишина и благоухание цветов носилось в воздухе.

Какое волшебство, какое безумие могли так овладеть ею, что она на мгновение забыла все годы горя, страдания и унижения и лишилась самообладания, ослепленная ярким пламенем страсти.

Только одно могло сделать это, только поцелуи, которые напомнили и напоминают ей прошлое: они могли пробудить прежнее очарование, как и слова, произнесенные годы тому назад.

О, как предательски коварна эта ужасная сила памяти, пробудившаяся под влиянием ласк!

Отчего она так создана, что подобная вещь оказалась возможной? Разве никогда невозможно забыть вполне, невозможно освободиться окончательно от этих воспоминаний?

Ответ ей был дан ее собственным сердцем.

— Да, забыть нельзя, можно только продолжать. Нельзя ничего перемещать в сердце, можно только прибавлять. Никакая следующая любовь после первой любви не может быть такой же; она может быть лучше, выше, благороднее, но она не является началом, потому что для сердца бывает только одна утренняя заря, хотя золотой полдень бывает и много раз...

Она подождала еще несколько времени в темноте, потом пошла в дом. На площадке лестницы она остановилась. Ее комнаты лежали направо, а комнаты ее мужа — в дальнем углу. Она отправилась туда. Дверь в его комнату была, по обыкновению, открыта, и она могла видеть ночную сиделку, которая сидела у огня. На столике стояла лампа под абажуром, и сиделка была до такой степени поглощена чтением, что даже не оглянулась, когда вошла Сара.

Вильям поднял голову. Нога у него была забинтована по-прежнему. Сара вспомнила на мгновение о Жюльене и его доброте, затем взглянула на мужа, и краска залила ее лицо. Она опустилась возле него на колени и прислонила свою голову к его тяжелой, неподвижной руке.

— О, Коти, Коти! — прошептала она с отчаянием.

ГЛАВА VI

*Былые дни ушли куда-то,
Былые дни не повернуть,
Былые дни не ждут возврата,
Былые дни умрут, умрут...
Метерлинк*

Летние грозы могут раздражаться не сразу, а понемногу и даже временно приостанавливаться, но все же, в конце концов, они проявляют свою силу.

С наступлением июня и веселых танцевальных собраний возбуждение Сары усилилось и увеличило блеск ее красоты. Казалось, дремлющее в ней пламя готово было разгореться каждую минуту, и это придавало ей еще большую привлекательность, вынуждая ее не держаться в отдалении от света, что она делала со времени болезни Коти, а снова

превратиться в очаровательную светскую женщину, вращающуюся в блестящем обществе. Она словно выросла в это веселое, жизнерадостное лето, испытала мириады ощущений сама и заставляла мужчин, ежедневно посещавших ее, испытывать их. И по мере того как расширялись ее душевные способности, она начинала сознавать, какие безграничные возможности предоставляло ей ее собственное положение и какую власть оно давало ей. Она ощущала теперь радость жизни, но избегала Шарля или включала его в такой кружок, в котором непременно участвовал и Жюльен. Она не думала о том, что чувствует к ней Жюльен, но просто эксплуатировала его присутствие, разговаривала с ним и свободно выказывала ему дружбу. Он был для нее защитой не только против Шарля, но и против нее самой. Его постоянное присутствие и знание своего собственного сердца внушили ей уверенность, что он ее любит, и хотя она старалась убедить себя, что это не так, но все-таки находила в этом облегчение и успокоение.

Много лет спустя, когда она вспоминала об этом лете, о своих изменчивых настроениях, находила их совершенно необъяснимыми. Она точно носилась по какому-то золотому озеру и, зная, как коварны его волны, все-таки полагалась на свое собственное искусство, как необыкновенно смелый пловец, которому доставляет наслаждение бороться с опасностью.

Она решила не оставаться наедине с Шарлем и избегала этого, но в любви на людях заключается скрытое очарование, и если оно не доставляет такого же удовлетворения, то, пожалуй, волнует еще сильнее.

Скопление электричества начинало чувствоваться всеми членами маленького общества. Ревность Шарля становилась очевидной, Жюльен же скрывал свои чувства, но из этого не следовало, что он соглашался играть тут бесцельную роль. Леди Диана забавлялась в кругу своих друзей, но тем не менее замечала в напряженной атмосфере признаки готовящегося взрыва. Скрытое же под спудом пламя все же бросало теплый отблеск на остывший пепел ее собственного темперамента. Она надеялась позабавиться, когда привела с собой Шарля в дом Сары, но не думала, что его появление может подействовать таким возбуждающим образом. Она наблюдала рост ревности между Шарлем и Жюльеном и восхищалась изумительным искусством Сары притворяться, что она этого не замечает. Она так была уверена в том, что Сара была в этом отношении ее истинной дочерью, что даже совершенно открыто заговорила с нею о том, что ей передавали слух, будто Жюльен отказывается теперь от крупных дел, лишь бы не расставаться с нею.

— Он отказался от дела Вербье? Почему? — спросила Сара.

Леди Диана засмеялась.

Они сидели вдвоем в будуаре Сары, маленькой комнате, обитой панелями из белого дерева, с полкой для книг кругом стен и английским камином. Сара рассматривала список приглашенных, держа в руке папироску и слегка нагнув голову. Подняв глаза на мать, она подметила на ее лице насмешливую улыбку.

— Почему? — повторила она, и тонкая морщинка появилась между ее узкими, длинными бровями.

— Я думаю потому, что у него нет ни времени, ни желания для этого, — ответила леди Диана. — И то и другое явно было отдано тебе в течение этого времени. Разве это не так?

— Кто тут подвергается испытанию и по какому поводу? — спросил Кэртон, входя при этих словах.

Он взял руку Сары, и его глаза встретились с ее глазами, когда он нагнул голову. Он смотрел на нее тем вызывающим взглядом, которым мужчина может ласкать женщину. Этот

взгляд, опускаясь, остановился намеренно на ее губах, пока он говорил, и Сара почувствовала, что губы ее задрожали, а взгляд стал неустойчивым. В прежние времена он мысленно поцеловал бы ее, и эти «невидимые» поцелуи теперь, как и тогда, вызывали сладостное волнение в ее сердце.

Он отвернулся, заметив, что нежная краска залила ее грудь, и, взяв папироску, закурил ее.

— Какая чудная погода! Сюзетта, поедem кататься в лес сегодня! — сказал он.

— В самом деле! Отчего бы вам не поехать? — спросила леди Диана с насмешкой.

— Если вам хочется... — согласилась Сара. — Я тогда пойду оденусь. Брать нам с собой провизию или мы там ее достанем?

— Лучше возьмем и создадим истинно сельскую обстановку. Как бы там ни было, а я думаю, что нам будет весело.

Радостное оживление не покидало его по дороге в Версаль, и лишь тогда, когда они проехали ряды больших домов и из зелени могли на них глядеть только отдельные маленькие скромные домики, он вдруг замолчал.

Автомобиль почти бесшумно катил по аллее, и Сара вдруг почувствовала странную близость Кэртона, когда прекратилась его веселая, беспечная болтовня. Шарль именно и рассчитывал на это. Такая близость могла означать бесконечно много, могла волновать и мучить в одно и то же время. Он заговорил.

— Вы счастливы? — спросил он тихо.

— Вполне, — быстро ответила Сара.

— Вы все еще знаете меня?

Их взгляды встретились; в его взгляде заключался вызов с легким оттенком жестокости. Ее же взгляд был равнодушным, насколько она была в состоянии этого достигнуть.

— Я имею в виду то, что мы ведь давно не были вместе... одни, — пояснил Шарль.

Он с внезапной силой положил свою руку на ее колено.

— Прошло с тех пор два месяца, слышите ли? Два месяца! — прибавил он.

— Разве? — наивно спросила Сара, уставив глаза на его загорелую, крепкую руку, сжимавшую ее колено.

— Да, — отвечал он и, остановив автомобиль, обнял ее.

В то время как он покрывал ее поцелуями, в уме ее смутно возникал вопрос, можно ли считать счастьем то ощущение бьющей через край жизненности, которое она испытывала в ту минуту?

Шарль не производил на нее впечатления возлюбленного; он только освободил ее сердце из темницы, в которой оно томилось в одиночестве, — вот и все. И она горячо обвиняла себя в унижительной слабости, в недобросовестности, в пошлости...

А Шарль продолжал целовать ее ресницы, шепча: «Точно бархатные лепестки анютиных глазок!» — Он целовал ее волнистые блестящие волосы, снял ее шляпу, и она почувствовала его поцелуи на узеньком проборе сбоку. Он, казалось, испытывал блаженство, потому что она была здесь с ним и он мог свободно выражать ей свою любовь, как будто был вполне уверен в силе своего обаяния и желал пользоваться им, чтобы заставить ее признать эту силу.

И все-таки, под конец, она отстранилась от него.

— Почему вы хотите принадлежать только себе? — спрашивал ее Шарль, пристально глядя на нее. — Почему? Ведь я вам не делаю никакого вреда? Какая польза позировать

передо мной?.. Я знаю, вы никогда не любили Дезанжа, я же до сих пор не посягал на его права. Но вы однажды вечером, в саду, вернули мои поцелуи и вы можете довести меня до безумия. И вот, в течение двух месяцев... Да, целых два месяца вы игнорируете меня, и только когда я теперь снова целую вас, вы опять поддаетесь мне и на этот раз без всякой позы. Кто вы такая, что можете то поддаваться любви, то ускользать от нее? Вы как будто забыли, что мне известно о скрытом огне? Вы, может быть, думаете, что это забыто за эти годы? Вы ошибаетесь, уверяю вас.

Он сильно сжал ее руку в своей руке.

— Сюжетта, ведь вы меня подвергаете пытке. Что происходит между нами? Что вы думаете делать со мной?..

Она повернулась к нему, стараясь изо всех сил высвободить свою руку, но он внезапно сам отпустил ее. У нее наступила реакция, как только она расправила свои белые пальцы с красной полосой поперек них, вследствие крепкого пожатия руки Шарля.

— Сегодня такой чудесный день, — сказала она нетерпеливо, — неужели нельзя просто наслаждаться им? Я не могу объяснить вам то, что вы хотите знать, потому что у меня нет объяснений даже для себя самой. Вероятно, это просто зависит от настроения. Вот все, что я могу сказать. Не знаю почему, но я не могу разделять вашего настроения. Да, я поцеловала вас в ту ночь, зная, что вы говорите правду. В моем сердце было пламя, которое стремилось слиться с пламенем в вашем сердце. Но я презирала себя за это. Позднее, когда все ушли, я чувствовала такой стыд, что готова была скорее умереть, чем поцеловать вас, если бы вы вздумали опять разыграть роль любовника. Вы не можете быть им, вы не годились, Шарль, для этой роли и раньше. Я прекрасно знала это. И наша влюбленность, расстраивающая и возбуждающая, чувственная, заключающаяся в поцелуях, — я честно признаюсь вам, что она представляется мне забавой, к которой прибегают двое людей, чтобы избежать скуки. Я знала, что моя грубоватая откровенность заставит вас поморщиться, и мне жаль, что я попираю таким путем вашу любовь к красивым словам, но что же делать? Я говорю то, что думаю. И ведь ни вы, ни я не чувствовали сильной эмоции, не так ли? Я знаю вас по прошлому, а у меня есть долг чести в отношении моего настоящего, т. е. моего мужа. И никакие благовидные аргументы (о, я все их знаю!), которые приводятся мне насчет жизни, лишенной любви, и притом еще очень молодой жизни, — так как мне нет даже двадцати пяти лет, — не могут уничтожить этого долга. Я не знаю, чем будет моя жизнь в течение всех долгих лет, которые мне предстоят, но я чувствую, во всяком случае, что только великая страсть, которая охватит все мое существо и которую я не буду в состоянии отрицать, может заставить меня позабыть мою ответственность и обесчестить имя моего мужа. Но я думаю, что даже в случае такой страсти я все же буду сопротивляться, буду бороться. Знаю, что вы будете смеяться и, может быть, вы даже имеете право насмеяться над подобным чувством с моей стороны, но, в конце концов, это была слабость чисто внешняя, вследствие которой я допустила вас теперь поцеловать меня. Мое одиночество в любви сделало меня столь отвратительно слабой. Я жаждала быть любимой, а вас я все же знала и думала о прошлом, о том времени, когда мы имели обыкновение целоваться и когда это было так божественно хорошо и ничего тут не было дурного. Я думала тогда, что вы хотите жениться на мне, так же как и я хотела выйти за вас замуж. Я думаю, что я ужасно сентиментальна, Шарль, и в этом заключается огромная опасность для меня и тайна наших поцелуев в майскую ночь и теперь...

Она умолкла. Шарль бросил на нее взгляд искоса и прикусил зубами нижнюю губу.

Он понял все; он слишком привык анализировать себя, любил слишком много женщин, чтобы не понять Сары, но одно чересчур больно задело его: он понял, что Сара, несмотря ни на что, была действительно равнодушна к нему. Он раскрыл только внешнюю оболочку, но она сама осталась глубоко скрытой в глубине, и он ее не коснулся. Это сознание только подстрекнуло его желание и его гнев, что случилось бы, конечно, и с большинством мужчин в таком положении. Однако он не сделал никакого усилия, чтобы вернуть прежнее настроение, а только выскочил из автомобиля, чтобы снова пустить в ход машину. Он позвал Сару, чтобы она помогла ему, и она тотчас же повиновалась ему, но нечаянно, по незнанию, надавила ускоритель вместо тормоза и пустила машину слишком большой скоростью. Автомобиль быстро двинулся вперед, а Шарль бежал рядом, маневрируя, чтобы выправить движение, и вероятно, это удалось бы ему, если б из-за угла не показалась телега, медленно выезжавшая с неправильной стороны. Тогда он быстро повернул, чтобы не задеть телегу, но она зацепилась за левое крыло, и машина остановилась.

Возчик свалился с телеги, но тотчас же поднялся, почесал себе голову, поправил упряжь своей терпеливой, запутавшейся в вожжах лошади, издал несколько непонятных восклицаний и с удивлением взглянул на Шарля.

— Ну, поезжайте, поезжайте же дальше! — пробормотал Шарль. Он ушиб себе кисть руки и испытывал сильную боль. Лицо его было совершенно серое, когда он повернулся к Саре, продолжая жестами указывать возчику, чтобы он двинул свою телегу в сторону с дороги. Когда наконец путь был свободен, Шарль откинулся на спинку своего экипажа. Боль несколько уменьшилась, и сердце начало опять биться нормально. А чутье влюбленного указывало ему, что теперь шансы были на его стороне.

Сара была напутана, ее пальцы дрожали, когда она перевязывала ему пораненную кисть.

— Вы чувствуете себя лучше? — спросила она, слегка задыхаясь.

— Совсем хорошо! — Шарль улыбнулся ей с видимым усилием и проговорил: — Не беспокойтесь, Сюжетта. По вашему собственному признанию, я не стою этого.

Сара сразу почувствовала себя виноватой; она дурно обошлась с ним, и сознание своей вины заставило ее казаться нежнее, чем это было на самом деле.

Шарль смотрел на нее. Может быть, она потеряла интерес к нему, но его интерес к ней увеличился во сто раз; он, наконец, был влюблен настоящим образом. Он обладал самоуверенностью, свойственной таким тщеславным мужчинам, всю свою жизнь имевшим успех у женщин, полагая, что любовь женщины, если она существовала когда-нибудь, никогда не умирает вполне и ее можно всегда оживить. Он верил, что Сара была искренна, когда говорила ему, что не любит его, но только в то время, когда говорила это. Он ни за что не хотел принять ее слова как выражение незыблемого факта. Он позволил ей заботиться о нем теперь. Это делают все женщины из чисто материнского чувства, когда мужчина бывает ранен. После ее уговоров он даже согласился, чтобы она пошла к домику, который виднелся за поворотом, и протелефонировала оттуда о присылке им экипажа, так чтобы их поездка не была прервана и автомобиль Шарля мог бы быть взят на буксир.

Когда Сара прошла поворот дороги, то ей показалось, что к ней вернулась свобода. Маленький красный домик, точно зрелый плод, окрашенный солнечным сиянием, дремал в полдневной зной среди зелени на расстоянии одной мили. Дорога была совершенно пустынная, окаймленная по бокам пыльной травой, среди которой краснели маки. Все кругом было подернуто какой-то голубоватой дымкой, как это бывает в жаркие летние дни.

— О, насколько это лучше всякой горячей страсти! Как хорошо чувствовать, что живешь

среди этого мира! — сказала себе Сара, глубоко вздохнув.

Казалось, что все эти простые вещи, делающие жизнь привлекательной, только одни имеют цену. Любовь, страсть потеряли в ее глазах значение, как лишенные радостной веселости и свежести и совершенно лишенные свободы.

Отчего она не может всегда чувствовать это? Отчего жизнь порой становится столь невыносимо скучной, неинтересной и тяжелой? Отчего любовь так тяготеет над нею? Ведь есть же другие интересы в жизни, ведь жизнь так широка, особенно если рассматривать ее в такой день, как этот, когда солнце так ярко блестит на цветах, точно на драгоценностях, и все кругом залито голубым радужным сиянием.

И она подумала в эту минуту, как, должно быть, хорошо быть совершенно бедным, совершенно простым, вынужденным работать, чтобы жить, быть довольным своей дневной работой и приходить домой усталым, чтобы отдохнуть, с сознанием, что труд кончен и что он был исполнен хорошо.

Ее собственная жизнь показалась ей такой бессодержательной, наполненной лишь изучением своих душевных движений, угнетающего самоанализа и слишком большого количества знаний. Не такова была участь современной женщины.

Сара пришла к маленькому домику, перед которым находился хорошенький садик, наполненный цветами, очаровательный, несмотря на слишком большую пестроту и яркость цветочных клумб и узкие, бесполезные дорожки, обложенные продолговатыми желтыми кирпичиками.

— О да, тут есть телефон; мадам, конечно, можно позвонить! — сказала хозяйка дома, смотревшая на Сару с явным любопытством и восхищением, без всякой примеси зависти. Она стояла у дверей, не спуская глаз с Сары, и слушала ее разговор по телефону. Сара была такой прелестной в ее глазах, в своем легком белом платье, белых башмачках с большими блестящими пряжками, в белых чулках, таких тонких, что сквозь них просвечивали на ногах синие жилки.

Запах фиалок и сандалового дерева наполнял комнатку, где находился телефон. Сара, кончив говорить, очень медленно пошла назад. Странная мысль пришла ей в голову, что ее возвращение означает возвращение в тюрьму. Здесь, на большой дороге, где единственными звуками были шорох травы и треск кузнечиков, она была свободна, но, вернувшись к Шарлю, ее свободе был конец. А между тем именно в эти последние часы она постигла всю прелесть свободы и ее понимание любви изменилось, вследствие чего и чувство Шарля стало казаться ей таким жалким, а ее собственный ответ на это еще более неудовлетворительным, чем это было на самом деле.

«Какую силу должна иметь любовь, чтобы можно было ей отдаться вполне, — думала Сара, — и какое страстное желание раствориться в душе другого? Какие жертвы можно было бы принести ради такой любви?..»

Голос Шарля несколько сердито позвал ее.

— Вы пробыли в отсутствии целую вечность! — говорил он. — Ведь такая жара трудно переносима, как вы думаете?.. Что за люди живут в этом доме? Может быть, они пустили бы нас к себе отдохнуть?

— Мы можем вернуться и спросить, — предложила Сара. — Она показалась мне очень доброй, приличной женщиной. Пока вы отдыхали бы там, она могла бы послать за завтраком для нас, и мы могли бы позавтракать в саду или где-либо в другом месте. Позади дома есть деревья.

Он согласился, и они пошли вместе по дороге к домику, и на этот раз Саре тоже показалось очень жарко.

К Шарлю вернулась его обычная любезность, когда он уселся в глубокое кресло, с бутылкой вина на столе перед собой.

— Сюзетта, вы жалеете меня, вместо того чтобы любить меня? — сказал он, глядя ей в лицо своими черными глазами. — Или вам это все равно, что я поранил себя?

— Я очень огорчена, — уверяла его Сара.

— Вы согласились бы взять мою руку, чтобы убедить меня в этом?

— О, Шарль, не будьте похожи на Жана, когда он в воскресенье после обеда водит гулять Мари!

Он улыбнулся ей. Его красивое лицо принято какое-то дьявольское выражение.

— Ах, Сюзетта, я помню время, когда вы жили только для этих воскресных дней, когда вы радовались наступлению того единственного дня между субботой и понедельником, когда желание вашего сердца могло быть исполнено!

— Грехи моей юности! — улыбнулась Сара.

— А их обаяние? Вы отрицаете его?

Он вдруг приподнял ее руку и поцеловал кисть, прижимая ее ладонь к своему лицу, так что она могла ощущать на ней щетку его ресниц и пульсирование артерий на его виске.

— Помните ли вы, — спросил он с внезапной страстью, — помните ли тот день, когда я обернул ваши волосы вокруг своей шеи? В тот день летом мы пошли на реку, и ваши волосы были заплетены в длинные косы. Было так хорошо, прохладно, но мне было так жарко. Вы помните?

— Вы не даете мне забыть, друг мой.

— Нет, я не хочу этого!

Его глаза блестели и лицо пылало.

— И сегодня вы все же пришли, после всего, после всех ваших решений, после вашего желания отдалиться от меня? Я одержал победу во всяком случае. Вы явились.

— Не заставляйте меня пожалеть, что я пришла, прошу вас. Ведь здесь так приятно, так просто и хорошо. Шарль, я знаю, что в основе всего, что вы говорили, заключается вопрос, на который очень трудно ответить. Зачем я пришла сегодня? Я не могу объяснить. Между тем в этом объяснении заложена истина, которая может сделать понятными наши сентиментальные отношения. Я думаю, что я пришла потому, что, частью через ваше посредство, ко мне вторично вернулась жажда жизни... Нет, пожалуйста, не старайтесь придать этому личный характер; не затрагивайте моих скромных верований и не старайтесь поколебать их романтическим оружием...

Но Шарль уже стоял на коленях на траве возле нее, глухой ко всем ее мольбам, зная только одно, что если что-нибудь может затронуть сердце Сары, так это его собственная настойчивость.

Наблюдая ее, сидящую на фоне цветущего луга, он видел ее такой, какой она была пять лет тому назад, совсем молоденькой, попавшейся ему на пути для того, чтобы он научил ее любить. В ней было что-то нетронутое, но он знал, что за ее очаровательной холодностью может вспыхнуть пламя. Он положил свои руки на ручки низенького соломенного кресла, на котором она сидела, и таким образом как бы держал ее в плену, хотя и не прикасался к ней.

Лица их находились совсем близко друг к другу, Сара с отчаянием смотрела в глаза Шарлю, сверкавшие между ресницами. Затем вдруг он прислонил свою голову к ее груди с

прежней грацией, всегда заставлявшей сильнее биться ее сердце. Даже теперь это движение тронуло ее сердце, хотя все — и он, и она сама, — казалось ей чем-то нереальным, воображаемым. Глядя на абрис его темной головы, на его крепкие, тонкие руки, ухватившие с такой силой хрупкое плетеное кресло, что под его белой кожей ясно обрисовались суставы, она испытывала какое-то странное нереальное чувство, в то же время не лишенное нежности к нему. В этом чувстве не заключалось страстного желания жить, заставившего ее тогда, в ту пылкую майскую ночь, отвечать на его поцелуи. Взамен этого она испытывала какую-то грусть и сознание, что счастье не может быть найдено вновь в сердцах их обоих.

Шарль поднял голову. Его глаза умоляли ее. Его лицо, выражавшее такое беззаветное обожание, казалось моложе, утонченнее и более одухотворенным.

— Сара, — шептал он, — красавица, любимая!..

А в ответ Сара жалобно и слабо проговорила:

— Ах, если б я любила вас!..

Она внезапно испытала чувство изолированности и в этот момент ясно поняла, что никогда, никогда не полюбит вновь!

Положив свои руки на руки Шарля, она с усилием произнесла:

— Вернемся.

Он поднялся вместе с нею. Лицо его было бело как мел, глаза же горели мрачным огнем, и так как она стояла отдельно от него, то он вдруг схватил ее и крепко прижал к себе.

— Вы думаете, что я не могу вас достать, не могу согреть своим огнем? Вы мне бросаете вызов после того, как уступили? Вы насмехаетесь надо мной, говоря мне отвратительные маленькие пошлости. Но я отвечаю вам, что я люблю вас, люблю... Вы можете сохранять такую равнодушную позу, — женщины так поступают и чувствуют себя еще более добродетельными вследствие этого, — но я говорю вам: я хочу вас иметь!

Он отогнул назад ее голову и так близко поднес свое лицо к ее лицу, что говорил почти у самых ее губ.

— Красавица... Обожаемая... Только один-единственный маленький часок!.. Сюжетта!.. Сюжетта!..

Сара испытывала сильнейшее унижительное желание плакать, плакать потому, что она не могла любить, и потому, что Шарль страдал. Она знала, что теперь, если этого не было раньше, он действительно любил ее.

Она оглянулась. В этот яркий, солнечный день все дышало миром и спокойствием, все цвело и благоухало. И зачем эта страсть явилась в мир, чтобы терзать души тех, кто ее испытывает?

Внезапно слезы хлынули у нее из глаз, и она зарыдала в объятиях Шарля.

— Все испорчено, — шептала она задыхаясь, — все ушло, исчезло... и я не могу ничем помочь...

Он старался ее успокоить, посадил ее снова в кресло и стал опять на колени возле нее, целуя ее, но его поцелуи уже были другого рода и имели целью утешить ее.

Успокоившись, Сара сказала:

— Я хочу уйти ненадолго и побыть одной. Я скоро вернусь.

Шарль отпустил ее. Он глядел ей вслед, пока она не исчезла за деревьями. Сердце его болезненно сжалось, частью от страха, частью от досады, когда она прошла не оглянувшись.

Он не хотел признать свое поражение. Но он почти победил и победит снова. Он должен, он не может не победить! Сара была лихорадкой, съедающей его силы.

Ведь она могла так легко освободиться от Коти! Никто бы не стал осуждать ее. Общество, в котором она вращалась, восхищалось ее изумительной верностью своему долгу. Ну, а как только она будет свободна, они тотчас же поженятся...

Он начал испытывать легкий страх, что может потерять ее, и эта мысль преследовала его.

— Я не могу, не могу, — шептал он, тяжело дыша. — Не хочу допустить этого!

ГЛАВА VII

*Другие предпочитают любовь иную,
А я прилег лишь у ее порога,
Чтоб пыль покрыла голову мою,
Пока во мне любовь и с нею жизнь.
Диван Хафиц*

Не обращая внимания на то, куда она идет, Сара двигалась машинально и очутилась снова на большой белой дороге. Но то впечатление благословенной тишины и спокойствия, которое она в первый раз испытала здесь, теперь исчезло.

Она шла вперед; пунцовые маки раздражали ее глаза, отражаясь, как блестящие диски, на слегка сероватом фоне дороги.

«Шарль теперь уедет и больше не вернется, — думала она, — и больше не вернется! Беспокойство кончилось, а с ним должно прекратиться и беспечное чувство веселости, вызываемое легким возбуждением. Жизнь примет более ровное течение, Шарль уедет, и сердце ее успокоится».

То обаяние, которое имела его горячность, потеряло теперь свою силу; она больше не ощущала его, и ей незачем было презирать себя за свой минутный ответ ему. Он, до некоторой степени, потерял значение для нее в это утро вследствие своей грубой требовательности и необъяснимого влияния на нее тишины этого чудного утра. Она чувствовала себя свободной, несколько пристыженной и несчастной, но все-таки свободной...

Послышался звук мотора, и чей-то голос позвал ее, а затем Жюльен Гиз уже очутился возле нее. Он смотрел ей в лицо, и его холодная, слегка дрожащая рука сжала ее руку.

Сара заметила с удивлением, что его всегдашнее самообладание совершенно покинуло его. Он имел встревоженный, смущенный вид.

Она смутно слышала его слова, потому что он говорил очень быстро.

— Я должен был приехать. Я только что собирался уйти, когда явился Роберт и сказал о телефонном сообщении, — а может быть, ему сказал об этом слуга, я уж забыл. Он хотел ехать, но я предложил заменить его. Я должен был поехать. Я думал, что с вами случилось что-нибудь. И я думаю, что это все-таки было, потому что глаза у вас заплаканы.

Он прижал ее руки к своей груди, кусая губы. Лицо его было чрезвычайно бледно.

— Скажите, что случилось? Вы ушиблись? Пожалуйста, скажите мне! Вы должны сказать!..

— Со мною ничего не случилось. Пустяки. Было только маленькое приключение, уверяю вас, — отвечала Сара.

Он проговорил сквозь зубы:

— Если бы с вами случилось...

Он, по-видимому, говорил и действовал, не отдавая себе ясного отчета. Не выпуская ее рук, он потащил ее к воротам, и они вместе облокотились на них. Она чувствовала под своими руками, которые он прижимал к груди, как бурно бьется его сердце.

Жюльен, как будто угадав ее мысли, проговорил быстрым прерывистым голосом:

— Дошло до того, что вы теперь должны узнать это... Я должен сказать вам. Но я думаю, что вы уже знаете в глубине своего сердца. Я больше чем люблю вас, я вас обожаю, я вам поклоняюсь, как божеству! Называйте, как хотите, то чувство, которое я питаю к вам.

Он вдруг опустился на колени, залитый солнечным светом, что должно было служить как бы символом, предзнаменованием его поступков и слов в будущем.

— Вас не может оскорблять то, что вы любимы. Я только прошу позволить мне служить вам... ждать... Я знаю, знаю, вам это не нужно, но не отсылайте меня прочь!.. не мешайте моему единственному счастью. В моей жизни не было ни одной женщины, кроме вас. Это были вы с первого момента, как я увидел вас. Вы увлекали меня к успеху, вы заставляли меня бороться, чтобы достигнуть его. Я знал, что вы вышли замуж через неделю после того, как я вас увидел. Адриен де Клев сказал мне об этом, и в первое время я ужасно страдал. Потом я сказал себе, что я должен забыть... но забыть не мог. А когда... когда я услышал, как вы живете теперь, то был уверен, что мои рыцарские чувства принудят меня молчать, но ничто не может заставить любовь умолкнуть, ничто! Видя вас изо дня в день, слушая вас (он вдруг опять схватил ее руку), — вы этого не знаете, не можете знать...

Его голос пресекся. Она увидела его взгляд, горевший фанатизмом страсти.

— Не надо... не надо... — говорила она, стараясь успокоить его.

— Слишком поздно теперь. Я не могу остановиться, — продолжал он каким-то сдавленным, чуть слышным голосом. — Моя душа точно переселилась в ваше прекрасное тело. У меня нет других мыслей, кроме как о вас, ничто, кроме вас, не имеет для меня значения. Моя работа... (он криво усмехнулся) — я забросил ее в последние месяцы. Разве я мог работать, зная, что Шарль Кэртон находится возле вас? Я ведь тоже мог быть с вами. Я должен был быть возле вас, слышите ли? Сегодня я бросил дело, чтобы поехать сюда. Я уверял себя, что делаю это потому, что боюсь, не ранены ли вы. Отчасти это была правда, хотя Роберт и говорил мне, что вы невредимы. Но, помимо тревоги за вас, главным двигателем была тут моя жгучая ревность к Кэртону. Вы уехали с ним, и он поранил себя...

— О, замолчите, замолчите! Избавьте меня от этого! — взмолилась Сара. — Шарль Кэртон и я — мы ничего не составляем друг для друга...

Она вдруг запнулась, вспомнив последнюю сцену. Невольная ироническая улыбка

промелькнула у нее на устах при мысли о бесполезности бьющей через край страсти, которая изливалась на нее сегодня.

Жюльен увидел только ее улыбку и тотчас же вскочил на ноги.

— Вы можете смеяться надо мной, конечно, вы можете смеяться! — сказал он с горечью и хотел разразиться еще более едкими словами, но вдруг почувствовал, что не может больше говорить, и замолчал. Он не мог высказать всего, что накопилось у него на сердце, рассказать о брошенной работе, о сердитых упреках, изливавшихся на него со стороны отца, о едких комментариях старших членов адвокатуры. Ему казалось на одно мгновение, что он может всем поделиться с нею. Но он вообразил, что она смеется над ним, увидев ее улыбку, и это остановило его. Он лишь с трудом мог вернуть свое самообладание и способность речи.

Сара прервала неловкое молчание.

— Я вовсе не смеялась над вами... над вашими излияниями, — сказала она. — Я не могу объяснить вам... но вы должны мне поверить, что это правда.

— Вы просто хотите избавить меня от огорчения, — отвечал Жюльен, и в голосе его слышалась презрительная насмешка. — Но ведь я знал, раньше чем заговорил, знал всегда, что вам это безразлично. Только разве вы не могли сказать мне хоть одно доброе слово, вместо этой жестокой насмешки? Или вы думаете, что моя любовь не заслуживает даже простого доброго отношения?

Он нагнул голову и пристально посмотрел на нее.

— Неужели вы никогда не чувствовали себя одинокой, не хотели, чтобы вас любил кто-нибудь, даже если вы не могли отвечать ему, кто-нибудь, кому вы могли бы доверять? — произнес он шепотом. — Мне вы можете доверять. Позвольте мне любить вас, Сара!

Глаза Сары наполнились слезами.

— Все это дурно, — горячо проговорила она. — Вы сказали... моя мать тоже говорит, что я погубила вашу работу. Ничего хорошего не может выйти из такой любви.

— Это неправда, — резко оборвал он. — Любовь может быть полезна, и моя любовь будет вам служить, должна служить... Я прошу только вашей дружбы, права видеть вас как друг. Я буду стараться никогда не заговаривать о моей любви, пока вы не разрешите мне сами, клянусь вам. Сара, взгляните на меня хоть раз, скажите, что вы дарите мне вашу дружбу!

Она подняла глаза и взглянула ему в лицо.

Она увидела особенное выражение на его лице, которое тронуло ее сильнее, чем выражение горячей любви и обожания и страстная просьба ласк. На мгновение ей представилось, что тут была любовь, которой она никогда не знала, но во взгляде, в глазах этого человека такая любовь к ней могла существовать.

— Я не должна бы соглашаться, — сказала она нерешительно, — я знаю это, и вы это также должны знать. Но если вы хотите, то... оставайтесь!

Он взял ее руку, раскрыл ладонь и поцеловал. Она почувствовала, что его губы дрожат и горят как огонь, когда они коснулись ее руки.

ГЛАВА VIII

Возвращение домой было нелегким делом. Кэртон встретил Жюльена с недружелюбным удивлением:

— Почему это явились вы, а не кто-нибудь другой? — воскликнул он.

— Мой автомобиль был наготове, — отвечал он коротко.

Кэртон часто взглядывал на него, откинувшись на спинку сиденья. Его раненая рука была плохо привязана, так как он отказался от помощи Сары.

Он был уверен, что Жюльен объяснился в любви Саре, и это признание, после того, что произошло утром, и отставки, полученной им от нее, зажгло в его душе ревность и злобу.

Он нарочно уселся как можно ближе к ней, для того чтобы отплатить ей за свое поражение, которое сделало ее еще более желанной для него. И он внезапно возненавидел Жюльена за то, что он был моложе его на несколько лет, за его способность и силу и растущую славу. Он понимал, что его годы, его дилетантство были фактами, говорившими против него, и это еще усиливало его чувство обиды, делая его еще более непримиримым.

Он не уйдет, как надеялась на это Сара; он останется и поведет игру до конца, каков бы ни был этот конец. Такова судьба!

Атмосфера Парижа внезапно охватила их: шум, суета, скрытое возбуждение, замечаемое в настроении мужчин, запах пыли и сырой земли, так как прошел ливень и мостовая стала темного цвета, — все это несло к ним навстречу, когда автомобиль мчался по дороге, освещенной фонарями, пересекая тени надвигающейся ночи.

Сара почувствовала величайшее облегчение, когда наконец они доехали.

Леди Диана только что вошла и заговорила с мужчинами. Позднее, когда она вместе с Сарой поднималась по лестнице наверх, она сказала, лукаво взглянув на дочь:

— На твоём месте я бы запаслась парой несгораемых перчаток для игры с огнем. По-видимому, это становится теперь твоим главным развлечением.

— Вы очень остроумны, — ответила Сара, стараясь говорить небрежно.

— Вовсе нет, дорогая моя, я только имею светский опыт. Ведь слышишь и видишь многое.

Сара уже собиралась войти в свою комнату, но повернулась и пошла вслед за матерью.

— Мама, что вы хотите сказать этим? — спросила Сара.

Леди Диана позвала свою горничную, чтобы та развязала ей вуаль, и потому отвечала ей по-английски:

— Именно это: люди говорят, что Жюльен запустил свою работу, что он постоянно торчит здесь, так же как и Кэртон. О, я знаю, тут все прилично, я нахожусь с тобой, а ты сама чрезвычайно осторожна и добродетельна, но все-таки, — она пожала своими прекрасными плечами под кружевным лифом, — ты знаешь, Сара, если начинают говорить в свете...

— Это гнусная сплетня! — воскликнула Сара.

— Самая обыкновенная вещь, я думаю, — возразила леди Диана, снова пожимая плечами. — Что же ты намерена делать?

— Ровно ничего.

Сара повернулась к двери.

— Во всяком случае, Шарль Кэртон скоро уедет, — сказала она.

— Ты говоришь, что он уезжает? — спросила леди Диана небрежно.

— Он сказал мне это сегодня утром, — ответила Сара, уходя из комнаты.

— Миледи, вы не положите румян на щеки сегодня вечером? — спросила через час горничная Лизетта леди Диану.

Леди Диана покачала головой. Она долго смотрела на себя в зеркало. Нежный, розовый

цвет ее щек как будто отражал то возбуждение, которое скрывалось в ее сердце.

Сойдя вниз в свою гостиную, она вызвала к телефону Шарля Кэртона.

— Сара сказала мне, что вы покидаете Париж? — спросила она. — По крайней мере, она так думает.

— Зачем? — удивился он.

— Вот это я и хотела бы знать. Ведь вы обещали остаться и повезти меня в моторе в Рим в августе месяце.

— Сара ошибается. Конечно, я останусь.

— Наверное?

— Разумеется, моя прекрасная леди.

— И вы будете обедать у нас сегодня вечером?

— Через полчаса.

— Так помните же! — сказала она и с улыбкой положила трубку.

Она вовсе не желала потерять Шарля. Она прекрасно знала, что он воображает себя влюбленным в Сару, но это ровно ничего не значит. Шарлю было 43 года, а ей 48. Он и Сара не могли бы составить супружеской пары, а если бы даже захотели, то из этого ничего бы не вышло и только произошел бы другой скандал, — новый в известном смысле, но еще худший, чем прежний.

Притом же Шарль всегда был и всегда будет изменником, и даже если бы он захотел и мог бы жениться на Саре, то вряд ли он остался бы ей верен. А Сара трагически относится к таким вещам. Между тем...

Последние слова прекрасно резюмировали положение. То, что Сара желала, чтобы Шарль уехал, не имело никакого значения в глазах ее матери. «Каждый сам для себя» — таков был девиз, которому она следовала всю свою жизнь.

Кроме того, Сара была так богата теперь, и жизнь ее сложилась так хорошо. У нее не было ревнивого, надоедливого мужа, ей нечего было бояться, ее не беспокоили никакие счета, и средства ее были неограниченны...

Между тем у бедной леди Дианы действительно ничего не было, кроме того, что она могла урвать для себя от тех, у кого всего было вдоволь.

ГЛАВА IX

Рассуждать там, где надо чувствовать, свойственно душам, не обладающим широким пониманием.

Бальзак

Жюльен отправился к себе в контору, после того как высадил Шарля и Сару у подъезда ее дома.

Он отпер дверь собственным ключом, и его клерк не имел времени поговорить с ним частным образом; поэтому он прямо прошел к своему отцу, где сидел Анатоль Колен.

Он сразу почувствовал, что в маленькой комнате, обитой темными панелями, была враждебная атмосфера.

Жюльен снял шляпу и свои шоферские перчатки для катанья в автомобиле.

Толстый Анатоль Колен громко спросил его:

— Хорошо провели время?

Он всегда говорил с легким презрительным оттенком, что считал необходимой принадлежностью своей властной натуры.

— Очень хорошо, благодарю, — ответил Жюльен.

Он прошел в свою маленькую туалетную комнату, достал из стенного шкафчика ящик с сигарами и предложил сначала Колену, а потом своему отцу.

Оба отказались. Жюльен выбрал для себя сигару, закурил и ждал, чтобы они заговорили.

Колен, бросив на него быстрый взгляд, выпятил свои толстые губы и, с трудом поднявшись в своем кожаном кресле, проговорил:

— Я пришел относительно дела Вервье. Вы не можете изменить даты?

— Дело не в этом, — быстро возразил Жюльен, — а только... — он сделал жест руками, — я не могу принять этого предписания.

Колен насмешливо засмеялся.

— Вернее, вы не хотите, а?

— Я не могу.

— Вам, значит, все равно, если мы проиграем дело, если де Волль побьет нас?

— Есть много других, кроме меня, — спокойно заметил Жюльен.

— Короче говоря, вы не хотите помочь нам?

— Боюсь, что не могу.

На мгновение он подумал о том, что неделю тому назад Сара просила его поехать в этот день с нею на скачки, и он обещал ей это.

Колен взял в конце концов сигару. Он переложил ее из одного угла рта в другой некрасивым движением языка, и его толстое лицо сделалось еще более грубым от этого.

— Мы знаем, что это означает, — сказал он, презрительно усмехаясь. — Вы, конечно, отправитесь?..

— Прекратите! — остановил его жестом Жюльен...

Колен на мгновение умолк, а затем разразился:

— Как будто это неизвестно всем и каждому! Но, мой дорогой юноша, мы все были молоды когда-то, мы все понимаем, только все должно быть в свое время, а вы, по-видимому, это забываете. Это ошибка, за которую вам, может быть, придется расплачиваться всю свою жизнь. Идите, конечно, своей дорогой, но, ради Бога, не преступайте нормальных границ. Не губите своей карьеры из-за любви, как бы ни была мила эта леди. Этого не должно быть, не должно быть, мой дорогой юноша! Только безумцы поэты так поступают.

Он хрипло захохотал. Веселое настроение вернулось к нему под влиянием его собственной мудрости.

— Вы уже потеряли пару лет теперь за эти несколько месяцев. Вы не провели больше ни одного дела после дела Лувалья весной. Ведь вы знаете, Жюльен, что ни один человек, даже если он находится на самой вершине, не может удержаться, если он будет отказываться от работы, и ослабнет. Нет, дружок, вы можете мне поверить: ни один человек, кто бы он ни был и какова бы ни была его репутация, не может считать себя незаменимым. Подумайте о моих словах. Если нет незаменимого мужчины, то уж конечно нет незаменимой женщины...

Он замолчал и стоя оглядывал Жюльена с высоты своего огромного роста, держа сигару в своих крепких зубах и засунув один большой палец в карманчик жилета. Но так как Жюльен не отвечал, то он сделал последнюю попытку.

— Итак, вы все-таки не хотите, голубчик? Ни за что?..

— Нет, — решительно ответил Жюльен.

Он проводил Колена, после того как тот дружески простился с его отцом, и затем снова вернулся в маленькую темную комнату.

— Мне надо только проглядеть пару бумаг, и тогда мы можем поехать домой. Автомобиль со мной, — сказал он отцу.

Старик кивнул головой.

— Когда тебе будет угодно.

Через десять минут они уже спустились с лестницы.

— Мне кажется, надвигается гроза, — заметил Жюльен с легкой улыбкой, садясь на место шофера.

— Я уверен, что это не заставит тебя нарушить условленное свидание на этот вечер, — возразил отец, не будучи в состоянии сдержать свою досаду.

Лицо Жюльена омрачилось.

— Я никуда не собираюсь сегодня вечером, — коротко ответил он.

— То дело, которое ты так внезапно бросил сегодня, было решено не в пользу твоего клиента, — едко заметил отец.

— Я прочел резолюцию в вечерней газете, — ответил Жюльен.

— Думаю, можно спросить, была ли у тебя такая настоятельная необходимость внезапно уйти и бросить несчастных людей, дело которых ты взялся провести.

Жюльен ничего не ответил и только крепче сжал руль автомобиля.

Он предвидел предстоящую борьбу и не надеялся избежать ее, но он не испытывал никакого враждебного чувства к своему отцу, а только холодную решимость сохранить свою внутреннюю святую, свою любовь, от всякого посягательства на нее, хотя даже теперь он еще не мог формулировать причины своего преклонения перед Сарой, искреннего и глубоко серьезного. Сара была его первой любовью; ни одна женщина, кроме нее, не привлекала его даже отдаленным образом, и по необъяснимой причине Сара всецело овладела им.

Весь его идеализм и сильнейшая страсть, в которой, однако, было меньше чувственности, нежели увлечения, были отданы им Саре. До сих пор у него не было времени так отдаваться чувству любви и не было случая для этого. Его сердце пробудилось для позднего цветения, и, как это часто бывает в таких случаях, оно должно было принести один-единственный, но чудный цветок. Если бы он провел свою юность как большинство обыкновенных молодых людей, то, разумеется, никогда бы не мог, в более зрелые годы, положить к ногам одной женщины такое беззаветное чувство. Но в том именно, что он мог это сделать, заключалась большая опасность для него самого.

Он признавал истину всего того, что говорил ему Колен, находил до некоторой степени справедливым гнев, который чувствовал его отец, но тем не менее он знал, что если бы его отец выразил свое разочарование резкими словами, то их совместной жизни пришел бы конец.

Он сам не мог объяснить себе своего безумного желания непременно быть вблизи Сары и смотреть на нее, не мог объяснить, почему ее присутствие приносит ему душевный мир; он только знал, что не может отказаться от этого. Такое страстное, неудержимое желание явилось у него в самый разгар его успеха, и, понимая, что это вредит ему, он все же не мог ему противиться.

Он никогда не мог слышать упоминания имени Сары или прочесть ее имя без того, чтобы сердце его не забилося сильнее. Все содействовало тому, что его любовь приняла характер опасного обожания. Тот день, когда он сделал дальнейший шаг вперед в этом

направлении, ознаменовался тем, что после неистового возбуждения и обнаружения собственных чувств Жюльен испытал полную инертность духа. Ему хотелось сидеть одному и вспоминать; он горячо жаждал мира и между тем знал, что его ожидает борьба. Но он никогда не уклонялся от признания неприятных фактов, считая это бесполезным. Ведь они не делаются приятнее потому, то их игнорируют в течение некоторого времени; потому в этот вечер, когда он привез своего отца, он сам отправился навстречу объяснению с отцом и той ссоре, которую он считал неизбежной.

Он нашел отца в его кабинете. Несколько мгновений они пристально смотрели друг на друга, и, наконец, Жюльен заговорил:

— Должны ли мы поссориться? Ведь это не принесет никакой пользы никому из нас.

Доминик Гиз коротко засмеялся, но смех его был невеселым.

— Ты не допускаешь, что человек имеет право предупредить об опасности того, кто, может быть не зная этого, идет по краю пропасти?

Подождав ответа сына, но не получив его, старик разразился целой речью, выразившей взгляды его времени. Его голос вначале имел металлический оттенок, но вскоре он потерял над ним власть и в своем волнении беспомощно вертел в пальцах черную ленту своего монокля.

Жюльен слушал его, смотря в окно на хмурое небо, которое прорезала на западе оранжевая полоса с багровым оттенком. Голос отца трогал его, но слова — нисколько. Он даже не испытывал никакой досады, хотя некоторые фразы могли его задеть, так как в них заключалась насмешка. Все, что говорил отец, было неуместно.

Наконец, голос отца, выразивший уже только гнев и боязнь лишиться благосостояния под старость, осекся. Жюльен повернулся к нему и посмотрел на него в упор.

— Вы этого не понимаете, — произнес он ровным голосом. — И я знаю, что вы не в состоянии понять. Может быть, даже я сам плохо понимаю это чувство, но я знаю, что это случилось, и теперь я уже не могу совладать с собой. Я бы не мог даже сказать вам с уверенностью, счастлив я или несчастлив. Я знаю только, что я не могу остановиться. Вы упомянули имя графини Дезанж и только с вами я буду говорить о ней. То, что вы сказали, — правда. Она замужем, и я люблю ее и нисколько не стыжусь этого, несмотря на все ваши обвинения. Но то, что вы мне внушаете, для меня невыносимо, и моя душа должна будет впервые устыдиться. Я не считаю это вопросом нравственной ценности; если бы это было так, то я должен был бы держаться своих собственных взглядов, которые вы осуждаете со своей точки зрения, иначе вы не стали бы говорить об этом так, как вы говорили. Но я знаю, что тут вы выражаете лишь догмат своей веры и в ваших глазах это не может считаться оскорбительным. Однако если бы какой-нибудь другой человек сделал мне подобный намек, то он жестоко поплатился бы за это. Вы можете насмеяться, но вы знаете, что я говорю правду. По вашим собственным словам, мужчина, любящий женщину, занимающую положение графини Дезанж и которая не состоит его любовницей, просто дурак. Я же думаю, что мужчина, любящий женщину, брак которой представляет такую жалкую трагедию, и пользующийся этим, чтобы сделать из нее свою любовницу, просто скот... Добавлю только следующее: я намерен жить так, как хочу. Я сам сделал карьеру, и, мне кажется, я имею право поступать, как мне хочется. Я чрезвычайно жалею о сегодняшнем деле и считаю своим долгом уплатить протори и убытки моим клиентам, которые должны были бы выиграть и проиграли дело только по моей вине. Но больше такая ошибка не повторится. Я намерен реорганизовать свою работу и браться за дела только по своему

выбору. Мне кажется, человек должен иметь время, чтобы жить, так же как и работать.

Доминик Гиз вскочил на ноги. Его пальцы дрожали, хотя он старался держать их спокойными, губы его тоже тряслись.

— Так! — с трудом проговорил он. — Ты намерен бросить карьеру, которую даже твои враги признают блестящей, замечательной; ты намерен принести в жертву все шансы на публичное отличие, чтобы, — он проглотил какое-то неудобосказуемое выражение, но гнев увлекал его, и он продолжал: — Чтобы оказывать внимание, прислуживать замужней женщине, которая, несмотря на твою веру в ее безупречность, далеко не такая и любовник которой чередует свои визиты с твоими!

Жюльен привскочил и так близко подошел к нему, что отец мог слышать бурное биение его сердца.

— Это ложь! — произнес он с каким-то зловещим спокойствием, — это ложь, слышите ли вы? И вы должны взять ее назад...

Доминик Гиз бросил на сына разъяренный взгляд. Он больше не дрожал, но щеки его как будто ввалились.

— Я не хочу! — резко заявил он и повторил еще раз с такой же энергией: — Я не хочу!.. — Но тут его голос осекся; им овладел страх, жалость к самому себе и самообвинение.

— Отчего ты не ударишь меня, ведь ты жаждешь это сделать? — спросил он, задыхаясь. — Я ведь стар и твой отец, тебе нечего бояться...

Но Жюльен молчал. Негодование и гнев снова овладели его отцом. Он заставит его, своего сына, бросающего ему вызов и разрушающего их благополучие, отвечать ему, наконец.

— Весь наш мир знает, что Шарль Кэртон — любовник мадам Дезанж и был им до ее замужества, — сказал он. — Спроси де Клева, или Колена, или... — Он умолк.

Жюльен наконец едва слышно процедил сквозь зубы:

— Я бы хотел, если бы мог, задушить вас собственными руками, убить за эту ложь... Я бы хотел...

Он оттолкнул отца в сторону, бросился к двери, открыл ее и вышел.

Звук его шагов по тихой улице донесся в комнату, где оставался старик Гиз, и он считал шаги, пока они не замерли вдали.

Жюльен Гиз ушел.

ГЛАВА X

Жизнь или смерть для себя я найду

В чужой далекой стране,

Рано иль поздно к тебе я приду,

И ты придешь ко мне.

Мэри Кольридж

Когда вы любите, то многое заставляет вас страдать очень сильно, но никакое страдание не может сравниться с тем, которое причиняет ревность.

Гневная выходка отца Жюльена против Сары и брошенные им обвинения вызвали в душе его целую бурю эмоций. Он и раньше испытывал в отношении Кэртона дикую, безрассудную ревность, потому что тот слишком часто бывал с женщиной, которую Жюльен

любил. Но Жюльен подчас несколько стыдился этой ревности, которая, как он это чувствовал, была неосновательна. А теперь в уме его звучали имена де Клева и Колена, и при одной только мысли о комментариях, которые могут быть сделаны Коленом по этому поводу, кровь бросалась ему в голову.

Колен тоже об этом говорил, и Жюльен представлял себе его подмигивание, когда он произносил своими толстыми, мясистыми губами некоторые слова.

Но ведь это была ложь!

Жюльен внезапно остановился. Он громко произнес эти слова, и они его несколько приободрили.

Да, это ложь!..

Он пошел дальше, но ревность вызвала перед его глазами образ Кэртона, его смуглое, красивое лицо, темно-карие глаза, тонкие, нарисованные, как у женщины, брови, красиво очерченный рот, который, когда он улыбался, открывал такие чудесные зубы!

Но это была ложь!..

Правда, Сара знала Кэртона давно, он был другом ее матери, был на много лет старше Сары. Ему должно быть сорок три или сорок четыре года...

Красивые женщины всегда возбуждают злые толки, а Сара, вследствие своего одиночества, была более подвержена им.

Жюльен знал, что он должен стараться ясно мыслить и не допускать никакой бессмысленной тревоги. Он даже слегка засмеялся, давая себе сам этот совет; вслед за тем он невольно вскрикнул, так как в своей слепой поспешности ударился по дороге о какую-то каменную стену.

Оглянувшись, он заметил, что бессознательно пришел к отелю Дезанж и очутился перед высокими воротами, тонкий железный переплет которых пропускал длинные полосы света, падавшие из открытых окон и отражавшиеся на дворе.

У ворот дремал в своей будке старый привратник.

Жюльен открыл маленькую боковую калитку и прошел к двери. Дворецкий, часто видевший его в последние месяцы, сказал вместо приветствия:

— Графиня находится в белой гостиной.

Он сделал жест рукой, как бы приглашая его войти. Жюльен последовал за ним машинально, словно в состоянии какого-то умственного оупения и физической усталости, явившейся результатом страшного возбуждения и сильнейшего приступа гнева. Он увидел луч мягкого света и услышал свое имя, произнесенное вполголоса. Идя дальше по гладкому, блестящему паркету, чтобы поздороваться с Сарой, он пристально посмотрел на Шарля Кэртона, который был партнером леди Дианы в бридж.

Кэртон точно почувствовал этот взгляд и тотчас же обратился к нему, раньше чем это сделал кто-нибудь другой.

— Алло, Гиз! Вы пришли, чтобы позабыть в веселой беседе о гневe своего клиента, не так ли?

Жюльен увидел перед собой его тонкое, смуглое лицо, улыбку, открывающую великолепные зубы, и очертания гладко причесанной головы. С трудом проглотив комок, подкативший к горлу, он сказал своим обычным голосом:

— Вашей руке лучше, Кэртон?

— Движения еще немного затруднены, но это все.

Жюльен взглянул на Сару и горячо повторил в душе: «Это неправда!.. Это неправда!..»

Детская уверенность, что то, что красиво, должно быть так же хорошо во всех отношениях, мелькнула у него в мозгу и укрепила его. Ведь так трудно дурно думать о красоте, когда смотришь на нее. И Жюльен бессознательно услаждал свою утомленную душу и успокаивал ее, глядя на Сару и разговаривая с нею о пустяках. Он слушал ее, освободившись каким-то необъяснимым путем одним только фактом ее близости от всех своих огорчений, сомнений и злобы. Он испытывал величайшее удовлетворение и уверенность в своем счастье.

Они разговаривали о Вильяме, о его поврежденной лапке и о любви Коти к своим собакам.

Это все были простые вещи, лениво думал Жюльен, в них были ясность и простота.

— Какой у вас утомленный вид! — вдруг сказала Сара.

Она повернулась и подошла к дивану, стоявшему у стены. Жюльен последовал за ней, все еще ощущая мир в душе. Он закурил папироску, довольный, что мог смотреть на нее и слышать ее голос.

Сара тоже курила. Посмотрев на него в упор, она сказала:

— Вы знаете, я чувствую себя виноватой перед вами.

Он встрепенулся.

— Передо мной? Почему?

— А ваше сегодняшнее дело!

Она потупила глаза, и тень от ресниц легла на ее щеки.

— Я слышала вопрос Шарля и, кроме того, читала в газете.

— Знаю, — коротко отвечал Жюльен. — Это неприятно. Я намерен попытаться поправить дело.

— Вам бы не следовало приезжать сегодня, — тихо произнесла Сара.

— Вы недовольны, что я это сделал?

Его голос заставил ее взглянуть на него. Их глаза встретились.

— Вы недовольны? — повторил он.

— Нет, — сказала она с усилием. — Но я все-таки чувствую себя виноватой. Моя мать и другие упрекают меня за то, что я слишком часто отвлекаю вас от работы. Вы сами сказали это сегодня, только вы прибавили, что это не имеет значения. Но для меня это имеет значение, должно иметь!

— Это очень скучный предмет для разговора, во всяком случае, — возразил Жюльен, стараясь выказать беспечность, которой он не чувствовал. Ему пришли на память советы Колена. — Кто же те другие, которые так интересуются моим благополучием?

— О, моя мать... Адриен...

— Как раз Адриену приличествует осуждать такого случайного лентяя, как я!..

Партия в бридж кончилась, и послышались обычные замечания партнеров. Леди Диана выиграла и довольная подошла к Саре и Жюльену.

— Как вы думаете, музыка может уменьшить дикую алчность души? — спросила она и, не дожидаясь ответа, уселась за рояль.

Она играла действительно хорошо и с большим темпераментом. Сегодня она по какому-то капризу начала играть увертюру из оперы «Самсон и Далила». Это была некогда любимая опера Сары, как и многих других чувствительных людей. Сара никогда не могла слушать эту музыку без того, чтобы не почувствовать ускоренное биение сердца, и сегодня вечером она подействовала на нее еще сильнее после всех волнений, перенесенных ею в течение дня и

пошатнувших ее самообладание.

Она сидела, устремив взор на свои руки, лежащие у нее на коленях. Жюльен Гиз, Шарль, — оба показались ей как-то особенно близкими, и так как она это чувствовала, то у нее явилось интуитивное сознание, что они тоже это чувствовали и страдали.

Жюльен смотрел на ее тонкие руки, вспоминая, как он держал их в своих руках. Быстро отвернувшись в сторону, он увидел горящие, устремленные на Сару глаза Шарля, который тотчас же отвел свой взгляд, как только почувствовал, что за ним следят.

Леди Диана продолжала играть, и рой безумных, страстных мыслей пронизывал мозг Жюльена. Музыка этой оперы выражала его любовь, и, без слов высказывая ее Саре, он вдруг понял, что в его чувство к ней примешалось нечто новое. До этого вечера он мог обожать ее, не требуя ничего взамен. Теперь же его душевный мир был нарушен, ревность вызвала у него менее идеальные, но более могущественные эмоции. Он внезапно почувствовал, что ее близость была для него невыносимой, что она не была божеством, обожаемым издали, а женщиной во плоти и крови.

Сара, точно повинувшись его взгляду, подняла глаза на него. Их взоры встретились, и она прочла в его глазах ту истину, которой раньше не замечала. Она испытала чисто физическое ощущение, заставившее ее отпрянуть, как будто он прикоснулся к ней. Он увидел под тонкой тканью ее платья, как вздымается ее грудь, и в тот же момент его безмолвный любовный призыв с непреодолимой силой, точно пламенем, охватил ее и завладел ею помимо ее воли.

— Я могла бы полюбить этого человека, да, я уже слишком много думаю о нем. Вот куда вело беспокойство, которое я ощущала. Это ответ, — сказала она себе и на мгновение испытала такое же необыкновенное чувство освобождения, какое испытывал Жюльен. Но затем действительность вступила в свои права и вернула ее к сознанию ее положения, а вместе с этим сознанием она почувствовала себя несколько пристыженной и подумала с удивлением: «Что я за женщина? Как я могу испытывать нечто подобное и так скоро?..»

Музыка кончилась. Леди Диана встала.

— Вы все имеете какой-то расстроенный вид, — заметила она, обводя их веселым, насмешливым взглядом. — Я вообще нахожу, что оперу занимательнее смотреть, нежели слушать, и особенно интересно наблюдать слушателей, так как тут видишь человеческую натуру без прикрас. Это увлекательное занятие.

Ее взгляд остановился в конце концов на Шарле.

— Вы, милый друг, что-то не так оживлены, как обыкновенно, — сказала она.

— Может быть, я теряю от сравнения, — быстро ответил Шарль, улыбаясь.

Он последовал за леди Дианой, наложил гору мягких подушек ей за спину и закурил для нее папироску. Жюльен и Сара сидели молча.

— Вы не любите оперу? — спросила, наконец, Сара, прерывая молчание, смущавшее ее.

— Да... я знаю очень мало опер, — не совсем охотно ответил он.

Их глаза снова встретились на мгновение, и снова его взгляд пытался овладеть ею.

— Я должен идти, графиня, — проговорил он резко слегка хриплым голосом.

Он остановился перед нею, выпрямившись во весь свой высокий рост и с таким выражением лица, которое причиняло ей страдание. Она тоже смотрела на него, ожидая, пока он не попросится с нею, как всегда церемонно, и думала при этом, что было бы, если бы она вдруг прижала его голову к своему сердцу...

Что-то в ее лице вдруг открыло Жюльену истину, в которую он не осмеливался поверить, но на одно безумное мгновение он все же поверил в нее. Что-то было все-таки?..

Нет, ничего не было! Он поклонился ей, шепча обычные слова прощания.

Внезапно ею овладело странное, несколько жестокое желание, и она намеренно протянула ему руку. Он не мог не взять ее, иначе это было бы явной нелюбезностью с его стороны.

Он взял руку, медленно удержал ее в своей руке, выразив в своем пожатии свою страстную просьбу. Он смотрел на нее прямо и открыто с беспощадной настойчивостью и видел, как она менялась в лице. Она тоже посмотрела на него; ее глаза были широко раскрыты, и легкая улыбка играла на губах.

И вдруг, словно испугавшись, он выпустил ее руку, повернулся и ушел.

Сара подождала еще немного, и так как было уже поздно, она извинилась перед другими, искусно избежала маневров Шарля, желавшего проводить ее на лестницу, и удалилась в свою комнату.

— Наденьте на меня пеньюар, Гак, — сказала она.

Комната находилась наверху и с улицы была не видна. Ее огромные окна были раскрыты настежь, давая доступ фиолетовой ночи и ее прохладным ласкам.

— Честное слово, вы красавица, мисс Сара! — вдруг воскликнула Гак. — Как будто...

Она вдруг запнулась, но Сара поняла ее.

Теперь она могла думать о Коти откровенно и честно, с благодарностью, которую она всегда чувствовала, потому что неестественное возбуждение, державшее ее в напряжении все последние месяцы, совершенно исчезло и заменилось чувством, которого она не стыдилась. Однако она не знала этого до сегодняшнего вечера, не знала даже днем, когда Жюльен встал перед нею на колени на большой дороге.

О, как слепо и глухо бывает сердце!

Гак спросила, как причесать ей волосы.

— Я еще не лягу в постель, — сказала она, и, пока Гак расчесывала ей волосы, она начала мечтать.

Как молодо он выглядел и каким усталым!

Их любовь будет грезой, на некоторое время...

Эта мысль не казалась ей заслуживающей порицания или бессердечной. Проанализировав ее, она решила, что это зависело от особого качества, заключающегося в любви Жюльена к ней. Этого качества не было в любви других мужчин к ней.

Гак кончила ее расчесывать, и две толстые пряди волос, связанные широкой лентой янтарного цвета, легли на ее плечи.

— Ну, теперь спокойной ночи, миледи, — сказала Гак немного недовольным тоном. Обыкновенно Сара беседовала с ней перед отходом ко сну, но сегодня она была необычайно молчалива, и Гак с понятной досадой замечала, что Сара сама себе улыбалась, каким-то собственным мыслям...

Сара заметила недовольный оттенок ее голоса и засмеялась:

— Ой, ой, Гак! Не надо сердиться, — сказала она. — Я вовсе не унеслась далеко в своих мыслях, а только... только была счастлива!

— Если только это счастье, настоящее счастье? — осторожно возразила Гак. — Но если тут радость будет сменяться унынием, бессонными ночами и слезами и вы будете постоянно менять свои платья, то... Нет, я больше ничего не скажу, мисс Сара. Я надеюсь, что на этот раз это настоящее.

Сара снова засмеялась.

— Гак, вы выражаетесь языком пророков. Но теперь это настоящее, говорю вам.

— Будем надеяться, что так будет, — отвечала Гак, все еще недовольная молчаливостью Сары.

Когда она ушла. Сара погасила свет и, подойдя к окну, стала смотреть на небо.

Она думала, настанет ли день, когда она будет стоять подобным образом рядом с Жюльеном и смотреть на небо и будет говорить ему, что однажды она представляла себе такую картину.

Настанет ли такой день, когда они поцелуются? Это будут поцелуи, которые являются сами собой, как утренняя заря, как цветы под влиянием солнечных лучей...

Испытает ли она когда-нибудь восторг, отдаваясь любимому человеку?..

О, какой безумной, какой жалкой она была все эти последние месяцы!

Как позорно было играть в любовь с Шарлем, когда она сознавала в душе, что не любит его, и только жажда испытать счастье заставляла ее слушать его.

Он скоро уйдет навсегда из ее жизни, слава Богу!

А ведь она его любила когда-то, любила его истинным образом, как понимала тогда любовь. Это было давно. Теперь она знает, что ничего не понимала тогда.

Слава Богу, она может идти к Жюльену, когда будет свободна, и тень ее прежней любви к Шарлю не падет на нее. Знает ли он о Шарле всю историю? Вероятно. Если нет, когда-нибудь она сама расскажет ему все и даже, может быть, расскажет о своей летней глупости.

Как необыкновенны женщины! Как удивительна человеческая натура! Ведь она знала, что в действительности она была всегда требовательной натурой, а между тем решилась принять весьма подержанное чувство, только вследствие своего одиночества.

— Так тяжело, так страшно быть одинокой! — говорила она себе. — Боишься быть выброшенной из жизни в конце концов и потому цепляешься за какую-нибудь руку, чтобы только удержаться, чтобы спастись от самой себя. Спустя некоторое время это уже теряет всякое значение, и в этом-то и заключается величайшая трагедия одиночества. И я думаю, что тот, кто одинок, всегда становится добычей досужих людей, не испытывающих духовного одиночества, потому что душа у них недостаточно развита и у них есть достаточно времени, чтобы осуществить всякую минутную фантазию, которая придет им в голову.

Сара медленно подошла к кровати и села на край. В доме была тишина, тишина была и на улицах... В конце концов, ведь жизнь все-таки одинока.

Она провела пальцем по вышитой монограмме на своей подушке, поправила ленту, продетую в прошивке покрывала, и вдруг, быстро решившись, встала, открыла дверь будуара и пошла в комнату мужа.

Ночная сиделка была уже там; она встала, когда вошла Сара. Коти спал, Вильям тоже спал возле него, прильнув к его руке. Его четыре маленькие лапки шевелились во сне.

— Если вы желаете уйти на часок, то можете это сделать, — сказала Сара сиделке, и та тотчас же встала, пробормотав благодарность, и бесшумно удалилась.

Сара взглянула на лицо Коти; оно было серовато-белое и губы полуоткрыты.

Его подушка соскользнула. Сара нагнулась над ним и осторожно поправила подушку. Глаза его открылись, и он тупо смотрел на нее.

— Это ничего, — сказала она, — это твоя подушка свалилась, дорогой мой. И она снова попробовала объясниться с ним при помощи век и губ. Но он казался еще более неподвижным, чем обыкновенно, и она, наконец, прекратила свои попытки.

Только один раз его голова беспомощно скатилась и повисла сбоку, и тогда он снова

посмотрел на нее.

Что-то в этой жалкой беспомощности заставило болезненно сжаться ее сердце. Она прислонила его тяжелую голову к своему плечу. Никогда, во время их совместной жизни, она не выказывала ему нежности, да он и не нуждался в ней. Но теперь она чувствовала к нему большую нежность.

Он скоро заснул. Когда вернулась сиделка, Сара ушла в свою комнату.

ГЛАВА XI

Как объяснить вечную зависть?

Это порок, не приносящий ничего.

Бальзак

Если бы было возможно жить только в высшие моменты самых чистых видений и ощущений, то мир был бы прекрасен, он был бы безопасен и замечательно прост. Но, к счастью для человечества, как ни угнетает это, все же потом неизбежно наступает завтра.

Это завтра наступило и для Сары и Жюльена.

Оба чувствовали в эту ночь, что их ожидает счастье, что все тревоги котились. Но когда наступило «завтра», то жизнь прогнала все прекрасные видения и снова беспощадно заявила о своих правах.

В сущности, ничего не изменилось; будущее возвышалось как барьер впереди счастья. А самосознание, в высшей степени раздражающее качество, вернулось полным ходом и, как всегда, сделало смешным все, что казалось таким редким и прекрасным накануне.

Сара чувствовала, что она была безумной. А Жюльен снова вспомнил и, вспомнив, испытал досаду, что мог так скоро забыть.

Он нашел среди своей корреспонденции несколько записок, наполненных резкими упреками, которые относились к неблагоприятному исходу дела накануне, и он знал, что гнев и упреки были вполне заслужены им. Вспоминая все, он не мог отрешиться от мысли, что поступил как дурак.

Он сидел в своей комнате мрачный и угрюмый, как будто занятый делом, но на самом деле думая о своем неразумном поступке, повредившем его карьере. Он знал, что внешний мир, и в особенности тот специальный мир, к которому принадлежал он, резко осуждает его.

Ему вспомнились слова Колена; еще так недавно он был честолюбцем, и его победы были так близки...

Он заглянул в собственную душу. Наваждение любви продолжало существовать и к нему присоединилось еще острое чувство ревности. До какой степени оно было острым, он это понял только сегодня утром. Он чувствовал, что находится в тисках, из которых не может освободиться, и им овладело бессильное негодование.

Он смутно припоминал, что читал какую-то книгу, которая называлась «Крупинка пыли» и в которой рассказывалась история, аналогичная его истории: молодой, многообещающий человек погубил свою блестящую карьеру из-за женщины...

У Жюльена вырвалось восклицание: «Какая польза теперь думать об этом?»

Он вытащил какой-то трактат и углубился в его чтение. Но прошло десять минут, и он снова задумался о Кэртоне. Отодвинув в сторону бумаги, он встал и начал ходить взад и вперед по комнате.

Для человека его роста он имел очень легкую походку, и его шагов почти не было слышно...

Колен преподавал разные советы его отцу и указал средства «образумить его», заставить встряхнуться и вытащить его из болота, в котором он завяз. Таким средством, между прочим, была ревность. Колен не мог надеяться, что его совет будет иметь такие результаты. Если бы он это знал, то, разумеется, пришел бы в восторг.

От Доминика Гиза Колен узнал о ссоре, которая произошла у него с сыном, уничтожившей всякую возможность дальнейшего спокойного обсуждения. Поэтому он советовал прибегнуть к другим средствам.

В большой красивой квартире Колена собрались Гиз и Пьер Баллеш, чтобы переговорить об этом деле.

Баллеш слушал рассеянно: он представлял действительную крупную величину, несмотря на свой индифферентный вид, но живо интересовался лишь своею выгодой. Однако он все же подумывал и о Жюльене. Он знал его лично и восхищался его работой. Имя Жюльена тотчас же вспомнилось ему, как только Колен (всегда очень много говоривший и любивший, чтобы его слушали) и старик отец Жюльена, не очень умный, но питавший ослиную преданность к сыну, заговорили о необходимости устроить совещание и пригласили его.

Баллеш уже имел в виду Жюльена как кандидата на пост в Тунисе и говорил об этом с министром иностранных дел. Этот министр был аристократом старого режима, но тщательно скрывал это под маской своего великолепного республиканизма. Если же ему представлялась возможность сделать это незаметно, то он всегда рекомендовал для какого-нибудь назначения человека своего образа мыслей. Министр внимательно выслушал и поблагодарил способного и умного Баллеша за совет, обещая, что если Баллеш не изменит в этом отношении своих взглядов на кандидатуру Жюльена, то, по дальнейшем расследовании, министр даст ему это назначение.

Впрочем, министр и сам подумывал о Жюльене как о пригодном кандидате. Жюльен был хорошего происхождения, был воспитан и умен и поэтому мог быть достойным представителем. Пост, который имелся в виду, кроме специального легального интереса, имел и выдающееся дипломатическое значение. Министр, который оставался прежде всего маркизом де Сун, т.е. аристократом, не мог этого позабыть.

Баллеш мог заявить на совещании по поводу дела Жюльена, что он считает очень уместным в данный момент такое назначение, и даже снисходительно прибавил, что Гиз и его добрый друг «мэтр Колен» могут считать это дело устроенным.

Сидя в своем автомобиле, Колен не скрывал своего удовольствия.

— По всей вероятности, он уедет на год... а там можно будет устроить ему отпуск или изменить все. Жюльен не посмеет отказаться, так как он теряет тогда две трети своего дохода. Это было бы нарочным оскорблением, потому что Баллешу известно все. Дорогой друг, мы выиграли. Даже Жюльен не решится противопоставить правительству свои любовные дела.

Доминик Гиз ничего не ответил.

— Вы разве не согласны со мной? — резко спросил его Колен.

Гиз сухо засмеялся. В ясном утреннем свете его лицо казалось мертвенно бледным и утомленным.

— Я не знаю, — устало проговорил он. — Я рассказал вам о нашем разговоре. Я совсем не узнаю своего сына в этом безумном фанатике, таким он выказал себя, защищая свое

право. Я ничего не могу предсказать тут, видит Бог — не могу!

Колен сбоку посмотрел на него. В подвижном мозгу Колена уже зародился один план, но он опасался, что он будет неприемлем для Гиза. Со своей буржуазной точки зрения он относился несколько презрительно к идеалам чести и благородству поведения. Для успеха в жизни это не имеет большого значения.

— Я подумал, не поможет ли непосредственное обращение, а? Как вы полагаете, друг мой? — спросил Колен, потирая свой толстый подбородок. — Нравится вам эта мысль?..

Его острый взгляд был прямо обращен на Гиза, и еще прежде, чем он ответил, Колен уже знал, какой будет следующий вопрос.

— Обращение к кому? — спросил Гиз.

Колен презрительно фыркнул.

— К кому?.. Гм!.. К главной причине всех бед. Вы знаете графиню Дезанж?

— Нет, — сердито ответил Гиз.

— Это хорошо. Если бы вы были знакомы с ней, то ваше обращение не имело бы такой силы. А при данных условиях вы можете действовать как главный советник... э!.. как спаситель вашего сына...

Он зорко следил за Гизом и в его глазах заметил как раз такое выражение, какое ожидал увидеть в них.

«Старый дурак!» — подумал он с досадой, но тотчас же произнес вслух:

— Конечно, не надо упоминать о материальном ущербе, понесенном Жюльеном, а только настаивать на его политическом престиже, на его значении для страны и в силу этого на необходимости принять предлагаемое назначение. Слишком легко забывается, что служба Франции представляет долг, который не имеешь права игнорировать...

«Он сделает это, — сказал себе Колен с чувством удовлетворения, — он сделает это, старый простофиля».

Глаза Колена с тоскою смотрели на открытые двери кафе, когда автомобиль проезжал мимо. Он посматривал на свои прекрасные часы, думая с сожалением, что хорошо бы зайти и выпить что-нибудь. Но необходимость приниматься за работу, вследствие того, что Жюльен отошел в сторону, вынуждала Колена отказаться от этого удовольствия. Жюльен до некоторой степени помогал ему, и надо отдать справедливость Колену, что он все же по-своему любил Жюльена. Жюльен так быстро получил известность и окружен был таким красивым ореолом, что его падение с этой высоты не только причиняло Колену материальный ущерб, но и потерю престижа.

Колен очень легко узнал, где проводил дни его бывший протеже. Он был бездетным человеком, и, может быть, его желанием спасти Жюльена руководило более тонкое чувство, нежели простая досада за собственный неуспех в жизни.

Во всяком случае, он пошел к Доминику Гизу и нашел у него более чем достаточно материала для своей работы. Гиз был для него открытой книгой. Он читал в нем, как читает азбуку студент шестого семестра. Поиграв немного на ревности старика, выслушав рассказ о деле Кэртонна и перечень гонораров, принесенных в жертву Жюльеном вследствие его безумного образа действий, Колен выразил полное сочувствие его взглядам, что окончательно расположило Гиза в его пользу и превратило его в орудие Колена.

Колен сначала предполагал, что разговор с Жюльеном, за которым должен непосредственно следовать разговор с его отцом, должен повлиять на Жюльена, и таким путем он надеялся добиться цели. Но его схема потерпела поражение, и наступившее после

этого отчуждение между сыном и отцом уничтожило всякую возможность действовать путем убеждения.

Тогда-то и обратились к Баллешу.

Колен тоже старался об этом назначении Жюльена, хотя Жюльену тогда придется уехать. Но Колен рассчитывал извлечь из этого пользу для себя. Влияние Жюльена после того, как он займет правительственный пост в Тунисе, должно возрасти и для Колена. Это может иметь большое значение, тем более что это назначение Жюльена является результатом постоянных дружеских стараний Колена, чего забывать не следует. Колен вообще не упускал из виду ничего, что могло иметь значение и содействовать его повышению, а это в огромной степени зависело от будущности самого Жюльена.

Он имел счастье заручиться благодарностью Жюльена в начале его карьеры, и он пользовался этой благодарностью так часто, как ему было нужно. Он стоял на точке зрения противоположной, чем маркиз де Сун, но разделял его взгляды, когда это могло быть ему полезно. Назначения распределялись среди людей именно такого сорта, как ему было известно, а Жюльен принадлежал к их числу.

Теперь, высадив Доминика Гиза у отеля Дезанж, он внутренне помолился, чтобы у этого старого дурака хватило достаточно здравого смысла и он бы не испортил интервью. А для Гиза, когда он следовал за дворецким по широкой лестнице, это интервью, противоречившее всем его понятиям о приличиях и его врожденной любезности, явилось настоящим крестовым походом.

Он верил, что ему предназначено быть спасителем своего сына. До прошлой ночи Жюльен никогда с ним не ссорился. Теперь, взбираясь по этой лестнице, усталый и измученный, старик Гиз в особенности ощущал тяжесть своих годов, которые, однако, до этой роковой ссоры не давали себя так сильно чувствовать.

Комната, в которую он вошел, была залита солнечным светом, а в большие открытые окна несло из сада мелодичное пение птиц.

Гиз сел, чувствуя глухую, нелепую досаду на все, что его окружало, на прекрасную погоду, на привлекательность обстановки вокруг него. Он не был настроен на то, чтобы ощущать счастье. То, что Сара жила в таком прекрасном доме, среди такой прелестной обстановки и солнечного сияния, только усиливало его раздражение и прибавляло еще ее новое преступление к длинному списку, который у него имелся.

Дверь открылась, Сара вошла. Гиз сразу догадался, что она ожидала найти Жюльена. Он тяжело поднялся с кресла и поздоровался с нею с холодной вежливостью.

Внезапное разочарование временно лишило Сару самообладания. Она смутилась при виде Гиза.

Гиз заметил это, и глаза его блеснули.

«Она знает то, что я знаю! Она напугана», — решил он.

Но Сара рассматривала его, ища лишь сходства с Жюльеном. Когда она заговорила, то выразила в нескольких любезных словах свое удовольствие по поводу свидания с отцом Жюльена.

— Я пришел сюда как раз, чтобы поговорить с вами о моем сыне, — холодно ответил Доминик Гиз.

Произошла минутная пауза, затем он добавил все тем же ледяным тоном:

— Я хочу попытаться просить вас порвать с ним, так как он, по-видимому, слишком слаб и слишком увлечен, чтобы самому сделать это.

На мгновение Сара испытала такое ощущение, какое бывает во сне, когда уверяешь себя, что ужас, который испытываешь, есть только ночной кошмар, и стоит только проснуться, чтобы избавиться от него.

Однако она оправилась и возразила:

— Я не понимаю, что вы хотите сказать.

Гиз резко и грубо рассмеялся, как смеется человек, доведенный до крайности и боящийся потерять душевное равновесие.

— Графиня смеется над моей доверчивостью. Это не так уж плохо, как кажется...

Он запнулся. Губы у него пересохли, и он украдкой смочил их языком.

Сара повторила, пристально взглянув на него:

— Я вас не понимаю, мсье Гиз.

Гиз встал и, подойдя к ее креслу, остановился перед нею. Она угадывала в эту минуту, что он хочет ее оскорбить, что он ее не любит, но она понимала его беспомощность и жалела его.

Он судорожно сжимал руки, и голос его дрожал, когда он заговорил:

— Вы не можете утверждать, что вы не понимаете, о чем я говорю, что мой сын увлечен вами уже в течение многих месяцев, вопреки тому факту, что мистер Кэртон пользуется вашими милостями...

Он не собирался говорить подобным образом, но под влиянием гнева, овладевшего им вследствие уверенности, что Сара дерзко обманывает его, он потерял всякую власть над собой, и слова полились у него бурным потоком, прервавшим все преграды.

— Весь Париж это знает, как знает и то, что Жюльен губит свою карьеру из-за этого. Вчера он бросил дело, чтобы быть возле вас, а сегодня, по вашему слову, он, без сомнения, откажется принять назначение в Тунис, если вы найдете, что его присутствие возле вас необходимо для удовлетворения вашего тщеславия. Я стар, графиня, но слышу и вижу и могу судить. Я знаю, вы никогда не отвечали на любовь моего мальчугана, вы только принимали ее. Такие женщины существуют, и притом ведь гораздо легче играть такую роль, когда есть другой любовник, пользующийся предпочтением. Но говорю вам, мужчина более уважает женщину, которая грешит ради любви, чем ту, которая остается добродетельной из тщеславия. Жюльен...

— Я не желаю слушать вас, — сказала Сара, с трудом сдерживая себя. — Не понимаю, как вы смеее так говорить со мной... Я отказываюсь слушать вас...

Она встала, но он с силой схватил ее руку.

— А я говорю, что вы должны меня выслушать! Разве это ничего не значит, что вы погубили карьеру моего сына ради своего тщеславия? Вы думаете, я не знаю, как часто он бывал здесь? Я знаю! Колен...

Он проглотил фразу, которая выдала бы его. Он потерял всякое чувство меры и приличия, его мозг был объят пламенем, и он не мог уже обдумывать своих слов, но хитрость оставалась и предостерегала его. Он не должен был выдавать этой женщине с белым лицом и блестящими глазами, что Колен следил за Жюльеном, как только заметил, что он манкирует делами.

— Говорю вам, я знаю все! — продолжал он резко. — Знаю также, что вы употребили его лишь как приманку для Кэртона, которого вы любили до своего замужества. Ради тщеславия, ради желания увлечь и удовольствия испытывать свою силу на других вы отняли у меня все, чем я дорожил. Ведь он потерян для меня, понимаете? Прошлой ночью

мы поссорились с ним из-за вас, из-за вас, понимаете? И он не вернулся... Это все ничего не значит для вас? И также будет ровно ничего не значить, если вы убедите его отказаться от назначения в Тунис, которое предлагает ему де Сун? Конечно, все это не имеет значения, пока он остается при вас и не предъявляет вам никаких предосудительных требований.

Такие женщины, как вы, именно и приводят в конце концов мужчину на виселицу, — тщеславные, они продают свою собственную душу и души других ради хвастовства. Можно уважать женщину, которая любит и, любя, не заботится о том, что теряет любимый ею, если она его удерживает при себе, но женщина, которая живет займами, не имея в виду оплачивать их... и даже продолжает делать займы и дальше...

Он вдруг умолк. Дыхание со свистом вырывалось у него из горла. Затем наступило полное молчание.

Подождав несколько минут, Сара встала и, даже не взглянув на Гиза, вышла из комнаты. В передней она увидела лакея и сказала ему, чтобы он проводил джентльмена, находящегося в салоне.

ГЛАВА XII

*Как отблески потерянного рая,
Горят холмы весеннею зарей.
Мир призраков спускается на землю,
Таинственный, тяжелый и немой.*

*Все, что живет, и страдает, и любит, —
Красок и песен несметная рать, —
Все притаилась в предчувствии темном
Смерти, которой не миновать.
В. Хенлей*

Сара прошла в свой будуар, охваченная слепым гневом, который даже лишил ее на время способности видеть и слышать. Точно какой-то туман окутывал ее, сквозь который она слышала только глухой звук — бешеное биение собственного сердца.

Голос матери заставил ее вздрогнуть так сильно, что она даже испугалась.

— Алло, что случилось? — спросила леди Диана. — У тебя совершенно больной вид... Что такое? Может быть, Коти стал хуже? Ты не ушиблась ли?

Сара сделала над собой величайшее усилие и ответила шепотом:

— Я... я просто почувствовала себя дурно на мгновение...

Леди Диана всматривалась в нее своими пронизательными глазами...

— Я позвоню, чтобы тебе принесли вина. Не велеть ли Гак принести тебе нюхательную соль?

— Не надо, благодарю... Но, мама, мне бы хотелось остаться одной...

— Конечно, конечно, моя дорогая. Мне очень жаль, что ты дурно чувствуешь себя. Лучше позову к тебе Гак.

Она вышла из комнаты, оставив после себя легкий аромат белой лилии, ее духов.

Сара осталась стоять у стены, держась рукой за книжную полку. В комнате ничего не изменилось; все вещи были на прежнем месте. Но с тех пор как она вышла из нее, полчаса

тому назад, ее жизнь изменилась.

Слова, сказанные Домиником Гизом, снова пришли ей на ум и жгли как огнем. Прилив сильнейшего гнева, заставил ее поднять сжатый кулак и с силой ударить об угол книжной полки. Она почувствовала боль от удара в суставах кисти, и это принесло ей некоторое облегчение.

Как она могла слушать то, что говорил ей этот человек, доведенный до безумия ревностью и ненавистью к ней...

Она вся дрожала, и на щеках ее горели огненные пятна. Она чувствовала какую-то безумную и совершенно несправедливую злобу против Жюльена. Если бы у него не было такой безрассудной привязанности к ней и он не переходил бы границы, то ей не пришлось бы испытать такую гнусность.

Она услышала чьи-то шаги и внезапно почувствовала, что она никого не хочет видеть, что она возненавидит каждого, кто войдет к ней, даже Гак. Она хочет оставаться одна, совсем одна, пока не овладеет своими чувствами, не успокоится.

Шаги приближались. Она бросилась через будуар в свою спальню и заперла за собою дверь.

Послышался голос Гак:

— Мисс Сара!.. Миледи!..

Сара почувствовала сильнейшее желание крикнуть: «Неужели я никогда не могу быть одна?..» — но прежде чем она успела выговорить слово, раздался очень энергичный стук в дверь. Сара, возмущенная таким вторжением, уселась в кресло и крепко сжала руки, решив не обращать внимания ни на что.

— Миледи!.. Миледи!.. — зывала Гак. — Это господин... Миледи, вы здесь?..

Гак дернула ручку, и Саре вдруг показалось, что в ее зове слышался какой-то страх. Она вскочила и, подбежав к двери, открыла ее. Пальцы ее дрожали от волнения.

Гак схватила ее за руку.

— Произошла перемена... Послано за доктором...

Они вдвоем побежали по коридору, показавшемуся Саре бесконечным под влиянием страха, который овладел ею. И этот страх еще усилился, когда она увидела, что дверь в комнату Коти была, против обыкновения, заперта.

Однако в непосредственной близости больного ничего необычного и дурного не было заметно. Но сиделка сказала ей спокойно, что с ним был удар и продолжительный обморок. Теперь Коти казался спящим, он лежал на боку с закрытыми глазами. Вильям, свернувшись в ногах постели, внимательно следил за ним.

Все окна были широко раскрыты; в углах комнаты цвели два розовых дерева, и их яркие цветы резко выделялись на бледных стенах.

Франсуа вошел неслышными шагами, в сопровождении доктора Лукана, который кивнул головой Саре и нагнулся над Коти. Когда он поднялся, глаза его встретились с глазами Сары, и он снова кивнул головой, как бы в подтверждение своей первой мысли, которая явилась у него, когда он вошел.

— Может быть, несколько часов... Его жизнь уходит из него с каждой минутой...

Странное чувство, точно она двигалась в каком-то кошмаре, охватило Сару. Она видела комнату, ее красивую, уютную обстановку, солнечные блики на стене, кровать с ее экзотическими покрывалами, черную голову Коти, угрюмое лицо Лукана, растерянное выражение Гак и встревоженную сиделку...

Коти умирал, скоро его не станет...

Лукан снова заговорил отрывистым голосом о том, что это лучший исход и что страданий он не испытывает.

Да, но ведь это была смерть!

А снаружи сверкал в лучезарном сиянии летний день и кипела жизнь кругом...

Лукан подошел к Саре.

— Вы не должны так расстраиваться. Ведь этого надо было ожидать. И, как я говорю, это лучший исход, графиня. Вы же всегда знали это. Возьмите же себя в руки... Я приду потом. Мне надо идти к одному опасному больному сейчас...

Он слегка похлопал ее по плечу, подождал с минуту, и так как она не отвечала, то он вышел из комнаты.

Быстро сбегая вниз по лестнице, он меньше думал о Коти, нежели о Саре. Он не ожидал от нее такой слабости. Ведь даже самый гуманный человек не мог бы не признать, что смерть Коти Дезанжа была избавлением для него... и для его жены.

А Сара имела вид женщины, страдающей от этого удара. Лукан пожал плечами. Что за странные существа женщины! Вот эта, например, никогда не любила своего мужа, но ее поведение было безупречно, так же как ее доброта к нему во время первой стадии его ужасной болезни. И вот теперь...

Он мысленно решил, что Сара, вероятно, свалится с ног, когда все кончится, и на время перестал думать о супругах Дезанж.

Сара сидела возле Коти, Франсуа стоял у окна, а Гак и сиделка дожидались в соседней комнате.

Сара держала неподвижную руку Коти в своих руках, потом вдруг встала на колени возле кровати, так что ее лицо пришлось на уровне с его лицом.

Ах, если бы только он мог знать, что она здесь, что он не один! Если б он мог услышать хоть несколько слов от нее, прежде чем уйдет навсегда!..

Она прислонила свою щеку к его щеке и окружила его голову своей теплой рукой.

— Я здесь, — шептала она, — Коти, я здесь...

Странный рой воспоминаний в беспорядке пронесся в ее мозгу, как мучительный сон. Она вспоминала свою свадебную ночь, искреннюю доброту Коти и его неуклюжую веселость, в которой он проявлял свою нежность к ней. Он был всегда таким чистосердечным, таким откровенным и естественным. Он осыпал ее разными уменьшительными именами, принятыми у мужчин такого типа. Но он никогда не называл ее «любимой», и только когда его сразил удар, год тому назад, и он уже с трудом выговаривал слова, он сказал ей:

— Сара... дорогая... ты хорошая.

Это было как раз в то время, когда он плакал и она его утешала.

Она встала и приподняла его к себе, прислонив его голову к своей груди, она качала его как ребенка, произнося разные ласкательные слова и глядя свободной рукой по его жалкому, искаженному лицу.

Он еще дышал. Иногда дыхание с шумом вырывалось у него, но большую часть оно было затрудненным, отрывистым и поверхностным.

Дверь открылась, вошла леди Диана. На ней был темный полотняный дорожный костюм и ее маленькую шляпку окутывала вуаль. Ноздри ее раздувались, когда она смотрела на Сару и Коти. Это был хорошо известный Саре, с самого детства, признак, указывающий у

нее на страх или отвращение.

Гак подошла к леди Диане.

— Я не хотела бы беспокоить графиню, — сказала ей леди Диана. — Я уезжаю отсюда. Мистер Кэртон отвезет меня в своем автомобиле. Я буду только мешать здесь, я знаю. Все это слишком грустно и лучше не причинять еще более беспокойства в такое время.

— Да, лучше вам уехать, миледи, — сказала угрюмо Гак.

— Так вы объясните это, Гак?

Ее взгляд, выражавший ужас, был прикован к Коти, а губы шептали: «Как она может...»

Она сделала гримасу, которая должна была выразить печаль, и на цыпочках вышла из комнаты.

— Она ушла, — тихо сказала Гак и подошла к Саре. — Позвольте мне подержать его, мисс Сара, а вы отдохните немного.

— Нет... нет... я не могу, Гак, дорогая моя.

Вильям подполз к подушке и улегся под приподнятой головой Коти, подняв кверху свою пораненную маленькую лапку.

— Он знает, — заметила Сара, и слезы потекли по ее щекам. — Франсуа говорит, что он почти не выходил из комнаты и не ел ничего с прошлого вечера. А утверждают, что у животных нет души! Ну, я бы сказала им другое и пристыдила бы некоторых людей, указав им, например, Вильяма.

Сара вдруг вскрикнула, сиделка бросилась к ней, Франсуа остановился возле нее.

Коти приподнялся из ее рук и прямо посмотрел на нее, улыбаясь.

Его губы и пальцы шевелились. Вильям поднял голову и завизжал. Он перестал, как только рука его господина опустилась на его голову, и в комнате наступила тишина.

Коти смотрел на Сару широко раскрытыми счастливыми глазами. На его лице появилось какое-то молодое, веселое, почти насмешливое выражение, глаза его блестели, блуждая по комнате.

— Лето! — ясно проговорил он и упал на спину.

Гак подошла к Саре, притянула ее голову к себе и нежно обняла ее.

— Его лето наступило наконец, — сказала она, задыхаясь. — Дорогая моя, пойдем со мною, пойдем...

ГЛАВА XIII

Радость была в моем сердце,

Листьям горящим подобна.

Зигфрид Сэесун

Так много слов — никто их не жалеет —

В беседах легких тратилось не раз;

Но если шелест крыл его повеет

Дыханием бессмертия на нас,

Одна лишь тишина подслушать смеет,

Что сердце скажет сердцу в этот час.

Артур Саймонс

Целую неделю в большом доме раздавались странные, заглушенные звуки и шага разных людей, пока не были окончены многочисленные печальные обрядности, всегда сопровождающие смерть.

Бесконечный поток посетителей и такой же поток деловых людей вливался в двери большого дома. Роберт, с серьезным выражением лица, соответствующим его новому положению, принимал их всех и как мог справлялся с массой подробностей.

Как это предвидел Лукан, Сара свалилась с ног, и эта неожиданная слабость у такой женщины, как она, изумляла его. Она не ухаживала за Коти во время болезни, и было бы странным утверждать, что ее сердце разбито теперь. А между тем она лежала неподвижно, истощенная, с горящими глазами на бледном лице и неровным пульсом, то бешено бьющимся, то едва прощупываемым.

В эту неделю она расплатилась за все последние месяцы своей жизни и за конечную ужасную сцену с Домиником Гизом.

Величие смерти, которое чувствуется всегда видящими ее приближение, расставание с душой и торжественность этой минуты, — все это сначала вызвало у Сары ложное спокойствие. Прошлое поглотила суровая значительность настоящего. Но вслед за тем к ней стали возвращаться мелкие воспоминания, и в каждом заключалось жало, которое больно ранило ее.

Она не могла отрицать, что кое-что в словах Доминика было истиной. Двое любили ее, и она позволила им, из тщеславия, любить ее. Шарля она хотела наказать, и Жюльену она сначала позволила любить себя тоже лишь для того, чтобы наказать Шарля.

Да, так было сначала. А теперь?

Когда она касалась этого вопроса, то всегда чувствовала сильнейшее замешательство.

— Это так неестественно — то, что я чувствую, — говорила она себе. — Этот стыд, гнев, сожаление к себе!.. Все это потому, что я так сражена теперь, лишилась сна, а смерть Коти наступила так быстро...

Затем она снова видела себя в его комнате, видела этот удивительный блеск в его глазах и слышала произнесенное его устами, так долго бывшими немymi, последнее радостное слово...

Нахлынувшие на нее воспоминания о нем редко покидали ее, и Роберт, бывший ее единственным посетителем, кроме Гак и Лукана, невольно усугублял такое настроение.

Вид Сары, такой хрупкой, такой непохожей на прежнюю, пробуждал в нем сильнейшее сострадание. Все было так ужасно: болезнь Коти, вся эта возня с исполнением его завещания и, наконец, болезнь Сюзетты...

Он говорил ей:

— Мужайся, дорогая моя! Я не могу сказать тебе, как я был потрясен. Когда он ушел от нас, эти комнаты заперли, сиделки удалились... и наступила такая тишина!.. Сюзетта, вот что ужасно...

Спустя несколько минут он прибавил:

— Бедный старина Коти! Помнишь тот день, когда я был болен и он повез тебя навестить меня? Лошади взбесились, и он очень гордился, что заставил их повиноваться. Ты не забыла, конечно? Была зима, и дороги были твердые, как железо, по его словам... Какой он был молодчина, в самом деле!.. Разве это не странно, что теперь как раз, когда он умер, вспоминается нам настоящий Коти, живой и веселый, каким он был до своей болезни? Знаешь ли ты, что он оставил замечательно хорошие записки в своем завещании? Там есть

письмо к старому Дюкло, в котором он выражает ему свою благодарность за хорошее управление конюшнями. И заметьте, Сюзетта, Дюкло управлял ими во времена дедушки, я едва помню его... Говоря о воспоминаниях, я должен сказать, что моя память представляет дырявое сито... Ведь Франсуа желал, чтобы вы взяли маленькую собачку. Вильям ничего не ест и умрет от разбитого сердца, если никто не возьмет его к себе.

— О, Роберт, пойдите, принесите его ко мне! Я хочу иметь его здесь.

Роберт принес Вильяма и положил его на кровать Сары.

— Коти очень любил его, не правда ли? — сказал он.

Сара взяла на руки собачку, и ее маленькое, нежное тельце точно потерялось у нее на руках.

Да, Коти любил Вильяма, любил все покрытые мехом маленькие существа. Он был большой спортсмен, но плохой стрелок. «Я думаю, мы дадим осечку», — часто говорил он.

Всякая мысль, которая была подернута печалью, могла взволновать Сару теперь.

Роберт, грустно поглядев на нее и похлопав Вильяма, отправлялся бродить по огромному дому, который теперь, когда его хозяйка не находилась там, казался особенно пустынным и унылым. Он заходил в бильярдную, грустно посматривая на бильярд, и затем уходил, говоря себе, что он больше не может выдержать.

На улице он чувствовал себя лучше, оживлялся, начинал робко думать о наследстве. Жить тут в доме ему не хотелось, и он полагал, что это было бы не совсем прилично по отношению к бедняге Коти. Сара была также богата, и это радовало Роберта. Он носил модный и чрезвычайно корректный траур и находил, что все хорошо устроено в этом мире.

Неожиданно он встретил на улице Жюльена и очень тепло поздоровался с ним.

— Вид у вас плохой! — откровенно сказал он ему.

Жюльен насильственно засмеялся. Со смерти Коти Дезанжа он переживал муки ада, и это не могло способствовать ни его физическому, ни его нравственному благосостоянию. Для него тоже наступило «завтра» и вместе с этим воспоминание о его страдании, пока он не поддался обаянию присутствия Сары. И теперь, при суровом свете холодного анализа, этот мимолетный час счастья показался ему идиотским. Факты не изменились, и его ревность к Шарлю оставалась реальной вещью.

Насмешливые слова Колена, открытые обвинения его отца, толки в клубе, тотчас же заглушаемые, если он входил внезапно, — все это нарушало мир его души, его веру в Сару, которая когда-то казалась ему неприкосновенной. И вот, он внезапно услышал о смерти Котирона Дезанжа.

Сперва одно только знание этого факта заслонило все, а затем, как молния, блеснула в его мозгу мысль: она свободна.

Он ни о чем другом уже не мог больше думать, наступила реакция, и он точно возродился. До сих пор он не мог быть вполне естественным с нею, — она была несвободна. Теперь же, когда все кончилось, он имел право чувствовать законное желание владеть ею и откровенную страсть к ней. Ничего не нужно было скрывать больше.

И вдруг, когда он замечтался об этом, к нему вернулось воспоминание, которое нанесло ему удар: он вспомнил Шарля Кэртона.

С этого момента свобода Сары приобрела для него характер обоюдоострого меча; она не только очистила дорогу для него, но и для всех других, кто захочет идти по ней.

Когда он услышал, что Сара богата, то, вследствие своей упрямой гордости, почувствовал, что это тоже было преградой для него. Ее богатство, когда она была замужней

женщиной, не имело для него значения, тогда имел значение только другой факт...

На другой день после смерти Дезанжа за ним прислал маркиз де Сун. Жюльен отправился к нему, не подозревая важности такого приглашения, и когда ему был предложен пост в Тунисе, то он искренне изумился.

Он был слишком занят другим и поэтому не думал об этом, даже когда при нем обсуждали вопрос, кто мог бы получить это назначение. Теперь же у него, как молния, блеснула мысль, что этот пост предоставлял ему большие возможности.

Маркиз де Сун своим усталым, но любезным голосом объяснил ему, как дипломат, какие преимущества были связаны с таким назначением. Он особенно подчеркивал значение неофициальной работы, которая должна совершаться под покровом официального долга. Короче говоря: Жюльен будет фактически настоящим губернатором края в течение тревожного времени, которое приближается. Он должен подтянуть ослабшие вожжи, и ему представляется возможность, к которой так стремится каждый честолюбец, проложить свободный путь в хаосе и создать новое, лучшее положение вещей.

В руках его будет власть, явно только легальная, но на самом деле гораздо более широкая, и он может изменять по своему произволу или повелевать, если захочет.

Он условился с маркизом де Сун, что даст ему ответ на следующей неделе, и если он согласится принять назначение, то об этом будет официально объявлено, и он может считаться на службе министерства иностранных дел.

Жюльен, после разрыва с отцом, остановился в своем клубе и вернулся туда после свидания с маркизом де Сун. Там он встретил Колену и угрюмо засмеялся, когда Колен высказал удовольствие при встрече с ним. Жюльен сухо кивнул ему головой.

— Я думаю, вам нечего говорить об этом, — заметил он.

Колен милостиво улыбнулся и сказал:

— Что ж, вы решили?

— Мне дана неделя на размышление, — ответил Жюльен.

— Хорошо, — воскликнул Колен, проклиная в душе медлительность и «дурацкую политику», как он называл ее, маркиза де Сун.

Он пристально поглядел на Жюльена.

— Это большая удача, — сказал он.

— Я удивляюсь, почему это предложено мне, — возразил Жюльен.

Колен вспомнил в эту минуту свой разговор со стариком отцом Жюльена и причину этого разговора. Мысль о смерти Дезанжа тотчас же пришла ему в голову, и он коротко произнес:

— Он умер, кажется, очень внезапно, вчера.

Колен внимательно присматривался к Жюльену, но не заметил у него никаких признаков особенного интереса. Жюльен молчал. Колен, однако, продолжал размышлять на эту тему. Графиня Дезанж была свободна теперь и богата. Конечно, она представляет прекрасную партию, но... в течение нескольких месяцев она должна будет жить очень тихо, и Колен горячо надеялся, что Жюльен поймет это.

Так это и было. Ничто касавшееся Сары не могло ускользнуть от Жюльена.

Когда он услышал, что Шарль Кэртон покинул Париж, то решил принять назначение в Тунис, но только после свидания с Сарой.

В этот вечер, возвращаясь в свой клуб, он встретил Роберта.

— Знаете ли, как чудесно там? — сказал ему Роберт, кивнув головой в сторону

Елисейских полей, и добавил жалобным голосом: — Но Сюзетта себя убивает, ничего не хочет знать, тоскует!..

— Она больна? — поспешно спросил Жюльен.

— Она ужасно печальна и чувствует себя совсем разбитой. Конечно, смерть дяди Коти была для нее ударом. Но ведь никто не мог желать, чтобы бедняга продолжал жить.

Жюльен рассказал ему о своем назначении в Тунис.

— О, как чудесно! — воскликнул Роберт. — Какая это удача для вас! Знаете ли, Гиз, как только мои дела здесь устроятся, я, может быть, приеду к вам.

— Великолепно! — отвечал Жюльен. — Приезжайте. Это будет очень хорошо.

Он чувствовал к нему расположение, какое обыкновенно испытывает влюбленный ко всем добрым родственникам своей возлюбленной до своего брака с ней.

— Когда же вы отправляетесь? — спросил Роберт.

— Скоро, я надеюсь. Вот что, Роберт, не хотите ли оказать мне услугу и не скажете ли графине, что я получил это предложение и мне бы очень хотелось переговорить с нею об этом, если только она может уделить мне минутку.

— О, с удовольствием, дорогой! Я скажу ей об этом, но только одному небу известно, как она отнесется к этому. Женщины чертовски упрямы, и если они немного свихнулись, то уже не стараются бороться с унынием, им даже нравится это; горе является для них своего рода роскошью и, как я полагаю, доставляет им удовольствие.

Он весело простился с Жюльеном и отправился домой, наслаждаясь прекрасным вечером и сознанием того, что теперь его положение изменилось: он стал «сам себе господин» и может, если захочет, поехать в Африку. Эта мысль в особенности улыбалась ему.

Он купил большую коробку шоколада для Сары и пачку новых журналов; он попробовал шоколад, просматривая один из номеров журнала в таксомоторе.

Гак открыла ему дверь в комнату Сары.

— Миледи чувствует себя очень плохо и не может видеть вас, мистер Роберт, — сказала она.

Роберт обнял угловатую талию Гак. Если у нее была слабость к кому-нибудь, то именно к Роберту. Он заговорил с ней заискивающим голосом.

— Прекрасная и чрезвычайно могущественная Гак, впустите меня. Я принесу пользу миледи, вы увидите! Пустите только на одну минуту, мне надо кое-что сказать ей. Я готов ухаживать за вами, только пустите меня.

— Ну уж, что поделаешь с вами? Ступайте! — сказала Гак, улыбаясь. — Только не оставайтесь слишком долго и не волнуйте ее своим разговором.

Роберт уселся на край постели Сары, пришел в восторг от великолепного шелкового одеяла абрикосового цвета, сбросил с него лежащие газеты и поднес ей шоколад.

— Угадайте, кого я встретил, Сюзетта! — воскликнул он.

Сара улыбнулась, взглянув на него.

— Ну, если вы будете спокойны, не будете много разговаривать, то я скажу вам. Я знаю, что вы вряд ли можете ждать, поэтому я скажу вам сейчас. Я видел Жюльена Гиза. Он уезжает в Тунис и просил меня передать вам это. И знаете ли, Сюзетта, я потом поеду к нему. Это будет великолепно... Скажите, вы не больны? Я сейчас позвоню Гак.

Он вскочил.

— Нет, пожалуйста, не надо, — остановила его Сара. — Когда уезжает Жюльен Гиз?

— Разве я не сказал вам? Скоро, моя милая. Ах, я и забыл. Что я за осел такой! Память у меня как дырявое решето. Жюльен хотел прийти к вам, поговорить об этом. Просил меня передать вам это. Я не знаю, что он думает и можете ли вы сказать ему что-нибудь по этому поводу, но он дал мне это поручение к вам. Я сказал ему, что вряд ли вы можете принять кого-нибудь, поэтому вам не надо беспокоиться, если вы еще не совсем оправились...

— Я могу написать, — возразила Сара.

— Конечно. А что вы думаете, Сюжетта, о моем плане съездить к нему немного позднее? Жюльен был в восторге. Я думаю, что в октябре, когда все тут наладится, я смогу это сделать, не правда ли?

Сара что-то машинально ответила ему. У нее застряла в голове только одна-единственная мысль: Жюльен уезжает совсем... или, во всяком случае, на многие месяцы. Он покидает ее.

Эта мысль сразу прогнала у нее нерешительность и апатию последних дней, все равно как гонит первый резкий порыв холодного зимнего ветра еще оставшиеся засохшие мертвые листья. Апатия исчезла, и к ней снова вернулось воспоминание о том вечере, когда она поняла и приветствовала свою любовь.

Жюльен уезжает, а она теперь свободна!

В первый раз она осознала это, что все дороги для нее открыты, что все перегородки исчезли.

Она присела среди подушек.

— Я сейчас напишу записку, а вы пошлите ее с кем-нибудь из прислуги.

— Прекрасно. Значит, вы его увидите? Он будет доволен. Мне показалось, что он очень желает, чтобы вы его приняли...

Сара быстро написала:

«Приходите ко мне ненадолго сегодня вечером, если можете. Я заинтересована известием, которое только что сообщил мне Роберт. Желая всего хорошего. С. Д.».

Она запечатала конверт и передала его Роберту.

— Пошлите ко мне Гак, пожалуйста.

Гак пришла и увидела, что Сара стоит перед большим зеркалом. Она повернулась к ней и, улыбаясь, сказала:

— Гак, я чувствую себя еще несколько ослабевшей, но мне хочется встать.

— Хорошо, но только не напрягайте слишком своих сил, — с твердостью ответила Гак. — Торопиться не к чему, не то вам сделается дурно, и тогда нам всем достанется от доктора Лукана.

Туалет Сары совершался поэтому очень медленно. Когда она сошла вниз, держа на одной руке Вильяма, то встретила лакея, который шел доложить ей, что мосье Гиз ожидает в маленькой гостиной.

У нее моментально возникло сильное и нелепое желание повернуть назад в свою комнату и послать ему сказать, что она не может его принять. С минуту она колебалась, но затем устыдилась своей нерешительности.

— Должно быть, я влюблена, если так робею, — подумала она.

Было ли это или нет, но только сердце ее усиленно билось, когда она открыла дверь в гостиную.

Жюльен так быстро подошел к ней, что могло показаться, будто он ждал ее на пороге. На минуту они оба остановились у дверей, страшно сконфуженные и растерянные.

Жюльен сказал каким-то лишенным выражения голосом, что с ее стороны было очень любезно принять его.

Сара отвечала равнодушно, и вслед за тем наступила пауза, во время которой Вильям громко зевнул. Жюльен и Сара оба заговорили с ним. Он угрюмо слушал их; его маленькое собачье сердце страдало и чувствовало себя одиноким; никто не мог заменить ему того, кого он потерял, самого доброго и самого лучшего, которому он принадлежал и кому отдал всю свою собачью любовь.

Но он все же слабо помахал хвостиком и как будто заинтересовался тем, что Сара и Жюльен так горячо разговаривали с ним о нем.

Наконец эта тема разговора истощилась, и тогда Жюльен сказал, после небольшой паузы, отрывистым тоном:

— Как вам известно, я уезжаю в Тунис. Это будет род легальной политической работы. Надо уладить одно давнишнее дело в пользу правительства, направить другие дела должным образом и добиться согласия бея на нашу земельную программу. Одно тут зависит от другого. Если мы проиграем дело, то потеряем право добиваться удовлетворения наших требований; поэтому мы ни в коем случае не должны проиграть его... Это очень хорошее предложение, которое сделано мне, и (он тут впервые с тех пор, как вошел в комнату, посмотрел ей в глаза)... и я принял его, потому что, пока я не буду в состоянии говорить с вами вполне откровенно, я не могу оставаться тут, где я буду слышать о вас и, может быть, видеть вас постоянно... Это слишком много и слишком мало теперь, когда вы... свободны.

Он не мог отвести глаз от нее и смотрел на нее так, как будто хотел впитать в себя ее образ, запечатлеть его в своем мозгу, ее глаза и губы, завиток ее волос, необычайную белизну ее кожи, которая особенно резко выделялась на мягкой черной шелковой ткани ее платья, в котором она казалась совсем молоденькой девушкой.

В конце концов она должна была встретиться с ним взглядом; она знала, что такой момент наступит и избежать его она не сможет. Он как будто мысленно приказывал ей поднять глаза, и она чувствовала, что должна повиноваться этому безмолвному приказу. Сделав над собой чрезвычайное усилие, она подняла глаза и посмотрела на Жюльена.

Они стояли совсем близко друг к другу, но не поцеловались и лишь просто смотрели друг на друга, не говоря ни слова и не желая нарушать словами наступившего единения душ. Сара медленно опустила веки, и легкая краска залила ее белое лицо.

Жюльен, стараясь говорить твердым голосом, произнес:

— Сара... помните тот день, так недавно...

Он не мог продолжать, не мог выразить словами ужасное сомнение, которое все бы расстроило. Но его лицо передернулось.

— Я знаю, — сказала она так тихо, что он едва мог расслышать ее голос. — В тот вечер... когда вы пришли... я знала тогда... я не могла говорить вам...

Непринужденность сразу вернулась к нему, и нахлынувшая теплая волна смыла страх и подозрения, державшие в ледяных оковах его сердце. Он весело воскликнул:

— А ведь я думал, что это Кэртон!..

Сара подняла руки с мольбой:

— Прошу вас... прошу вас! Я сказала вам — это была правда. Шарль Кэртон уехал совсем. Когда-нибудь я скажу вам, но только не теперь... не будем вспоминать его!..

Она опять взглянула на него смело и твердо.

Он обнял ее, забыв все на свете в упоении, вызванном прикосновением к ней. Он

слышал ее слова, но значение их понял гораздо позднее. Разве теперь могло иметь что-нибудь значение для них, кроме них самих и их любви?

— Это неправда, — прошептал он, склоняясь к ней. Он мог это сказать теперь, потому что знал правду. Его губы коснулись ее шелковистых волос, вдыхая их аромат, который заставлял сильнее биться его сердце и, точно вино, быстрее обращал кровь в жилах.

— Подымите вашу головку! — попросил он.

Она тихо подняла ее, и он нагнул свою, тогда губы их встретились и сомкнулись в долгом жарком поцелуе. Пламя страсти пронизало их обоих, давая им новые права друг над другом. Этот поцелуй был выражением долго откладываемого желания, осуществлением мечты и экстазом действительной жизни.

— Моя!.. Моя!..

Это слово заставляло трепетать каждое сердце и делало его робким.

В течение долгих минут они только целовались, затем отошли друг от друга и сели, держась за руки, в полном молчании и спокойствии. Но вдруг он схватил ее и страстно сжал в своих объятиях.

— Так мало времени! — бормотал он, целуя ее волосы, закрытые глаза, грудь. — Я так скоро уезжаю... Скажите мне... скажите! Кровь моего сердца, моя жизнь, все, что живет и чувствует во мне... Я люблю вас! Люблю!

— Я люблю вас! — повторила она.

— Когда вы узнали это, как?

Все эти вопросы имели теперь значение, и надо было получить на них ответ.

— Я думаю, это было в тот вечер... вы выглядели таким утомленным, таким измученным. Мне хотелось качать вас, как ребенка, на своих руках и успокоить вас...

— Это должно было случиться... я это знал, знал с первого раза, как увидел вас... Три года службы с тех пор... Скажите, скажите еще раз, что это правда!

— О, неверный возлюбленный, говорю вам: правда, истинная правда!..

— Это так ужасно много значит для меня, так бесконечно важно, все равно как... как отмена приговора! Не решаешься верить, боишься...

— Милый, — сказала она, проводя пальцем по его губам, — будьте же счастливы в нашей любви!

— Разве же я не счастлив?

Он поднял ее, так что ее лицо прильнуло к его лицу, и снова начал целовать ее в губы. Это были нежные, но страстные поцелуи, и ее любящее сердце поняло, что это были первые поцелуи, данные ей его душой.

О, если бы она могла прийти к нему невинной, нецелованной никем и неприкосновенной! Отчего, отчего она не встретила с ним несколькими годами раньше?

Она нагнула его голову и глубоко заглянула в его глаза.

— Слушай! Я люблю тебя, люблю! Я готова умереть для тебя!

Снова возродилась невинная страсть ее юности. Она обняла его и стала целовать, получая и отдавая ему поцелуи с откровенностью истинного молодого чувства. Ее волосы, слегка заколотые, растрепались. Он взял одну большую прядь и провел по своему лицу.

— Мне кажется, я давно мечтал сделать это, с той минуты, как увидел вас в первый раз.

— Разве это думает мужчина, когда видит женщину в первый раз в опере?

— Я знал это, — сказал Жюльен, — знал тогда и потом, когда смотрел на вас. Я говорил себе: «Вот женщина, которую я хочу иметь своей женой».

Он сделал маленькую паузу на этих словах и затем прибавил тихо, положив руку к ее сердцу, точно желая удостовериться в ее искренности:

— Моя ненаглядная... когда же... когда?

Сара взглянула в его горевшие страстью глаза.

— После того как вы пробудете в отсутствии... Или... или я приеду к вам, если вы пробудете дольше одного года, — ответила она слегка дрогнувшим голосом.

— Целый год! — воскликнул он с глубоким разочарованием.

Сара вздохнула. Так было тяжело отказывать так скоро.

— Мой любимый, мой дорогой, я знаю... я также чувствую... Год — это долго, я понимаю это, но у меня еще столько дела здесь, столько надо устроить... а Коти был всегда так добр ко мне. Жюльен, не отворачивайтесь от меня. Разве вы уже устали так скоро смотреть на меня? Я верю вам. Я принимаю этот поцелуй, от которого у меня захватило дыхание, принимаю как залог. Вы ведь сказали мне, как вы пренебрегали своей карьерой. Ну, а я не хочу служить препятствием, я хочу, чтобы вы стали еще более знамениты, благодаря моей любви. Через год вы кончите свое испытание, и через год мы будем женаты.

— Если я доживу... если тоска не убьет меня!

— Вы такой сильный, а я такая хрупкая, между тем я не жалуясь.

— Вы не так любите, как я.

Она приподнялась на его руках и слегка ущипнула его за ухо.

— Как вы смеете? Извольте взять назад свои слова...

Ее глаза сверкали. Она чуть-чуть прикоснулась своими губами к его губам и страстно заговорила:

— Люблю ли я так, как вы?.. Люблю ли, люблю ли?.. Разве я холодное, замороженное существо, чувства которого размерены? Отвечайте же!..

Ее мимолетный поцелуй пробудил в ней нежность к нему, которая была почти страданием. Она прижала голову Жюльена к своей груди крепко, крепко...

— Я люблю вас, люблю!.. Я была жестока, долго не признавала этого, но теперь я знаю... Вся моя жизнь в ваших руках, Жюльен. Никто, кроме вас, не будет существовать для меня.

Он поднял голову, его руки теснее сомкнулись вокруг нее, и на его мечтательном лице снова появилось страстное, молящее, чудное выражение.

— Мы были предназначены любить, — сказал он.

ГЛАВА XIV

Большинство людей одиноко, потому что они никогда не осмеливались жить.

Ричард Кинг

Жюльен, уйдя от Сары, вернулся в квартиру, в которой жил со своим отцом.

Он рассказал ей о своей ссоре с отцом, не открывая причины, но, слушая его краткий рассказ, она все же узнала из него гораздо больше, чем мог думать Жюльен. Она решила не говорить ему о визите его отца к ней.

Так было легко выказывать теперь великодушие, и она радовалась, что может быть теперь великодушной. Счастье сгладило следы прежнего горя, все то, что ей пришлось перенести, все бывшие раны — все это потеряло значение, новое чудо излечило их. Кроме того, она хотела щадить отца Жюльена еще и по другой причине. Она желала, чтобы между

ними был заключен мир. Он так безжалостно напал на нее в своей яростной речи, дал ей оружие, которое она могла бы употребить против него. Но она не хотела пользоваться им. До возвращения Жюльена она хотела избегать встречи с его отцом, хотя простила старику все...

Когда Жюльен вошел в свою прежнюю квартиру, то она показалась ему какой-то опустелой и неуютной. Он позвал Рамона и стал ждать. Послышался какой-то шорох, потом все затихло и, наконец, открылась дверь и вошел его отец.

— Здравствуйте, отец! У меня большие новости, — сказал Жюльен с ласковым выражением в голосе.

Отец ничего не ответил; он вошел в комнату, но дверь оставил открытой. Жюльен запер ее.

— Министр иностранных дел предложил мне тунисскую комиссию. Я принял ее, — объявил Жюльен.

Старик Гиз старательно вытирал свой монокль и, наконец, спросил глухим голосом:

— В самом деле?

Жюльен обошел вокруг маленького стола и, подойдя к отцу, положил руку на его плечо. Он не делал ничего подобного уже многие годы.

— Да, в самом деле, — ответил он с легкой насмешкой. — И вы, отец, так же рады, как и я!

Старик молчал, но Жюльен видел, как дрожало его лицо, и заметил также, с болью в сердце, что отец его сильно побледнел и осунулся.

Старик, наконец, заговорил. Очевидно, ему надо было делать усилия, чтобы управлять своим голосом, потому что на лбу у него выступили капли пота.

— Поздравляю, Жюльен! — сказал он.

— Благодарю вас за поздравление, сэр, даже если оно и не отличается большой сердечностью, — заметил Жюльен, улыбаясь. Он с минуту колебался, затем отошел от отца и, обернувшись к ящику с сигарами, прибавил несколько робко:

— Я надеюсь, вы не были больны, отец? Вы выглядите плохо.

Старик стоял за его спиной, лицо его подергивалось, и глаза наполнились слезами: он с трудом подавлял рыдания. Но он был слишком горд, чтобы допустить Жюльена видеть это, он должен был скрывать от него свое волнение. Ему удалось, с величайшим усилием, снова заговорить:

— Благодарю тебя, я чувствую себя совсем хорошо... Могу я спросить, знает ли Колен, что ты взял это назначение?

— Никто, кроме вас, — ответил Жюльен, но, вспомнив кое-что, покраснел и, снова подойдя к отцу, прибавил, вертя в руках незажженную сигару. — Во всяком случае, есть другая особа, которой известны все мои планы. Я должен сказать вам еще кое-что...

Отец бросил на него странный взгляд, в котором было что-то дикое и в то же время умоляющее.

— Кое-что другое? — Он выговорил эти слова с трудом, но Жюльен не обратил на это внимания.

— Это нечто более веселое, — сказал он. — Я... графиня Дезанж обещала быть моей женой.

Он опустил глаза. Станным образом ему было трудно выразить теперь свои чувства. Немного подождав ответа, он взглянул на отца, и в глазах его светилась гордость.

Старик Гиз подошел к нему, потом вернулся и проговорил:

— Снова поздравляю тебя.

— Благодарю.

Наступило неловкое молчание. Жюльен задумался. Он смутно чувствовал некоторое раздражение против отца за то, что тот так равнодушно отнесся к его великим новостям. Это вышло как-то по-ребячески с его стороны и, вероятно, было результатом его склонности все принимать с некоторой суровостью. Но все же было обидно, что к известию о браке он отнесся с такой холодностью, как будто это было только извещение об обеде.

Он посмотрел на отца с печальной улыбкой.

— Ведь должна же быть между нами какая-нибудь привязанность? Сегодня у нас должен быть праздник.

И он весело обратился к отцу:

— Не пообедаем ли мы вместе где-нибудь? Сделайте мне честь и позвольте мне угостить вас, чтобы отпраздновать сегодняшней день.

Отец держал газету так, что закрывал ею лицо. Он не опустил ее.

— Нет, Жюльен, благодарю...

Жюльен обрадовался, когда в эту минуту в комнату вошел Рамон и, увидав своего «милого господина» сидящим в кресле, радостно воскликнул:

— О, это вы, мистер Жюльен? И я этого не знал?..

— Великие новости, Рамон! Они посылают меня в Африку через неделю, — сказал Жюльен.

— Зачем же, мистер Жюльен? — Старое лицо Рамона выразило испуг.

— Ну, чтобы прогуливаться с каннибалами и со львами. И те и другие разгуливают там по улицам под ручку.

Рамон понимал шутки, и его сморщенное лицо расплылось в улыбке. Он похлопал себя в бок и вдруг в самый разгар веселья заявил торжественным тоном:

— Вам нужно иметь новое нижнее белье, мистер Жюльен!

— Вы все купите мне, всякую малость. Но я не хочу вышитых рубашек, Рамон!

— Но они из лучшего материала! — с огорчением возразил Рамон.

Жюльен подошел к нему и обнял его за плечи.

— Но я не открыл вам величайшую тайну, Рамон! Самая прелестная леди в мире выходит за меня замуж.

— Не может быть! — вскричал Рамон.

— В будущем году, — наверное. Ах вы, эдакий мрачный пророк!

— Вовсе нет. Только все это показалось мне слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Он приложил худой палец к носу и проговорил, подмигивая:

— Подождите, мистер Жюльен... до обеда.

Он вышел, продолжая усмехаться.

Жюльен взглянул на своего отца, который сидел неподвижно, скрывая лицо газетой. Скорчив чисто детскую гримасу, он пошел в свою спальню.

Как только он ушел, старик Гиз опустил газету. Слезы высохли у него, и глаза теперь злобно сверкали.

Итак, это был конец!

Жюльен женится на этой женщине. Она теперь богата. Она победила. Старик Гиз по себе судил о ней. Она должна его ненавидеть так же, как он ее ненавидел, и теперь еще

больше, потому что она выиграла битву между ними. Воспоминания о грубых словах, которые он говорил ей, мучили и волновали его. Она еще не говорила об этом Жюльену, но, конечно, расскажет ему, разумеется, расскажет...

Жюльен теперь потерял для него... навсегда. Эта женщина завладела им. А он, Доминик Гиз, лишился всего.

Ах, если б он мог предвидеть, если б он знал, что этот несчастный Дезанж был так близок к смерти!..

Он умер в тот же день, когда Доминик Гиз сделал свой роковой визит его жене.

О да, она заставит его заплатить... он расплачивается за это уже теперь! Ведь будущее Жюльена было и его будущим до этой минуты. Его будущий брак, — ведь он носит его имя, — не может быть безразличен для него. Ничто теперь не может остановить этот брак, и в один прекрасный день она все расскажет Жюльену.

Женщины всегда болтают и обманывают мужчин.

Его собственная любовь к Жюльену, дикая и эгоистичная, разрывала ему сердце. Он невыразимо страдал, представляя себе свое одинокое будущее. Никогда бы он не питал такой ненависти к Саре, если б не то оружие, которое он сам дал ей против себя. Он не мог допустить в ней великодушия. Она выиграла и, конечно, извлечет все, что можно из своей победы.

Всегда, с той минуты, как она появилась, она была для него угрозой в его жизни, и теперь это частью осуществилось.

Обращаться к Жюльену было бы бесполезно. Жюльен покинул его потому, что он назвал эту женщину ветреной. Старик Гиз почувствовал дрожь ужаса при одной только мысли, что Сара расскажет Жюльену, что его отец приходил к ней и открыто обвинял ее...

Он слышал, как Жюльен насвистывал в своей комнате, и эти звуки напомнили ему далекие годы. Он глубоко опустил в свое кресло и слушал, а перед его глазами проносились видения прошлого, и душа его изнывала от муки и сожаления к самому себе.

Жюльен насвистывал мотив, которому он научил его в детстве, держа его у себя на коленях, и он почти чувствовал теперь его маленькую мягкую ручонку, ударяющую в такт по его ноге.

И все это прошло, миновало! Это — трагическая история Нинетты, уронившей корзинку с прекрасными свежими яйцами.

Жюльен рос нормальным, веселым мальчиком. Он снова стал им теперь, когда вернулся. Его молчаливость исчезла, он с живостью говорил с отцом, и тот слушал, считая теперь радостные слова, произнесенные им, как считает приговоренный к смерти часы, которые ему осталось жить.

Рамон вошел, исполняя свое обещание. Он воплотил его в бутылке шампанского, которую принес с собой.

— Вот! — воскликнул он.

Он торжественно подал обед, а после обеда Жюльен читал, предполагая, что его отец заснул.

Они легли спать поздно. Отец пожелал Жюльену спокойной ночи в его спальне. Он тревожными глазами оглядел комнату и спросил:

— Я полагаю, ее проветривали?

— Конечно, — отвечал Жюльен, тронутый его примитивной заботливостью. Ему хотелось бы сказать что-нибудь приятное своему отцу, сгладить впечатление ссоры, которая

произошла между ними, но он не мог ничего придумать. Наконец, он сказал:

— Я надеюсь, отец, вы чувствуете... я хочу сказать, что теперь между нами хорошо?

Отец кивнул головой.

— Да, да! Спокойной ночи, мой мальчик!

Оба были рады, что все было кончено, обоим было трудно говорить.

Жюльен сел на свою кровать и закурил последнюю папироску.

«Бедный старик! Один из лучших людей... и все-таки... — подумал Жюльен, выпуская клубы дыма изо рта. — Как странно, что с годами становишься таким далеким к отцу подобного типа. Надо, конечно, принимать во внимание нрав обоих, но некоторые вещи не прощаются...»

И он почувствовал, что маленькая искра привязанности к отцу, которая блеснула в его душе, опять потухла, когда при воспоминании о ссоре негодование на отца, как стрела, пронзило его мозг.

ГЛАВА XV

Оскорбленная любовь порождает ненависть.

Стендаль

Письмо, в котором Сара извещала мать о своем решении, по истечении года, выйти замуж за Жюльена и его немедленном отъезде в Африку, пришло в замок Дезанж под вечер.

Леди Диана, среди многочисленных гостей которой находился и Шарль Кэртон, как раз в этот момент поила их чаем, при содействии двух рослых молодых лакеев.

Сара настоятельно просила держать новость в секрете, по крайней мере в течение нескольких месяцев, и сообщала, кроме того, что собирается приехать на будущей неделе и что ей хотелось бы, чтобы Жюльен переночевал в замке перед своим отъездом, если только леди Диана ничего не имеет против.

Известие не только ошеломило леди Диану, — оно пробудило в ее душе какое-то смутное раздражение.

Она достигла того возраста, когда боязливо проверяется всемогущество своего обаяния и когда подобные ей женщины начинают завидовать победам других, даже если эти победы не затрагивают их личных интересов, просто потому, что их раздражает, что другие женщины имеют успех.

Она боролась с этим чувством, зная, что оно ее старит, — более возвышенные мотивы были ей чужды — но теперь, сидя под полосатым, желтым с белым, тентом террасы, сквозь тонкие железные перила которой пробивались ветви жимолости и розовой герани, она почувствовала острый прилив этого низменного, болезненного состояния. Но она не признавала его за таковое, даже в своих собственных глазах (с какой стати, в самом деле, быть откровенной с собой или другими в таких неприятных вещах, — это и скучно и бесполезно), и считала его проявлением тяготевшего над ней «злого рока», жестокой судьбы, которая, такая щедрая к другим, ей лично дает совсем мало.

Влюбленным в нее мужчинам она представлялась трагической, глубоко страдающей натурой (полузакрытые длинными ресницами, увлажненные слезами очи, судорожно искривленные, нежные губки); поклонники верили и соболезовали ей до тех пор, пока сами не впадали в немилость и не начинали подозревать, что их предшественник, всегда «такой

жестокий и грубо эгоистичный», во всяком случае, с лихвой получил по заслугам (или даже не по заслугам).

Но леди Диана была активной натурой; она не тратила время на сожаление о прошлом и считала упреки самым бесполезным занятием.

Изречение «смелостью города берутся» звучало для нее в вольном переводе: смелостью мужчины берутся, и она не пренебрегала для достижения этой цели никакими средствами; одним из этих средств была месть, другим — быстрая капитуляция, третьим — использование своих маленьких чар, и в результате она всегда имела успех.

Глубина ее эгоизма была поистине достойна изумления, но она позировала на бескорыстие, щедро делясь с другими, когда у нее случайно заводились деньги, особенно если эта щедрость могла вызвать восхищение окружающих.

Ей казалось, что «давать» — синоним бескорыстия, даже если дар ей ничего не стоил или даже приносил выгоду.

Красивая внешность очень содействовала на первых порах ее успехам (что касается развязок, она всегда брала на себя инициативу), и так как мужчины, в большинстве случаев, были лояльнее по отношению к ней, чем она этого заслуживала, она редко сполна расплачивалась по своим обязательствам.

Теперь она страдала единственно потому, что Сара и Жюльен полюбили друг друга и их ждало счастье.

Но с другой точки зрения это обстоятельство развязывало руки Шарлю, а леди Диана видела, что этот добродушный человек утратил за последнее время свой душевный покой.

Известие требует тайны... но Шарль?..

Ей казалось, что ей станет легче, если она, в свою очередь, сделает кому-нибудь неприятность.

— Пройдемся, — кивнула она Шарлю.

Он покорно извлек японский зонтик из связки, стоявшей около стены, и последовал за нею по серым каменным ступенькам, в направлении оранжереи.

Громадное фиговое дерево росло около белого здания с красной крышей и овальными отдушинами, в которых, подобно янтарным бусам, сверкали золотистые апельсины.

Леди Диана присела на ветхую каменную скамейку.

— Шарль, отгадывайте!

— Вы расплатились с вашими долгами?

— Чудес больше не бывает. Будьте оригинальнее и менее оптимистичны.

Он лукаво посмотрел на нее.

— Вы влюбились по-настоящему? Впрочем, и это было бы чудом, не правда ли? Или, может быть, какой-нибудь несчастный безумец возвращается в свою клетку: один из давно утраченных и оплаканных поклонников снова повергает к вашим стопам свою покорность и обожание?

— Ваши шутки не забавны, а неприятны, Шарль!

Он задел ее самолюбие своими язвительными замечаниями, и она радовалась, что в ее власти причинить ему огорчение.

— Сдаетесь?

— Безусловно!

— Прекрасно, но вы все-таки оказались пророком. Возвращается «она» для вас. Сара. Между прочим, она выходит замуж за Жюльена Гиза.

Она взглянула на него с жадным любопытством, подстерегая ожидаемую награду.

Но, к ее разочарованию, он продолжал упорно смотреть в сторону, точно не замечая ее присутствия.

Она слегка ударила его зонтиком.

— Очнитесь, соня!

Но он молчал, и леди Диана стала беспокоиться.

— Не валяйте дурака, Шарль, — воскликнула она с раздражением, — вам не к лицу разыгрывать передо мной роль несчастного любовника. Я слишком часто слышала о вашем разбитом сердце. Повторение ослабляет силу впечатления.

Он опять ничего не ответил и, не глядя на нее, встал с места. Его белый силуэт отчетливо вырисовывался на фоне темно-синего неба.

— Это и есть ваша новость, да? — сказал он наконец глухо.

— Я знала, что вам будет приятнее узнать об этом первому. Но это секрет, слышите?

Шарль усмехнулся, и его отрывистый негромкий смех резанул по нервам леди Диану. Отношение Шарля к этому решенному вопросу, вспышка страсти, когда все было сказано, казались ей верхом идиотства, и она даже сомневалась, не представляется ли он просто, чтобы позлить ее, хотя для такого оптимистичного предположения не было никаких данных.

Она тоже встала и, взяв его под руку, заглянула ему в лицо; выражение этого лица и испугало, и рассердило ее.

Он буквально задыхался, глаза его налились кровью, губы были прикушены.

Внезапным движением он высвободил свою руку и пошел прочь.

— Шарль, — позвала она.

Он даже не обернулся.

Ее охватила дикая злоба.

Дурак, влюбленный дурак...

Опять его поведение не оправдало ее ожиданий!

Скотина...

Шарль отдал себе ясный отчет в глубине своего чувства к Саре только после того, как они расстались. Ему до смешного не доставало ее, все в мире утратило для него свою ценность.

Однако он сдерживал свое нетерпение и сознательно обрекал себя на тоску по ней, потому что именно теперь он мог надеяться. Она была свободна.

Некогда она тоже любила его.

И он прибегал к шаблонным афоризмам о любви, что со стороны такого чуткого человека являлось несомненным доказательством степени его влюбленности.

«Истинная любовь никогда не умирает».

«Тот, кто говорит о прошлом: «я любил», никогда не любил в истинном значении этого слова». (При этом само собой подразумевалось, что Сара любила его в истинном значении этого слова. Женщины всегда скрывают свои чувства.)

Чистая женщина никогда не откроет своей души, пока она не уверена в возможности брака.

Но Шарль имел твердое намерение жениться на Саре. В течение последних недель он думал о ней не иначе, как о своей жене, он только и мечтал об этом. «Новость» леди Дианы сначала ошеломила его, потом пробудила в нем жгучую ревность, ту мучительную ревность, которая свойственна чувственной любви.

В порыве дикого бешенства он чуть не набросился на леди Диану, чуть не переломал ее нежные члены.

Сара — жена другого, этого натянутого дурака Гиза, с его двусмысленным чувством чести и нравственной ценности... Мысль о Саре и Жюльене, стремящихся друг к другу со всей силой молодой, горячей любви, делала его убийцей.

— Боже мой! — шептали его губы.

Он остановился в конце аллеи; сам того не замечая, он шел очень быстро и только теперь заметил, что обливается потом.

Внезапно он схватился рукой за сердце и упал на колени, до крови кусая себе губы.

Его лицо помертвело, он едва успел вытащить из кармана лекарство, которое всегда имел при себе, и в последнюю минуту проглотил содержимое маленькой капсулы.

Это было как раз вовремя.

Боль утихла.

Теперь он лежал на земле, закрыв лицо руками, и рыдал.

ГЛАВА XVI

*Подобно бабочкам, оставившим коконы,
Исчезли счастье, радость и любовь,
И только слышатся воспоминаний стоны,
Не забывай того, чего не будет вновь.
Мэри Кольридж*

После глубоких потрясений часто наступает «перелом», который даже страдающему субъекту дает иллюзию мнимого покоя.

Страдания прекратились, для них нет больше сил, человек как бы освобождается от самого себя.

После двух суток безумия, во время которых Шарлю казалось, что он действительно лишается рассудка, для него наступил этот период обманчивого спокойствия.

Он смог думать о свадьбе Сары, смог думать о Жюльене, не испытывая болезненного сжимания сердца, которого так боялся, потому что оно всегда предвещало сердечный припадок.

Он уверял самого себя, что «выпутался» из этой истории, и испытывал нечто подобное тому, что испытывает выздоравливающий после долгой болезни.

В день приезда Сары он переселился в маленькую гостиницу, милях в пяти от замка.

Он не хотел вводить себя в искушение свиданием с ней — по крайней мере, верил, что не хочет этого, но, как и надо было ожидать, явился к ней на следующий же день. Быть в стороне казалось ему не по силам.

— Как вы плохо выглядите, — воскликнула Сара при его появлении.

— У меня был припадок, — ответил он, усаживаясь с ней рядом и даже улыбаясь. — Я все-таки остался, хотя вы и советовали мне уехать. Я помогал вашей матушке.

— Это было очень любезно с вашей стороны.

— Но теперь я уеду. Кстати, все ваши друзья разъезжаются! Я слышал, что Гиз получил назначение в Тунис.

Она заметно покраснела.

— Да. Не правда ли, это очень лестное назначение?

— Еще бы. Впрочем, надо отдать справедливость: Гиз — способный малый.

Он все время не спускал с нее испытующего взора.

Ощущение «пойманности» снова охватило его, пробуждая в его душе дремавшее там бешенство.

Гиз имеет право целовать эти губы, слышать биение этого сердца; Гиз будет обладать Сарой!..

Словно издали донесся до него собственный голос, когда он спросил Сару о сроке отъезда Жюльена.

— Кажется, на следующей неделе, — неуверенно сказала она, вглядываясь в глубину парка.

Ей кажется! За какого же дурака она его считает, слепого, безмозглого, доверчивого дурака!

— И надолго? — снова спросил тот же чужой голос.

Сара предполагает, что он пробудет в Тунисе около года. Роберт поедет к нему на каникулах.

— Один? — совсем тихо спросил Шарль, — или и вы поедете?

— Нет, — возразила Сара, — впрочем, не знаю...

Впрочем... не знаю.

Очевидно, она поедет к нему, и они будут наслаждаться любовью под тропическим небом Африки, в волшебной экзотической обстановке, точно нарочно созданной для любви.

Он рано откланялся и вернулся к себе в гостиницу.

В его душе бушевала буря, и он предавался мрачным размышлениям в тиши наступавшего вечера; он думал о всех тех вечерах, которые ожидают Сару и Жюльена, об интимности, которая устанавливается между влюбленными, о той «полноте отдавания себя», на которую способны такие цельные и страстные натуры, как Сара.

Он в исступлении колотил руками по стволу дерева, к которому прислонился, пока руки его не покрылись кровью; небо и земля колебались над ним и под его ногами.

Все лето она осторожно флиртовала с ним и завлекала его в свои сети, а в то же время любила этого высокомерного дурака, которому было бы очень полезно узнать, с кем она целовалась в эти майские ночи и раньше, в далеком прошлом.

Что бы там ни было, он все-таки не первый!

Не он научил ее любить!

Шарль до самого утра пролежал на мокрой траве, под деревом. Он пришел в себя только на рассвете.

Культурная привычка «соблюдения внешних форм» и «приличного поведения» снова возымела на него влияние.

Какой ад таится в душе человека!

Но ему все-таки удалось взять себя в руки.

Ничто не вечно, и даже ревность — и та притупляется.

Он кое-как добрался до своей комнаты, не раздеваясь повалился на кровать и забылся тревожным сном.

Его разбудил приход слуги, принесшего кофе.

— Мсье болен? — спросил он, взглянув на Шарля, — не послать ли за доктором?

Шарль горько усмехнулся.

— Тут не поможет никакой доктор, — сказал он сам себе по-английски.

Весь этот день он чувствовал себя подавленным, но не испытывал острых приступов отчаяния.

Это настроение длилось до тех пор, пока он не отдохнул физически, а тогда душевный покой снова покинул его.

Почему бы ему не съездить к Саре?

Он не позволит себя распускаться.

Он заказал мотор, украсил гвоздикой свою петлицу и вышел из дому, изящный и нарядный, как всегда; только глаза блестели лихорадочным блеском.

Около самого замка он заметил автомобиль, укрытый в тени деревьев.

Привычка вежливости побудила его остановиться и предложить свои услуги. Оказалось, что это знакомые: Доминик Гиз и Колен.

Гиз приветствовал его очень сдержанно, Колен — с большой экспансивностью.

— Здорово, дружище! И вы хотите пожелать счастья отъезжающему?

— Он сегодня уезжает? — спросил Шарль.

— Мы поджидаем его с минуты на минуту.. он должен выйти из парка через эту калитку.

Из парка... конечно, ведь Жюльен имеет свободный доступ в дом Сары... Он с нею в это мгновенье...

— У вас неважный вид, дружище, — сказал Колен.

— Влияние деревенского воздуха, — усмехнулся в ответ Шарль.

Колен пришел в восторг от его остроты и стал развивать ее перед Гизом, который, выпрямившись во весь рост, казалось, не замечал ни самого Колена, ни Шарля, ни окружающих предметов.

— Только взгляните на него, черт возьми, — прошептал Колен, отводя Шарля в сторону, чтобы поболтать с ним на свободе, — он расстается сегодня со своим сокровищем,

— в этом все дело, как видите! Редкая любовь со стороны отца к сыну.

— Нечто подобное тому, что испытывает сын по отношению к кому-то третьему? — по возможности равнодушно сказал Шарль.

Старый Гиз услышал эту фразу, и на лице его отразилось выражение глубокого негодования, причем Шарль так и не понял, относится ли это негодование к его нескромному замечанию или к самому факту любви между Жюльеном и Сарой; во всяком случае, в нем чувствовались и враждебность, и горечь, и непреклонность. Шарль смотрел на старого Гиза и осторожно выпытывал от болтающего без умолку Колена сведения по поводу «этого милого Жюльена».

Было невыносимо жарко даже в тени развесистых вязов; залитая солнцем дорога убегала вдаль, извиваясь, как черная змея.

Глаза Шарля покраснели, утомленные этим ярким светом; им опять овладело отвратительное состояние прошлой ночи, когда небо обрушивалось на него и когда он казался самому себе жалким атомом, вращающимся без точки опоры и влекомым все ускоряющимся движением в бездну хаоса.

Между тем Колен продолжал трещать, с упоением рассказывая клубные анекдоты.

Вид его багрового лица с растянутым в припадке грубого смеха ртом вернул Шарля к действительности. Он опять взглянул на старого Гиза, чопорный силуэт которого вырисовывался на фоне раскидистой листвы.

«Точно статуя, олицетворяющая тип старого джентльмена!» — невольно пришло на ум Шарлю.

Что могло быть общего между этими столь различными субъектами?

Время бежало.

— Наш милый Жюльен заставляет себя ждать, — заметил небрежно Колен. — Но мы и так не опоздаем. Пароход отходит ночью, а при быстром ходе мы мигом очутимся в Париже.

— Прощальный обед? — осведомился Шарль, чтобы замаскировать свое равнодушие.

— Втроем. Ведь все провожающие уже разъехались, как вам известно. Банкет в честь Жюльена уже был, в министерстве иностранных дел уже чествовали его. Удивительно, до чего он популярен! Но он рискует своей популярностью. Вам-то уж, конечно, известно, в чем дело, дружище?

Колен лукаво прищурил свои крошечные глазки.

— Конечно.

— Я не имею счастья знать эту леди. В чем ее притягательная сила?

Шарль промолчал, не отрывая взгляда от полированной поверхности рулевого колеса, в котором отражались ослепительные лучи солнца.

— Говорят, что климат Туниса очень полезен для здоровья, — сказал он наконец.

Приветливое выражение Колена сменилось презрительным.

Так вот откуда дует ветер! Так и есть. Как смешон этот чопорный джентльмен!

И ревнив при этом до чертиков!

Колен знал приметы ревности и понял многое из того, что прежде было ему неясно.

Он только подозревал о помолвке Жюльена и Сары; поведение Шарля открыло ему глаза.

Ну что же! Графиня богата, а брак ее с Коти покрыл ее прошлое, и никому не придет в голову бросать в нее камни по поводу старой истории с Кэртоном, даже если кто-нибудь о ней и помнит.

Высокомерное обращение Шарля бесило его не на шутку, и он воспользовался возможностью сделать ему неприятное.

— Длительное прощание, однако, — сказал он, — это наводит на размышления, не правда ли? Ну что ж! Молодость! Ни у кого не хватит духа обвинять ее за поспешность. Ведь Коти умер для нее уже много лет тому назад. Это тоже надо принять во внимание!

Послышалось звяканье железа о камень, и показался Жюльен с дорожным несессером в руках. Он не заметил Шарля и прямо подошел к отцу.

— Простите, что заставил вас ждать, — сказал он. Он был бледен и расстроен, но глаза его так и сияли. — Хорошо, что вы проехали здесь; другая дорога прямо невозможна, ее как раз чинят. Я переломал там все шины моего мотора вчера. Может быть, вы пошлете за ним и почините его в вашем гараже?

В эту минуту его окликнул Колен, и он заметил, наконец, Шарля.

— Как дела, Кэртон? — любезно осведомился он.

Шарль раскланялся в свою очередь.

— На отлете, как я слышал?

— Да, сегодня вечером.

Жюльен опустил несессер на землю и стал натягивать перчатки.

— Я завидую вам, — продолжал Кэртон. — Кстати, вас можно поздравить?

Их взгляды на мгновение встретились; глаза Жюльена выражали легкое недоумение, глаза Кэртона смотрели вызывающе и вместе с тем трусливо.

— Благодарю вас, — сдержанно сказал Жюльен.

— Надеюсь, это не секрет?

— Что секрет?

Шарль криво усмехнулся.

— Я не хочу быть нескромным!

Он сел в мотор и привел его в движение.

— Там чинят дорогу, — предупредительно крикнул ему вдогонку Колен.

Шарль только засмеялся в ответ. Жюльен посмотрел ему вслед, потом, в свою очередь, повернул колесо машины.

Даже если Кэртон явится в замок, Сара его не примет. Жюльен был в этом уверен.

Перед ним, как живое, стояло ее залитое слезами лицо, и он еще чувствовал следы поцелуев, которые только что сорвал с ее пунцовых губок.

Он приехал вчера, как раз в это время... а сегодня...

Последние недели летели, как стрела, и, хотя они часто говорили о разлуке, им все-таки казалось невозможным, чтобы она наступила. Но роковой час пробил как-то неожиданно, во всем ужасном значении утраты любовных радостей; и уже накануне, обнимаясь во мраке ночи и обливаясь слезами, они поняли глубину своего горя.

Жюльен вздохнул; сознание, что он уезжает, терзало его сердце.

— А где ваш портфель с бумагами? — недовольно спросил его Колен и расхохотался при виде той поспешности, с которой Жюльен повернул машину обратно; даже Гиз и тот криво усмехнулся.

— Я опять пройду парком, — крикнул им Жюльен, застопорив под тем самым вязом, где они ждали полчаса тому назад. Его шаги скоро замерли в отдалении.

— Перейдем в тень, — предложил Колен.

Гиз рассеянно повиновался. Он буквально валился с ног от усталости; последние недели

были сплошным нервным напряжением, упорной борьбой против течения, а этот прощальный день казался ему ужасным кошмаром.

Она так-таки и не призналась ни в чем Жюльену; и конечно, не сделает этого теперь, в последнюю минуту.

Гиз нервно прогуливался взад и вперед около железной калитки. Дом был совсем близко; крытая терраса виднелась как на ладони, и на нее выходили открытые окна какой-то комнаты. Клумбы ярко окрашенных бегоний арками и полумесяцами пестрели среди подстриженного газона; тенистая площадка пряталась в тени гигантских каштанов.

Всюду царила мертвая тишина; никого не было видно; сад дремал под палящими лучами солнца.

Колен тоже расхаживал взад и вперед, заглядывая повсюду и разговаривая сам с собой, по своему обыкновению.

Гиза раздражало его любопытство: любопытные люди всегда казались ему существами низшей породы.

ГЛАВА XVII

Я всегда забываю закрывать окна, когда остаюсь один дома.

Рабиндранат Тагор

Мир страстей исполнен трагедий.

Стендаль

Шарля никто не встретил; он оставил свой мотор в аллее, проник в замок через зимний сад и остановился на пороге прохладной, пропитанной запахом духов гостиной.

Сара лежала на кушетке; она и не спала, и не рыдала вслух, как другие женщины, но слезы градом струились по ее лицу и падали на ее руки.

Шарль был потрясен красотой этого горя, беспомощностью и красотой самой Сары.

Но именно эта беспомощность возбудила его чувственную страсть, потому что женская слабость всегда действует на низменные инстинкты мужчины.

Он на цыпочках подкрался к кушетке и, прежде чем Сара успела опомниться, схватил ее в свои объятия, приник к ее лицу своим искаженным страстью лицом.

— Вы воображаете, что отделаетесь так дешево? — шептал он прерывающимся голосом. — Что можно брать, ничего не давая взамен? Я имел полное право рассказать обо всем Гизу, но я пожалел вас. А вы совсем не жалеете меня! Я так мало заслужил ваше доверие, что вы даже не сочли нужным сообщить мне о вашей помолвке! Как вы жестоко обманули меня! Боже мой!

Он трясся, как в лихорадке, хватая ее за плечи и злобно усмехаясь. Сара побледнела от ненависти и отвращения, но она была бессильна вырваться из его стальных объятий.

— Сара, Сара, — шептал он, — я хочу вас, вы моя! Моя страсть делает вас моею! вспомните наши ласки... в течение стольких месяцев вы позволяли мне надеяться, завлекали меня и вели свою хитрую игру... Я не хочу слышать о дружбе, спокойной, чистой дружбе... Дружба между нами после таких поцелуев! Дайте мне опять ваши губы, Сара, поцелуйте меня еще раз.

— Нет, — прошептала Сара, — лучше умереть!

— Вы думаете о его поцелуях! Что, если я расскажу ему о наших?

— Подлец!

— Подлец? Я не был им, пока вы любили меня. У вас плохая память, Сюзетт!

Поцелуйте меня в последний раз в память нашей прошлой любви, и я уйду с вашей дороги.

— Я предпочитаю смерть вашим поцелуям, слышите! О, если бы я могла вырваться из ваших объятий...

— Умерьте ваш пыл, я и так слышу. Вы хотите, чтобы я вас возненавидел? Что ж, попробую! Может быть, в такой любви, как моя, всегда есть доля ненависти! Мужчине не пристало быть «мокрой тряпкой», как этого хочется подобным вам женщинам! Во всяком случае, я не таков! В моих жилах течет такая же горячая кровь, как и в жилах вашего жениха, и я хочу вас со всем жаром этой крови. Вас не пугает моя ненависть? Нет? Ну, так вам придется испытать на себе последствия вашего поведения, которое пробудило во мне эту ненависть, не загасив моей любви к вам, которое довело меня до безумия, так что я боюсь и одиночества, и своих мыслей и не смею взглянуть на небо! Вот вы увидите, сейчас увидите..

Он осторожно приподнял ее голову и прильнул поцелуем к ее губам.

В это мгновенье Жюльен показался в открытом окне. Ему сразу стало все ясно, и его сердце, только что трепетавшее от счастья, разом остановилось, потом заколотилось с удвоенной силой; голос пресекся в его груди, он не издал ни звука.

Он стоял и ждал конца поцелуя, невольно отмечая и узкие подошвы Шарля, стоявшего на коленях перед кушеткой, и резкий контраст между белокурыми волосами Сары и черной прилизанной шевелюрой своего соперника.

Он знал, что, как только поцелуй кончится, он попытается убить Кэртона, и с нетерпением ждал этой минуты.

Его пальцы сжимались точно вокруг чьей-то шеи. Из его уст вырвалось сдавленное восклицание, при звуке которого Шарль выпустил Сару из своих объятий, она ничего не слышала и продолжала лежать неподвижно, с закрытыми глазами. Шарль выпрямился, бледный как смерть, с угрожающим видом. При виде Жюльена он отрывисто засмеялся, и этот смех подействовал на Жюльена, как пощечина.

Последний, как безумный, набросился на Шарля.

Его движение заставило Сару открыть глаза.

Перед ней мелькнуло искаженное, неузнаваемое лицо Жюльена. Она бросилась вперед, чтобы разъединить борющихся, и отчаянно закричала, умоляя их остановиться.

До нее долетело их прерывистое, озверелое дыхание, затем послышался глухой, но отчетливый голос Шарля:

— Все это лето вы были в дураках... берите ее теперь... — крикнул он, задыхаясь от злобы.

В глазах у Сары покраснело, потом потемнело, яркие полосы света метались перед ней, то исчезая, то снова появляясь, чтобы осветить оскаленное страшной улыбкой, мертвенно бледное лицо Жюльена.

Потом глухой звук удара, потом протяжный стон, и Жюльен зашатался на месте, поскользнулся и упал прямо головой на мраморный пьедестал статуи, обагрив ее своей кровью. Это была изящная колонна, с высоты которой смотрел улыбающийся Эрос. Сара увидела, как непорочная белизна мрамора окрасилась кровью.

Она робко подошла к Жюльену, опустилась перед ним на пол и заглянула в его неподвижное лицо; потом положила к себе на колени его голову, ту самую белокурую

голову, которая еще так недавно покоилась на груди... волосы так густо росли на затылке... она любила трепать их и дразнить ими Жюльена... «Точно бобрик», — говорила она.

Неясные мысли вихрем кружились у нее в голове... надо воды, чтобы смыть кровь с пьедестала, надо бинтов...

— Жюльен, — шептала она не переставая, — Жюльен...

Чья-то тень легла на фигуру Жюльена; она испуганно оглянулась; пестрые флаги снова замелькали перед глазами, а когда она их открыла, перед ней стоял Доминик Гиз.

Он выглядел совершенно убитым; казалось, что ужасный удар превратил его в камень.

Не обращая внимания на Жюльена, он прямо направился к Кэртону и заглянул ему в лицо. Потом вернулся к Саре.

— Кэртон мертв, — прошептал он одними губами, не спуская с нее угрожающего взора. Потом бросился к двери и запер ее на замок, подбежал к окнам, задвинул засовы и до половины спустил жалюзи. В комнате стало темно.

Он оттолкнул Сару от Жюльена; сквозь шелковый шарф, которым она обмотала его голову, сочилась кровь.

Гиз обмакнул свой платок в воду из-под цветов и до тех пор тер им мрамор, пока не осталось и следа крови.

Только тогда он снова обернулся к Саре.

— Его карьера и жизнь разбиты... из-за вас... — прошептал он.

Она в отчаянии хваталась за него своими дрожащими руками, но он оттолкнул ее от себя так грубо, что она чуть не упала. Его голос донесся до нее, словно через густой туман.

— Вот до чего вы его довели... это расплата за ваше тщеславие... но платить пришлось им... ему...

Он подошел к ней еще ближе и поднял руку, словно собирался ее ударить.

— Что вы собираетесь говорить?

Она с ужасом глядела на него, подавленная обвинением и чувствуя, что поддается его непреклонной воле; он словно гипнотизировал ее.

— Неужели Жюльен будет за вас расплачиваться?

— Нет, — воскликнула Сара, — я расплачусь сама, во имя моей любви.

Тогда он начал быстро шептать:

— Время не терпит! Колен поблизости. Я сейчас позову его, и мы вынесем Жюльена. Никто не подозревает, что он вернулся, кроме вас.

Где-то пробили часы; далеко, далеко, на проселочной дороге раздался стук телеги, нарушая полуденную тишину.

— Понимаю, — ответила Сара.

Гиз в последний раз взглянул на нее, потом осторожно пролез в окно и исчез. Она осталась одна с Жюльеном и Шарлем. И Шарль был мертв.

Он любил ее, и она тоже когда-то любила его, по крайней мере, он утверждал это. А Гиз только что сказал, что она играла с ним тщеславия ради.

Неужели он жертва ее тщеславия? И убил его Жюльен; Жюльен — убийца...

Нет, никогда! Тот самый Жюльен, который целовал землю, по которой она ступала?.. Это было вчера в сосновой роще... он стоял перед ней на коленях...

Гиз опять появился тем же таинственным путем, в сопровождении высокого человека, который, при виде тела Шарля, совсем растерялся.

— Графиня имела столкновение с Кэртоном, — сказал Гиз, — в результате Кэртон

умер. Жюльен покинул замок час тому назад, вы слышите? — повернулся он в сторону Колена.

— Да, да, — пробормотал Колен, — я слышу.

Он смотрел на Сару с отвращением.

— Вы подтверждаете сказанное? — обратился Гиз к Саре повелительным тоном. — Ну, а теперь...

Он нагнулся к Жюльену и приподнял его; Жюльен застонал. Сара слабо вскрикнула.

— Боже мой, — шептал Колен, — Гиз...

Но Гиз решительно направился к окошку, изнемогая под тяжестью своей ноши, и ударом ноги распахнул его; они оба перелезли на террасу, спустились в парк и скрылись в тенистой аллее; потом хлопнула калитка, затрещал мотор, потом все стихло.

Сара стояла около колонны; как чист был мрамор, ни единого пятнышка! Ее взгляд упал на Шарля. Она бросилась к звонку и так неистово зазвонила, что пестрый шнурок остался у нее в руках.

Прибежавшие слуги нашли дверь замкнутой; они стучали в нее кулаками, а Сара смеялась: игра в прятки, и им ни за что не отыскать ее!

Но вот брякнуло оконное стекло, с треском взвились жалюзи, весь дом сбежался на террасу.

— Входите, входите же, — крикнула им Сара.

— Он умер, — прошептала она, протягивая руку по направлению к лежавшей на полу фигуре, — я его убила.

ГЛАВА XVIII

Злоба жестокие раны

Часто наносит любви,

И подтверждают те раны

Злую жестокость судьбы.

Лоренс Хусмэн

Общество мгновенно распалось на два лагеря, и только незначительная группа оказалась на стороне Сары; но эта группа готова была отстаивать ее до конца, какое бы преступление она ни совершила. Позади этих лагерей были приливы и отливы сочувствия широкой публики и прессы; некоторые газеты сделали своей рекламой настойчивую защиту женщины, единственное преступление которой заключалось в охране своей чести от насилия.

Колен схватился за это, как за якорь спасения.

— Да, да, — твердил он в лихорадочном волнении, — мы будем придерживаться этой линии.

Он был совершенно разбит как нравственно, так и физически и даже похудел за это время. Его терзали сомнения: тысячу раз он был готов во всем сознаться, но свидетельство против Жюльена было бы свидетельством и против него самого, и это его останавливало. Он не переставая проклинал образ действий старого Гиза, но был сам слишком запутан в этой истории. Ведь он не только помог вынести Жюльена из замка, он раздобыл яхту, на которой Гизу удалось увести сына из Франции. Так как решительно никто не подозревал о помолвке,

о Жюльене даже не вспомнили. Он был в безопасности.

— В полной безопасности, — не без горечи сказал Колен Саре.

Впрочем, эта безопасность далась не дешево, потому что Лукан сразу заподозрил что-то неладное.

— Почему вы меня не вызвали? — настойчиво допрашивал он Сару. — Почему? Так просто было протелефонировать мне, что у него сердечный припадок. Так оно и было на самом деле, и я не допустил бы огласки! Кэртон был конченный человек, малейшее волнение должно было dokonать его, я могу в этом поклясться.

Он пытался оказать давление на местного доктора, напыщенного толстого человека, который кичился своим званием и отстаивал свою правоту даже перед Луканом, этой парижской знаменитостью.

— Сердечный припадок не оставляет следов на шее, мосье Лукан. Даже мы, провинциальная мелкота, достаточно осведомлены в медицине, чтобы констатировать это. Следовательно безусловно согласился со мной. Я не могу идти против своей совести, даже если дело касается такой прелестной леди! Но я не отрицаю, что у него к тому же было плохое сердце! И непременно упомяну об этом на суде.

Лукану так и не удалось сбить с позиции этого самодовольного дурака, который решил до конца отстаивать свое мнение. Показания слуг тоже были не в пользу Сары. Лукан проклинал свою судьбу.

Он сразу понял, что Колен может быть очень полезен. Он не чувствовал особой симпатии к этому человеку, но со свойственной ему проницательностью ценил его как хорошего юриста.

Они совместно разработали план защиты: законное негодование оскорбленной женщины, плохое сердце Кэртона, использование сочувствия, которое всегда вызывает «любовная драма», и, наконец, в крайнем случае, призыв к признанию «неписаных законов», которые руководят человеческими деяниями.

Защищать Сару должен был Дэволь, начинающий адвокат, соперник Жюльена на этом поприще. Это был красивый, ловкий молодой человек, обязанный только самому себе своей блестящей карьерой.

— Он больше подходит нам, чем Манолэт, — заявил Колен Лукану, — Манолэт слишком аффектирован; нам нужен человек, который не только пробуждал бы страсти, но и подчинял бы их своей воле, понимаете? Дэволь будет говорить с присяжными как равный.

Лукан одобрил выбор. Но Саре Дэволь решительно не понравился, он слишком откровенно восхищался ею. Впрочем, после ее откровенного признания в преступлении Дэволю почти не о чем было с нею говорить.

Сара находилась в состоянии глубочайшей апатии, которая притупляла остроту ее горя. Она точно утратила способность страдать; удар совершенно ошеломил ее.

Она виделась только с Гак и Габриэль де Клев, которая примчалась к ней, как только узнала об ее несчастье, и не позволяла никому дурного слова о своем друге.

Роберт, примкнувший к враждебному Саре лагерю, невольно все-таки оказал ей услугу, защищая свое имя от настойчивых посягательств прессы, представители которой осаждали его дом, как стая голодных волков. Он гнал их прочь, ввиду собственных интересов. Преступление Сары поставило его во главе дома, и тот позор, которым она его покрыла, делал Роберта еще более щепетильным в вопросах фамильной чести.

Он был у Сары всего один раз, и то по необходимости, чтобы подписать какие-то

документы. Они встретились как чужие: он с натянутой сдержанностью, она — с глубоким равнодушием. Но в глубине души Роберт негодовал на Сару: она разбила все его юношеские иллюзии и казалась ему прямо чудовищем.

В первый же вечер после ареста Сара попросила леди Диану приехать к ней. Леди Диана приехала. Сара сразу, без слов, поняла, чего она может ждать от матери, так что злобные выходки последней были, в сущности, излишни. Она буквально кричала на Сару, и Саре вдруг показалось, что под этим исступленным отчаянием кроется нечто более личное, чем оскорбленное чувство морали, и ей стало бесконечно жалко леди Диану.

— Между нами все кончено, слышите? — сказала леди Диана, не контролируя на этот раз тембр своего голоса. — Я не желаю впредь иметь с вами дела. Мне не хватает слов, чтобы выразить вам мое негодование. Я предоставляю вас вашей совести.

И это было все: ни слез, ни сочувствия, ни единого намека на пресловутый материнский инстинкт: голословное обвинение, ядовитая злоба!

Колен, напротив, стал как-то человечнее и утратил отчасти свою вульгарность и мелочность. Он ежедневно бывал у Сары, доставлял ей возможный комфорт, подбодрял и веселил ее своими шутками, а главное — говорил с ней о Жюльене, — единственная тема, которая выводила ее из состояния апатии.

Но дома, в своей роскошной квартире, он буквально не находил себе места и страдал не только нравственно, но и физически. Это был человек, чуждый возвышенным порывам, которому тонкие душевные переживания всегда казались ненужным и стеснительным вздором. Соучастие в преступлении Гиза и добровольной лжи Сары не позволяло ему в данном случае оставаться в стороне. И он испытывал миллион терзаний, не спал ночи и тосковал днем, все время колеблясь между противоположными решениями. К утру он обыкновенно готов был во всем сознаться. Житейские дневные заботы снова напоминали ему о том, что признание повлечет за собой разорение. Тогда он успокаивал себя тем, что Сара в последнюю минуту одумается и докажет свою невинность, или клялся самому себе, что заговорит, в случае, если дело примет неблагоприятный для Сары оборот.

Но в этом не окажется надобности: присяжные — гуманные люди. Молодая, красивая женщина, которая в течение долгих лет ухаживала за парализованным мужем, для которой ее женская честь была дороже всего на свете! Какая выгодная позиция! Если бы только она не принадлежала к аристократии! Нравственность высших классов общества не внушает доверия присяжным.

Но все обойдется! Дэволь такой ловкий малый!

Ну, а если ее засудят, он непременно заговорит, он клянется в этом перед Богом.

События развертывались с такой головокружительной быстротой, что он не смог обдумать последствий своего поведения, — в этом была вся его вина. Разве ему могло прийти в голову, что Гиз так бесчеловечно жесток? Старик оказался тверже стали.

Само собой разумеется, что он использовал свое влияние, чтобы, по возможности, облегчить положение Сары, совершенно пренебрегая нападками некоторых газет.

Гак и Лукан получили разрешение навещать Сару; она не была лишена известного комфорта, формально не допустимого в арестном доме.

— И все-таки она чуть жива, — с тоской констатировал Колен.

— Вы скоро опять будете свободны, графиня, — твердил он ей, нежно пожимая ее руки, — ободритесь немножко!

— Как вы нашли вашу госпожу? — спросил он Гак почти жалобно.

Гак, глаза которой стали еще больше, а речь еще стремительнее, особенно когда дело шло о репутации Сары, резко ответила:

— Надо радоваться, что она в таком состоянии; мне кажется, что она не очень страдает; она точно окаменела, и я молю Бога, чтобы так оно и осталось. Что только будет!

Гак вопросительно взглянула на Колена.

— Все будет хорошо! — торопливо ответил он. — К этому идет. А когда вы ее отсюда увезете, наступит спокойное время; мы все нуждаемся в отдыхе, — и, принужденно засмеявшись, он поспешно пошел прочь.

— Трусит! — решила Гак.

Гак, Франсуа, Вильям и Габриэль де Клев были самыми ярыми защитниками Сары.

Гак черпала утешение в сочувственных взглядах Франсуа. Они коротали вечера дома или бродили по бульварам в сопровождении Вильяма.

Независимая, благородная манера Франсуа держать себя импонировала Гак (хотя она и не была уверена, что он имеет «право» на такое поведение) и примиряла ее со странностями и мелочностью французов (каждый народ мелочен по-своему).

Его оптимизм, детская доверчивость и рыцарская вежливость сделали ее более снисходительной ко всему французскому; она даже научилась отвечать по-французски «Merci» и «Bon jour» на его приветствия, которые он из чувства галантности всегда выражал на ее языке, хотя и коверкала их при этом на английский лад.

Франсуа окончательно покорила ее сердце однажды вечером, применив к своей госпоже следующее сравнение:

— Мадам похожа на богиню судьбы: такая стройная и бледная и с такими грустными глазами.

— Только бы скорее все кончилось! — вздохнула Гак.

«Только бы скорее все кончилось!» В этом восклицании выражалась вся тоска этих измученных людей: и соучастника в укрывательстве Колена, и безгранично преданной Гак, и терзаемого тревогой, близкого к сумасшествию Доминика Гиза...

В ночь перед судом Гак даже не пыталась заснуть и до утра просидела на одном месте, прижимая к себе Вильяма и горько рыдая.

Франсуа тоже не спал: он молился.

Сердце Колена обливалось кровью.

Но Сара как раз в эту ночь крепко заснула, в первый раз за свое пребывание в арестном доме. Ей снился Жюльен, его ласки, его голос, весь его образ...

Когда она, наконец, проснулась, солнечные лучи заливали ее камеру; надзирательница пожалела ее будить, и она проспала часом дольше положенного времени.

Эта надзирательница была уже немолодая особа, с суровым лицом и с суровым сердцем, алчная до денег; но на этот раз и она была растрогана до слез.

— Желаю вам удачи, дитя мое, — сказала она Саре на прощание.

Первое, что бросилось Саре в глаза в зале суда, была Гак, потом леди Диана со своим точеным, бледным лицом. Вся в черном, с черным страусовым пером на шляпе, она казалась плохим подражанием статуи материнской скорби.

Зал был битком набит, было невыносимо душно. Как это всегда бывает во Франции, очень подробное предварительное следствие заранее исчерпало все вопросы, так что суд свелся к поединку между прокурором и Дэволом.

Царила такая мертвая тишина, что было слышно, как трещали от зноя деревянные

перегородки стен.

Женщины тянулись вперед, чтобы взглянуть на Сару, и делали замечания по поводу ее наружности.

— Говорили, что она прямо красавица!

— Это просто ходячая фраза по поводу всех нарядных женщин!

— Сейчас в ней нет ничего красивого!

Однако большинство было настроено благосклонно. Трагическая развязка этого сложного романа импонировала. Кроме того, многие лично знали и любили приветливого и изящного Кэртона, а сравнительно недавнее появление Сары тоже не осталось незамеченным: ее несчастный брак, высокое общественное положение, красота и богатство давали материал для обогащения газетных издательств.

Появление знаменитого Лукана, в качестве свидетеля, в свою очередь, произвело сенсацию.

К его показаниям прислушивались с особенным вниманием. Лукана все любили, потому что, даже достигнув славы, он не забывал своих прежних скромных клиентов; разница заключалась лишь в том, что теперь он лечил их совсем даром.

Он, как и Дэволь, пробился из низов общества, помнил это и никогда не разыгрывал из себя «аристократа»; его точные бесстрастные показания били гораздо дальше показаний доктора, который первый осмотрел Шарля.

— Лукан знает свое дело, его не проведешь, — таково было общее мнение публики и присяжных.

«Уж если этот не принесет нам счастья...» — вздыхал про себя Колен, нервное напряжение которого достигло последних пределов.

Когда Дэволь приступил к защите, он замер и весь превратился в слух.

То страстный, то растроганный, то деловитый, то иронизирующий голос Дэволя гремел, потом понижался до шепота, потом снова гремел...

«Он, кажется, никогда не кончит, — тоскливо думал Колен, — длинные речи только утомляют присяжных».

Теперь он смотрел на Дэволя почти с ненавистью, с той ненавистью, которую испытывают нервные люди к тем, кто подвергает их терпение слишком долгому испытанию.

— Боже мой, когда же будет конец?

Точно по команде Дэволь умолк; защита сказала свое слово.

Сару окружили люди, которых она видела в первый раз в жизни, поили ее чаем, выражали ей свое сочувствие, закидывали ее вопросами.

Она растерянно взглянула на Колена, не будучи в состоянии произнести ни слова.

— Все обстоит благополучно, — прошептал он ей, — через несколько мгновений вы будете свободны!

Но время точно остановилось, и им снова овладел такой безумный страх, что он отошел от Сары, не спуская глаз с роковой двери.

Лукан, в свою очередь, старался ободрить Сару; его суровое лицо выражало глубокое сочувствие.

Темнело; летний вечер сменился ночью.

— Пора обедать, — невольно пришло на ум Колену, но тут же его охватило глубокое отвращение и к своей роскошной столовой, и к своей экономке, и даже к запаху изысканных яств.

Зазвенел колокольчик.

— Соберите все свои силы, — бодро сказал Лукан, между тем как слезы градом струились по его лицу. Глядя на него, Сара вспомнила (в критические моменты жизни мы часто вспоминаем ничтожные мелочи), что где-то читала о каком-то народе, который плачет, бросаясь в бой, и у которого слезы — результат душевного подъема, а не слабости.

— Год одиночного заключения, — возвестил голос через внутреннее окошко. В глазах у Сары заходили красные круги.

Точно издалека донесся до нее гул толпы, подобный вздоху, потом резкий голос Лукана, обнимавшего ее за талию.

— Она должна остаться здесь на эту ночь, иначе я не отвечаю за ее рассудок. Я имею право требовать этого.

Ее долго водили по каким-то бесконечным коридорам, пока она не очутилась в крошечной камерке, где уже ждала ее надзирательница, другая. Заботливые руки раздели и уложили ее в постель, внимательно подоткнули под нее одеяло. Лукан протянул ей стакан с лекарством, и она невольно обратила внимание на контраст между прозрачным стеклом и его загорелыми пальцами.

— Год промелькнет незаметно, и мы с Коленом сделаем все возможное, чтобы смягчить вашу участь. Клянусь вам в этом! Теперь примите лекарство и постарайтесь заснуть.

Колен подждал Лукана у порога камеры.

— Возьмите себя в руки, ради всего святого, — воскликнул Лукан с раздражением. — Я не надеялся на такой снисходительный приговор: ей грозило пять лет одиночного заключения. Послушайте, Колен, если вы будете так распускаться...

Он сам отвез Колена домой.

Вкусный обед, заботливая воркотня экономки, которая уже знала о приговоре и укоряла его в малодушии... Он прошел к себе в спальню. На ночном столике лежала библия.

— Если она будет слишком страдать или заболит, я заговорю.

Сара проснулась на следующее утро совершенно разбитой физически, но удивительно спокойной.

Судьба ее решилась.

Всего один год! Что такое, в сущности, один год? Он промелькнет незаметно.

Она оделась и выпила кофе.

Один год!

Неужели ее любовь не стоит жертвы одного года? Для любви не существует времени!

Сара не понимала, что время имеет реальность только тогда, когда воспринимается отдельными моментами; вне этого нет времени...

Она много читала об одиночном заключении и всегда жалела заключенных.

Но это была какая-то неопределенная жалость.

Только теперь, когда она сама оказалась изъятой из жизни на целый год, она поняла, какое большое значение играют в нашей жизни повседневные мелочи.

Во время длинного переезда из арестного дома в тюрьму, которая находилась на окраине города, ее все время преследовала мысль, что она целый год никуда больше не поедет, не услышит ни замирающего хлопанья дверцы, ни грохота мотора, ни одного звука уличной жизни. Не увидит даже витрин магазинов.

Она не была любительницей «глазеть в окна магазинов», но тем не менее эти магазины играли свою маленькую, незаметную роль в ее жизни.

А когда мотор случайно остановился около водосточной канавы, она с нежностью посмотрела на буйные побеги травы по краям этой канавы; такие симпатичные, ярко-зеленые кустики!

Который из королей, на пути к эшафоту, тоже ощутил острый прилив отчаяния при виде колеблемой ветром травы?

Через несколько мгновений все эти мелочи перестанут для нее существовать, хотя и останутся на своих местах.

Она вступала в противоестественные условия жизни и уже предвкушала ужас одиночества. Губы ее задрожали, и она, точно ища помощи, взглянула на Лукана. Чтобы не потерять самообладания на глазах у конвойных, которые поглядывали на нее украдкой с живейшим любопытством, она решила не смотреть больше по сторонам.

Но и это не помогло: будущее путало ее, как темнота путает ребенка, и подобно тому, как самолюбивый ребенок старается набраться храбрости, она возбуждала в себе мужество отчаяния, которое утомляет нервы еще больше, чем нравственное угнетение. Она с трудом сдерживала слезы. Хотя бы одно слово поддержки от Жюльена!

Но Жюльен был тяжело болен — Колен сказал ей, что у него воспаление мозга.

Как недавно еще она была свободна и ждала Жюльена!

Она так крепко зажмурила глаза, что перед ней замелькали красные точки.

Все это только сон — она проснется у себя дома!

Мотор остановился около высокой стены, расположенной полукругом, в каменную неприступность которой врезались две узкие калитки.

Лукан помог Саре выйти. Шоссе тянулось и по ту сторону стен, ослепительно сверкая на солнце; красные, как кровь, маки росли по его краям.

— Мужайтесь, — прошептал Лукан, ласково поддерживая ее под руку и подталкивая по направлению к одной из калиток. — Стоит только перешагнуть...

Но мужество оставило Сару, в эту последнюю минуту безумный, непреодолимый ужас сковал ее члены.

— Я невинна, я невинна, — шептали ее губы.

Лукан обхватил ее за талию и через ее плечо с беспокойством взглянул на конвойных, которые переминались с ноги на ногу, прокашливались в смущении и старались не смотреть в их сторону.

Крепкое объятие Лукана заставило Сару прийти в себя: оно напомнило ей объятие Жюльена в момент расставания, когда он страстно прижимал ее к своему сердцу, не переставая твердить:

— Моя жена, мое счастье, моя единственная!

Потом она увидела его лежащим на полу, и красная кровь, похожая на эти придорожные маки, заливала подножье статуи... Потом пришел его отец и сказал ей, что она своим мелочным тщеславием убила Шарля.

Зачем позволила она Шарлю снова войти в ее жизнь?

Минутная слабость или правда — тщеславие?

Значит, хотя она и не убивала, она виновница его смерти. Она высвободилась из объятий Лукана и спокойно посмотрела на него, а когда он поднес к своим губам ее руки, она улыбнулась ему своей прежней улыбкой.

— Прощайте, и благодарю за все, — сказала она ему, переступая через порог калитки, которая захлопнулась за нею.

ГЛАВА XIX

*Небо сияло лазурью,
Сердце надеждой горело,
Скрылося солнце за тучей,
Счастье навек улетело.
Поль Верлен*

Пассажиры маленькой яхты, снятой Коленом, производили в совокупности странное впечатление: они прямо ненавидели друг друга и объединялись только у ложа бесчувственного Жюльена.

Во-первых, доктор Варрон, худощавый человек, мрачного вида, циник и заядлый морфинист, или упорно молчавший, или отпускавший злобные, язвительные замечания; затем капитан, подозрительно и агрессивно настроенный, и, наконец, сам Доминик Гиз, терзаемый тревогой и все время начеку, чтобы не забыть принятой на себя роли. Поистине это был корабль, одержимый нечистой силой, над которым носились злобные испарения преступных душ его пассажиров.

Колен раздобыл эту яхту у одного из своих знакомых, с которым его связывали не только обычные дружественные отношения: несколько лет тому назад Колен, благодаря своей опытности и связям, спас этого человека от неприятных последствий разоблаченных злоупотреблений.

— Уступите мне вашу яхту на месяц или на два, — медоточиво запел Колен в телефонную трубку, — для хороших знакомых, близких мне людей, которые находятся в затруднении. Мне нет надобности объяснять вам это подробнее, — вы по опыту знаете, что значит превратность судьбы.

Приятель, который и своей свободой, и своим состоянием был обязан исключительно Колену, немедленно дал свое согласие, телеграфировал своему капитану и предоставил Колену полную свободу действий.

Очевидно, капитан Росер давно привык к такого рода отправлениям, без определенного порта в виду; во всяком случае, он ни о чем не расспрашивал.

Варрон походил на него, в этом отношении; «живи и давай жить другим» — звучало для этого малодушного закоренелого морфиниста как «умирай и давай умирать другим», и он никогда ни во что не вмешивался из боязни недоразумений.

Он тоже, хотя и менее непосредственно, был находкой Колена. В высшей степени забавно следить за тем, как проводятся в жизнь замыслы сильных мира сего, по крайней мере, те из их замыслов, которые могли бы запятнать их непорочную репутацию и которые требуют для своего осуществления несколько ржавых орудий, находящихся, как это и полагается, в менее чистых руках, руках людей, настолько обездоленных, что повелевающие ими сверху даже не подозревают об их существовании.

В этого рода делах обязанности строго классифицированы: инициатор, который всегда пользуется богатством и всеобщим уважением, имеет среди своих подчиненных кого-нибудь, кто ему чем-нибудь обязан, который, со своей стороны, знает о ком-нибудь другом нечто

такое, что не подлежит оглашению; от этого третьего зависит четвертый, тоже не вполне уверенный в своей правоте перед законами, и т.д., пока в самом низу этой своеобразной иерархии мы не наталкиваемся на «беднягу», который беспрекословно выполняет самую грязную работу и замыкает, таким образом, этот порочный круг. Верх и низ не имеют представления друг о друге и входят в соприкосновение, только если этого требуют их взаимные темные выгоды.

Варрон принадлежал к самому последнему разряду, он был именно таким «беднягой»; это не мешало ему довольно удачно врачевать Жюльена, если старый Гиз успевал вовремя отнять у него морфий.

Жюльен все время находился в беспамятстве и не знал, что взволнованный процессом Сары Париж интересуется им и что в тех кругах общества, где он с ней вращался, всесторонне обсуждается печальное «увлечение молодого Гиза».

— Какое счастье, что он успел уехать в Тунис не дождавись этой ужасной развязки!

Ходили слухи, что он вернется, чтобы лично защищать Сару, и такой романтический финал был очень популярен в глазах широкой публики.

Но вскоре стало известно (министерство иностранных дел даже подтвердило это официально), что он опасно болен, настолько опасно, что не может приступить к исполнению своих обязанностей и находится в отпуске.

Колен был высшим авторитетом во всем, что касалось Жюльена; он получал свои сведения непосредственно от г-на де Сун.

Сентиментальные души приписывали болезнь Жюльена его неудачному роману, тому ужасному нравственному удару, который он испытал, узнав, что обожаемая им женщина всегда любила другого.

Между тем болезнь Жюльена затягивалась, несмотря на самоотверженные заботы Гиза и Варрона, которые врачевали его тело в то время, как Сара жертвовала своей свободой для спасения его репутации.

— Почему его не перестает лихорадить? — со скрытым раздражением допытывался Гиз у Варрона.

— Вы спрашиваете — почему? — Варрон презрительно фыркнул, не выпуская изо рта своей вечной папиросы. Разговор происходил на пороге каюты Жюльена, где доктор проводил почти все свое время. Только ему одному удавалось успокоить на некоторое время больного, и сознание своей власти над несчастным вызывало в его душе нечто вроде жалости. — Вы спрашиваете — почему? — снова повторил он, пожимая плечами. — Я уже докладывал вам, что у него воспаление мозга, вызванное каким-то длительным нервным напряжением, плюс контузия, плюс ваше идиотское упорство подвергать его непрерывной качке. Как вы хотите, чтобы это воспаление разрешилось, когда его мозги болтаются, как бочки в трюме? Ваши дела меня не касаются, но я еще раз предупреждаю вас, что ему необходим покой и что если вы не извлечете его из этого проклятого моря... — Варрон снова пожал плечами и погрузился в свое обычное молчание.

Гиз поднялся на палубу и приказал пристать к ближайшей гавани.

Они бросили якорь у берегов Африки, в бухте с неподвижными маслянистыми водами; Лас-Пальма лежала направо от них.

Жюльену немедленно стало лучше, сознание понемногу возвращалось к нему, хотя мысли были по-прежнему бессвязны. Он не переставая твердил имя Сары. Варрон, который, конечно, слышал эти бормотанья, делал вид, что не слышит. Чужие дела и чужие секреты

нисколько не интересовали его. Все ерунда в этом мире! Он не допускал исключений из этого правила.

Его единственным желанием было поставить как можно скорее Жюльена на ноги и, получив свое скудное вознаграждение, купить на него такое количество морфия, которое помогло бы ему в возможно кратчайший срок покончить счеты с жизнью.

А так как медленное выздоровление Жюльена являлось к этому препятствием, он постепенно проникался ненавистью к своему пациенту, который не давал ему вырваться из тюрьмы.

Он не оставлял его ни на мгновение, с раздражением вглядываясь в его восковое лицо. Жюльен теперь целыми днями лежал в тени на палубе.

Однажды их глаза встретились.

— Вы доктор? — спросил Жюльен.

— Надо полагать, что так.

— Чем я болен?

Гиз вырос как из-под земли и ответил сыну обычной, стереотипной фразой:

— Несчастный случай.

Обычно Жюльен удовлетворялся этим ответом, но на этот раз он стал настаивать, и лицо его приняло жалкое напряженное выражение от тщетного усилия выразить свои мысли.

— Я знаю, но где, при каких обстоятельствах? Я ничего не помню.

— Тебе вредно волноваться, Жюльен!

— Я хочу знать правду, — упорствовал Жюльен с внезапным раздражением, которое так характерно для слабых больных. — Где и когда? — твердил он настойчиво.

— Скажите ему, в чем дело, — вмешался Варрон не без ехидства, прекрасно понимая, что Гизу хочется, чтобы он ушел, и наслаждаясь случаем сделать ему неприятность. — Это успокоит его нервы. Волнение опасно ему. Вы только и делаете, что вредите.

Выражение сдерживаемого гнева промелькнуло на лице Гиза, к величайшей радости Варрона, который даже прищурился от удовольствия. Но он моментально спасовал, когда старик неожиданно повернулся к нему с искаженным до неузнаваемости лицом, сам побледнел как смерть, униженно раскланялся и исчез, бормоча что-то непонятное.

— Каким образом я здесь очутился? Что, в сущности, было? — снова раздался слабый, но настойчивый голос Жюльена. — Я хочу все знать, — повторил он, не дождавшись ответа. — Я помню, как возвращался в замок Дезанж, я помню... — лицо его приняло напряженное выражение, глаза налились кровью, — я помню комнату... с цветами... в ней было темно... Шарль Кэртон был там... Ну, а потом, что было потом?

Он умолк, совершенно обессиленный напряжением.

— У меня в голове какой-то туман, — закончил он апатично.

Но через неделю он был уже на ногах, и для старого Гиза пришел час расплаты.

Несмотря на долгие приготовления, он совершенно растерялся, когда Жюльен в полном сознании спросил его, не было ли на его имя писем от графини Дезанж.

Он почувствовал ужасное сердцебиение, страшную физическую слабость, и все готовые лживые фразы вылетели у него из головы.

Чтобы скрыть свое волнение, он с самым непринужденным видом извлек носовой платок и стал утирать струившийся по его лицу пот.

— Жюльен, мой бедный мальчик, мне надо сообщить тебе нечто, — начал он прерывистым голосом и тотчас остановился, чтобы перевести дух.

Жюльен подошел ближе и облокотился на стол. Его невероятная худоба особенно резко бросалась в глаза в этом положении. Куртка обтягивала его талию и обрисовывала все ребра.

Острый прилив ненависти к Саре охватил старика при этом зрелище. Ему приятно было констатировать тот очевидный вред, который она нанесла Жюльену и который мог хоть сколько-нибудь оправдать его поведение в этой истории.

— В чем дело? — прервал Жюльен тягостное молчание. — Может быть, графиня Дезанж выходит замуж за Шарля Кэртона? Не это ли вы хотите мне сообщить?

Гиз обрел новое оружие. Жюльену ничего не было известно.

— Верно только то, что графиня любила Шарля Кэртона, — сказал он гораздо спокойнее. — Это обнаружилось на суде. Вы, конечно, уже слышали о процессе. Между ним и графиней произошло недоразумение, в результате Кэртон скончался. Конечно, тут играло роль его больное сердце. Но она признала факт борьбы. Он, кажется, ревновал ее... И ее приговорили к одиночному заключению на год...

— Одиночное заключение... убийство Кэртона...

Жюльен подбежал к отцу и стал трясти его за плечи в пароксизме дикого безумия.

— Повторите еще раз, — кричал он в исступлении каким-то сдавленным голосом. — Кэртон убит. Да ведь это я убил его, теперь я все вспомнил, это я!..

— Нет, не вы, а графиня; она во всем созналась, — отчетливо скандируя фразы, проговорил старый Гиз, тщетно пытаясь вырваться из цепких пальцев, которые вонзились в его тело. — Она любила Кэртона. В этом вся суть дела. Она призналась и в этом. Ваше имя даже не упоминалось, вы уехали раньше.

— Она призналась, что любит Кэртона... она сделала это, они поссорились...

Жюльен упал на колени, и его бессильно склонившаяся голова легла на плечо старого Гиза, который продолжал с прежней настойчивостью:

— Кэртон нанес вам удар. Вы потеряли сознание. Он призвал на помощь меня и Колена, и мы вынесли вас оттуда.

— Вы вынесли меня оттуда?

— Спросите Колена. Только он и г-н де Сун знают об этом. А то, что произошло затем, известно из показаний графини. Дело совершенно ясное, потому что и слуги, которые слышали борьбу, подтвердили эти показания. Только потом она призвала их на помощь...

Ему, наконец, удалось вырваться; он, шатаясь, подошел к двери и позвал Варрона.

Они помогли Жюльену встать на ноги.

Он не сопротивлялся сначала, но потом резким движением оттолкнул их прочь.

— Оставьте меня одного, — прошептал он.

Его глаза были налиты кровью, и бессмысленная улыбка играла на его губах. Он постоял немного на одном месте, потом повернулся и пошел к себе в каюту, шатаясь из стороны в сторону и натываясь на окружающие предметы.

Дверь захлопнулась следом за ним.

В каюте он упал на постель, закрыв лицо руками; кровь стучала у него в висках, и он не мог остановить это биение, даже прижимая к голове свои горячие руки.

Мысли вихрем проносились в его мозгу под такт этого живого молота.

Так вот как было дело...

Он помнит...

Это было так...

Он видел собственными глазами...

Тысячи новых молотов беспорядочно застучали в его голове, как только он ее поднял.

Неожиданный удар и нахлынувшие воспоминания оказались ему не по силам, — он чувствовал, что задыхается, его мозг был сдавлен точно какими-то орудиями пытки, и ему казалось, что это мучительное ощущение длится уже вечность.

Да, он стоял в окне и видел Кэртона, обнимавшего Сару за шею и целовавшего ее губы.

Горькие слезы выступили у него на глазах.

Но в душе его шевелилось сомнение и требовало пересмотра событий: его долго спавший и вновь пробудившийся разум был слишком дисциплинирован, слишком привык к связному мышлению, чтобы принимать или отвергать факты, не подвергнув их всестороннему исследованию. Он помнит, что ударил Кэртона; значит, и он виновен; его место в Париже, около Сары.

Кроме того, он любил и любит Сару, несмотря на ее измену, и не может оставаться в стороне, когда она страдает.

Он немедленно сел писать Колену, хотя это стоило ему величайшего напряжения, потому что он не находил слов для выражения своих мыслей.

Наконец письмо было готово, подробный отчет о ходе событий.

Он вполне надеялся на Колена, как на одного из первых юристов Парижа, и просил его выполнить все необходимые формальности и подготовить пересмотр процесса с тем, чтобы самому вести дело, как только здоровье позволит ему это. В письмо Колена была вложена записка Саре, в которой он официально извещал ее о принятом решении.

Запечатав и надписав конверт, он уронил голову на стол и долго оставался в этом положении с бессильно опущенными руками.

Вошедший к нему отец подумал, что он в обмороке, и заботливо приподнял его голову. На столе лежало письмо.

— Я рад, что вы написали Колену, — сказал Гиз, — ваше письмо будет немедленно отправлено.

Жюльен позволил Варрону раздеть себя и уложить в постель.

Ответ пришел не скоро, очень длинный и обстоятельный, с вложением короткой записочки от г-на де Суна, который в несколько туманных выражениях высказывал Жюльену свое сочувствие и торопил его в Тунис.

Жюльен несколько раз перечитал письмо Колена: графиня на днях отбудет срок наказания, кассация была бы безумием, М. де Сун придерживается того же мнения, у Жюльена даже нет повода к кассации, свидетельство слуг и добровольное сознание графини делают пересмотр невозможным.

— Колен не мог написать такого дурацкого письма, — мрачно сказал Жюльен, разрывая его в клочки.

— Записка де Суна от руки, а Колен подписал свое, — возразил ему отец.

— Это не играет роли, — упрямо ответил Жюльен.

Его охватило глубокое отчаяние, отвращение ко всему на свете. Зачем он не умер? Разве стоило жить после всего этого? Теперь он целые дни проводил на палубе и даже спал там, или, вернее, не спал, а с тоской смотрел на мертвые воды бухты.

Старый Гиз не спускал с него беспокойного взгляда. Письмо, которое старый Рамон переслал ему обратно из Парижа вместе с целой пачкой других писем, доставило ему немало хлопот.

Между этими письмами находилось письмо от де Суна с запиской к Жюльену. Гиз настоятельно просил его подбодрить сына несколькими словами дружбы и участия. Вложение этой записки в подложное письмо Колена показалось старику удачным ходом.

Он не прерывал сношений с министерством иностранных дел, которое неукоснительно призывало Жюльена к его обязанностям.

Жюльен собрался как-то сразу, в течение какой-нибудь недели. Он чувствовал себя гораздо лучше, больше ел, хотя и с большим разбором, и испытывал периодические приливы энергии, благодаря морфию, который продолжал впрыскивать ему Варрон.

Но по приезде в Тунис он снова впал в безнадежную апатию. Он предоставил отцу устраиваться на новом месте и с полнейшим равнодушием принял визиты, которые поспешили ему сделать ретивые чиновники генерального секретариата.

Старый Гиз испытывал теперь новую тревогу, может быть внушающую меньше сочувствия, чем тревога за жизнь любимого существа, но не менее острую и утомительную. Он присутствовал при крушении большой карьеры, крушении, которое вызывало на глазах льстивое сочувствие, а втайне презрительное осуждение окружающих.

Жюльен не замечал ничего этого; он целыми днями сидел в кафе или запирался в четырех стенах своего белого домика, в котором всегда царил полумрак и душная, пропитанная запахом духов атмосфера и который кишел подобострастными туземными слугами.

Во французской колонии, среди членов которой постоянно вращался Гиз, тоже очень нелестно отзывались о бездеятельности Жюльена.

Неужели все его мучительные усилия, стоившие ему такого нервного напряжения, пропадут даром?

Гиз находился в состоянии постоянного раздражения, тем более мучительного, что ему приходилось сдерживаться: он не решался противоречить Жюльену и оказывать на него давления, с другой стороны, не мог предоставить его собственной судьбе.

Он видел, с какой жадностью Жюльен накидывался на газеты, и не мог воспрепятствовать даже этому. Ему оставалось только благодарить провидение, которое устроило так, что журналистам приходится постоянно обновлять свое меню и что даже самые грандиозные скандалы утрачивают интерес, как только сказано последнее слово.

Он тоже просматривал газеты от начала до конца и с нетерпением ждал почты. Но его радовало именно то, что нет ничего нового и что все «в порядке». Ему удивительно повезло; все шло своим чередом, и если бы только Жюльен начал работать... Жюльен игнорировал недовольство отца, которого не мог не заметить.

— Если вас так огорчает моя нетрудоспособность, уезжайте отсюда, — сказал он ему однажды. — А мне как раз нравится здешняя распушенность нравов. Я вообще не собираюсь возвращаться во Францию. Здесь... — он указал рукой на сверкающий лазурью небесный свод, потом на тонувшую в полумраке комнату, — здесь нет условностей, и интрига парадоксально сочетается со свободомыслием. Это как раз в моем духе.

— Вы решили не возвращаться во Францию? — повторил старый Гиз, сам не зная, радоваться ему или огорчаться таким решением.

— Ради чего? Там все вульгарно и тупо. Я не вижу в этом ничего привлекательного.

Но в глубине сердца он продолжал тосковать по Парижу, даже пыль и запах рынков которого были ему бесконечно дороги. Экзотическое очарование жгучей Африки было бессильно изгнать из его сердца эту любовь к Парижу и воспоминания о том, за что он

любил его.

Он упорно и безнадежно тосковал по Саре, все время меняя свои планы — остаться... уехать...

В один прекрасный день он даже взял билет до Марселя, но в последнюю минуту одумался.

Для чего он поедет?

Колен ответил на его второе письмо коротенькой запиской, в которой сообщал, что все обстоит благополучно и что он не должен мучить себя понапрасну.

Все обстоит благополучно!

Он постепенно привык к мысли, что Сара любила Шарля Кэртона, — мысли, первое время сводившей его с ума. У него осталось только чувство безграничной тоски, овладевшей всем его существом и убивавшей в нем последнюю энергию. Как только он принимался за работу, она сжимала его сердце своими ледяными пальцами и снова подчиняла своей власти.

И он даже не стремился вырваться на свободу, хотя и сознавал свое порабощение: им овладела та глубокая апатия, которая вернее сильных страстей доводит человека до самоубийства.

Старик Гиз посоветовался с Варроном, которого случайно встретил на улице.

Варрон застрял в Тунисе. Его тоже привлекала восточная свобода нравов и, обосновавшись в одном из самых плохих кварталов города, он вел тот образ жизни, который считал наилучшим и который, в сущности, был наихудшим из всех возможных образов жизни.

Варрон был лично оскорблен тем, что Жюльен перестал употреблять морфий, и с нетерпением грешника, которому всегда доставляет удовольствие неуспех сильных духом, ждал его вторичного «падения».

Он поговорил с Жюльеном, в качестве доктора, и дал ему убийственные советы.

— Это поможет вам сосредоточиться, — пообещал он с коварной усмешкой.

— Разве вы находите, что мне недостает сосредоточенности? — спросил Жюльен, которого сместило поведение Варрона.

— Сосредоточенности на чем-нибудь здоровом, — ядовито поправил его Варрон, наслаждаясь смущением своего собеседника.

Не прошло и недели, как Жюльен, чтобы дать выход смутному брожению, охватившему его мозг в результате лечения, предписанного Варроном, с головой погрузился в исполнение своих обязанностей, подобно человеку, который из огня бросается в воду.

Он чувствовал, что с ним творится что-то неладное, работал не покладая рук и заставляя недовольных подчиненных идти с ним в ногу.

Первым долгом он разобрался в накопившейся за время его отсутствия корреспонденции и единолично довел ее до минимума в минимальный срок, потом приступил к своим непосредственным обязанностям.

Служащие прямо возненавидели его, и он отвечал им тем же, не скупясь на строгие замечания и оскорбительные смещения и пожиная похвалы предержавших властей, которые поздравляли де Суна с блестящими административными способностями его протеже.

Сун поспешил известить об этом Жюльена, намекая на то, что благодарность правительства выразится новым повышением.

Жюльен без всяких комментариев передал письмо де Суна отцу. Его глаза были по-

прежнему печальны и равнодушны.

Старый Гиз вспыхнул от удовольствия и вопросительно взглянул на сына. Тот молчал, уставившись в одну точку.

«Когда же? — с тоской подумал старик, — когда же, наконец?..» — Приятные известия, мой мальчик, очень приятные, — счел он нужным заметить вслух.

Жюльен ничего не ответил, постоял у открытого окошка, потом вышел из комнаты, едва кивнув отцу головой.

Им овладело безграничное отчаяние.

Все усилия напрасны: он может подчинить свой разум своей воле, но не в его власти изгнать из своего сердца воспоминания о прошлом. Они ждут только удобного случая, чтобы всплыть из недр его души, а исчезая временно, оставляют на своем месте безысходную, беспредметную тоску.

Он заказал мотор и отправился в город разыскивать Варрона.

Через несколько дней, с полным сознанием своего нравственного падения, он в первый раз переступил порог тайного притона, где все стоило безумных денег; чем чаще он там бывал, тем туманнее делалось это сознание, и, наконец, наступило время, когда он перестал думать, окончательно опустился и утратил свою личность.

ГЛАВА XX

Вместо роз шипами

Увенчай чело,

Мрак царит над нами,

В этом мраке все.

Роберт Никольс

Время, как таковое, перестало существовать.

Не было ни дней, ни часов, ни минут, а только одно сплошное время, бесконечное и безграничное.

Нервное напряжение, которое Сара старалась поддержать в себе, борясь с охватившим ее ужасом, постепенно сменялось апатией под влиянием однообразной тюремной жизни.

Каждый из нас способен на возвышенные порывы, но только немногие удерживаются на этих вершинах.

Нравственный подъем всегда требует жертвы, а самопожертвование, как и всякое проявление героизма, всегда зависит от минутного настроения, являясь его реальным воплощением.

Длительность не входит в схему подобных переживаний, за исключением тех людей, которые не боятся страданий и стойко переносят их во имя чего бы то ни было.

Сара принесла великую жертву во имя своей любви, и ей удалось удержаться на высоте этой жертвы, если не считать мимолетных приступов слепого ужаса, с которым она энергично боролась.

До суда ей легко было поддерживать в себе это настроение, потому что к нему бессознательно примешивалась надежда на оправдание. Теперь наступила реакция: после интенсивных переживаний, после всеобщего сочувствия и мук ожиданий она оказалась предоставленной самой себе, ввергнутой в одиночество и вынужденную бездеятельность.

Она мысленно сравнивала свое настоящее положение с счастливым прошлым летом, которое сулило ей неземное блаженство и дарило минуты страстной любви. Золотое, сверкающее, животворящее лето... а теперь... Мертвая тишина, время, которое перестало быть временем, а в ней самой какое-то оцепенение, которое туманит ее сознание, но не окончательно, словно прилив волн, не достигающий краев водоема.

Год — это вечность, когда день кажется годом, а год днем. Смена дней и ночей, всегда один и тот же женский голос, грубая, неприятная работа...

Только одиночные заключенные знают весь ужас тишины и тот страшный ущерб, который наносит рассудку прекращение обычных, повседневных звуков жизни: голоса, замирающего вдали, хлопанья дверей, грохота телег, шуршанья метлы или скрипа выдвигаемых ящиков.

Тишина издевается над вами, окутывает вас зловещим туманом и давит вас, как кошмар, являясь достойным партнером безвременного времени.

Сара, которая после выпавших на ее долю потрясений особенно мучительно переживала это состояние, чувствовала, что разум ее мутится и что тишина и время высасывают из нее одну мысль за другой. Ей казалось, что даже солнечные лучи, светлыми полосами лежавшие на темной стене, такие же узники, как она.

А когда однажды маленькая птичка подлетела к ее окошку, она в ужасе захлопала в ладоши, чтобы прогнать ее, и долго еще дрожала от страха за маленькое создание, прислушиваясь к шуму удаляющихся крыльев.

Она совсем перестала думать о Жюльене, вспоминая о нем только в связи с другими людьми и событиями; Жюльен, как человек, которого она любила, перестал существовать.

Но других — Лукана, Колена, судью, Доминика Гиза, Коти — она часто видела во сне.

Тюремный священник, добродушное и покорное создание, навестил ее в ее одиночестве.

Она упорно молчала все время, но, когда он встал, жалобно воскликнула:

— Не уходите, пожалуйста, не уходите!

Добрый человек был потрясен этим зрелищем: он привык к закоренелым преступникам, истеричным и аффектированным, а эта женщина-ребенок смотрела на него такими жалкими глазами. Тюремный доктор тоже нанес визит Саре и тоже пришел в ужас от ее нравственного состояния, несмотря на то, что по самому роду своих обязанностей давно привык к жестокому хладнокровию.

На следующий же день Сару перевели в другую камеру, а через час после ее переселения туда вошла еще одна женщина.

Она взглянула на Сару и засмеялась, обнажая очень белые зубы между очень накрашенными губами.

— Вот нас и пара, — сказала она.

Голос ее звучал вульгарно, а внешность производила, выражаясь мягко, странное впечатление.

У нее были выкрашенные в пепельный цвет волосы, концы которых были гораздо светлее корней, прекрасные светло-голубые глаза с до того подведенными ресницами, что тушь отваливалась от них кусочками, образуя на ее щеках подобие родимых пятен, очень напудренное лицо и губы в виде двух ярко-красных полос.

Очевидно, даже в тюрьме она продолжала заботиться о своей наружности.

— Ну, вот и прекрасно, — снова заговорила она, — я знаю, кто вы такая, и думаю, что вы знаете, кто я.

Сара отрицательно покачала головой.

— Да у вас никак тюремная лихорадка, душечка! — продолжала новоприбывшая. — Первым делом теряют голос. Многие страдают этим. Только не я! Надо что-нибудь поэнергичнее, чтобы заставить меня замолчать.

Она подошла к Саре, и смешанный запах мускуса и пачули стал еще приторнее.

— Я читала про вас в газетах. Мне очень жалко вас, душечка.

Она положила свою мягкую руку на плечо Сары.

— Как это вас угораздило укокошить его? Я только слегка пырнула Ческо ножом, а Богу известно, что он заслуживал большего.

Она уселась рядом с Сарой по-турецки, маленькая, плоская и гибкая, с мальчишескими движениями и мальчишеским выражением лица.

— Не хочется говорить, раз вы не отвечаете, — заметила она, щуря свои голубые глазки.

— Вы чистокровная графиня? Мне на редкость повезло: я еще никогда не имела дела с графинями!

Она заглянула Саре в лицо и неожиданно обняла ее за шею.

— Очухайтесь, моя курочка! Вы и на меня нагоняете тоску.

— Мне очень жаль, — равнодушно проговорила Сара.

— Ну, молчите, молчите, если не можете говорить. Меня зовут Кориан, а вас я так и буду звать графиней. Это звучит очень красиво!

Она прошлась по камере.

— О, родные места! Положительно мне здесь нравится, — сказала она. — Я к ним привыкла. И всегда отсиживаю за одно и то же. И всегда мне кажется, что я бью мерзавцев. Впрочем, может быть, все люди мерзавцы! Я не верю, чтобы существовал хоть один человек совсем благородный, я хочу сказать — благородный и внутри, и снаружи, и умом, и сердцем! Ведь даже самый лучший сорт, те, которые сочетаются браком на всю жизнь, и те путаются с другими. Я в этом уверена, мы все такие! Прямо непонятно почему, если верность такая привлекательная черта характера, мы все-таки с самого рождения имеем склонность блудить? Точно дети, которым хочется того, чего нельзя. Это общее правило и для аристократов и для простонародья, для вас и для меня — мы все попадаемся на это. Вот он, Ческо, — прибавила она таинственно, извлекая откуда-то маленькую фотографическую карточку. — Я ему посчитала ребра; надеюсь, что это его успокоит! Ведь он тенор, а я нарушила правильность его дыхания. Вот ему и придется посидеть спокойно и подумать обо мне. Замечательный голос, надо отдать ему справедливость, от которого дрожат поджилки и мороз пробирает по коже! И ведь красив, не правда ли? На десять лет моложе меня, но это не имеет значения, когда любишь по-настоящему. Мне 34 года, но я выгляжу и всегда буду выглядеть моложе. Пребывание в тюрьме всегда молодит меня. Я и худею здесь и отдыхаю.

Она прошлась по камере, мурлыча какую-то песенку, потом проделала балетный пируэт.

— Когда мы с Ческо танцуем, мне кажется, что у меня вырастают крылья. Особенно хорош танец любви, который у нас в моде, очень хорош! Он приманивает публику, как сливки кошку. Чем больше даешь, тем больше просят. Мы с Ческо умеем доставить ей удовольствие. Мы хорошая пара: он — совсем черный, я — совсем белая. И танцует он прямо великолепно! Я научила его танцевать. И вдруг он влюбляется в Мими, эту маленькую дрянь, которая приехала из Нью-Йорка и которую я сама вытащила из грязи. Я живо спровадила ее туда, откуда она пришла. Мне постоянно приходится сидеть здесь только за

то, что я оберегаю мою собственность. Правосудие преследует вас и когда вы берете чужое, и когда вы отстаиваете свое.

Наконец, она утомилась и присела на свою койку, опираясь локтями на колени и положив свою острую мордочку на сложенные руки, которые, как это часто бывает, выдавали основные черты ее характера: маленькие, с широкой ладонью и тонкими пальцами, из которых большой был совершенно вывернут наружу, они свидетельствовали об ее алчной натуре, упорной в достижении намеченной цели.

Саре она и нравилась и не нравилась; во всяком случае, это было живое существо, которое двигалось и говорило, чудесным образом нарушая мертвую тишину.

— Вы, наверное, очень красивы, не здесь, конечно. Воображаю, как хорошо вы жили до сих пор! Расскажите.

Саре было неловко уклониться от этого прямого вопроса.

— Мне не хотелось бы вспоминать... — сказала она.

— Разве можно забыть?

Эта простая фраза установила первый душевный контакт между Сарой и маленькой танцовщицей: Сара тоже чувствовала, что не вспоминать — еще не значит забыть. И, несмотря на отупение, которое только и спасло ее, притупляя ее страдания, в глубине ее души таились, точно побеги под покровом снега в суровую зиму, обрывки воспоминаний, которые пробивались иногда наружу, и тогда она думала о прошлом сознательно; бессознательно она была всегда во власти этих воспоминаний.

И теперь она мысленно перенеслась в вестибюль своего дома с мраморным мозаичным полом и расписанными стенами, с громадными зеркалами от пола до потолка, которые привез откуда-то еще дедушка Коти, на деревянную пологую лестницу, первая площадка которой была уставлена сиденьями в стиле ампир с несколько полинявшей розовой обшивкой и итальянским столиком с инкрустациями посередине, в коридор, который тянулся по обе стороны этой площадки, направо — до ее апартаментов, налево — в половину Коти.

Ей вспомнилась ее собственная комната, отделанная под слоновью кость, глубокие кресла, обитые ситцем, на котором нелепые разноцветные попугаи порхали среди ветвей вистарии, грациозный лакированный письменный столик с золотыми украшениями...

Прошлая осень была очень суровая — и Гак часто подавала ей чай в этой комнате. Как хорош был ее чайный китайский сервиз с чашками в виде скорлупок нежного палевого цвета, который Коти подарил ей, когда был еще женихом...

Чай, настоящий чай, изящество и уют, весь комфорт, необходимый для щепетильно чистоплотной женщины!

Она с отвращением оглянулась: в камере пахло гнилью и было далеко не чисто.

Ее тошнило не только физически, но и нравственно; десять месяцев в этой обстановке, целых десять месяцев. Она всплеснула руками и вздрогнула, оцепенение проходило, уступая место отчаянию.

— Я сойду с ума, если останусь здесь, — промелькнуло в ее голове, и только в эту минуту она заметила, что нервно ходит взад и вперед по камере. Она остановилась.

Кто-то вздохнул позади нее, и она вспомнила о Кориан, которая с ужасом смотрела на нее со своей кровати.

— Я испугала вас? Мне это очень неприятно, — сказала Сара, подходя к танцовщице.

— Мне случалось видеть нечто подобное, — ответила глухо Кориан, — но вы выглядите как привидение, как сумасшедшая.

— Я не сумасшедшая, — жалобно сказала Сара, чувствуя страшное утомление после нервного напряжения.

Ей захотелось поговорить с Кориан, но она никак не могла найти темы для разговора. Наконец, ее взгляд упал на портрет, который Кориан продолжала держать в руках.

— Какая вы счастливица, что вам удалось сохранить его, — сказала она, указывая на карточку.

— Посмотрела бы я, как бы ее у меня отняли! — засмеялась Кориан, — я стала бы драться с таким же азартом, как дралась с ним!

Она прищурила глазки.

— Вы знаете, за что я сижу, нет? Ну, так я вам скажу в двух словах. Я пырнула ножом Ческо, моего любовника. Я встретила его с другой женщиной и набросилась на него. И сделаю это опять, даже если мне удвоят наказание. Разве стоит любить, если не можешь удержать того, кого любишь? Я лучше убью его совсем, чем уступлю его другой женщине. Теперь он пролежит в больнице до моего выхода из тюрьмы. Но он и так бы меня дождался: он клялся на суде, что я не тронула его даже пальцем, и это написано в протоколе. А вы за что сидите? Я читала газеты, но не совсем поняла, в чем дело. Тоже любовный поединок, только вы уколошили его насмерть? Не понимаю, как это с вами случилось! Вы не производите впечатления кокетки и совсем не похожи на тех подлых женщин, которые дразнят мужчин. Я не стала бы водиться с вами, если бы была о вас такого мнения, потому что ненавижу эту породу. Ни то ни се, ни рыба ни мясо, самая отвратительная порода! Я называю прогнившими тех женщин, которые пробуждают в мужчине страсть только для того, чтобы получать подарки и принимать ухаживания, и которые гонят его, когда он им больше не нужен. Преподлая порода, и если вы присмотритесь к ним поближе, то увидите, что ими руководит одно самодовольство. Они не способны любить и удовлетворяются лестью, поцелуями и сознанием, что водят мужчин за нос. Не понимаю, какие мужчины могут попадаться в их сети. Я не ценю их ни в грош. У вас, в высшем обществе, их гораздо больше, чем у нас. Может быть, потому, что мы слишком бедны для таких претензий. У нас или все, или ничего. Что касается меня, то я предпочитаю быть самой обыкновенной вульгарной женщиной, чем походить на этих подлых кривляк.

За стеной послышались шаги «обхода».

Сара даже не сдвинулась с места, чтобы, согласно положению, приготовить себе постель. Доминик Гиз и эта канатная плясунья говорят одно и то же!

Она не то с возмущением, не то с раскаянием опустила голову.

ГЛАВА XXI

Увы! печальней «никогда»

Звучит порой для вас «всегда».

Поль Верлен

Кориан была самой обыкновенной женщиной, но она была добра и сверх того обладала качеством, которое в жизни мужчин играет более важную роль, чем ум, красота и даже богатство — Кориан умела создавать домашний уют.

Куда бы ни закинула ее бродячая, беспутная жизнь, она в мгновение ока устраивалась уютно.

— Уютный дом — первое дело для мужчины, душечка, — поучала она Сару, — он ценит его выше поцелуев, выше денег, выше всех женских прелестей. Приготовьте ему мягкую постель, накормите его горячим обедом, дайте ему, при случае, напиток, позвольте ему говорить о самом себе — и он будет любить вас вечно. Говорите ему, что вы знаете, как он устает и как трудна его работа, превозносите его гениальность (особенно если он дурак), держите в порядке его вещи — и вы можете быть уверены, что он вас никогда не бросит.

Кориан творила просто чудеса в камере, хотя творить было, собственно, не из чего, но в этом-то и заключалось ее искусство. Затем она забрала в руки самое Сару.

— Я не успела обзавестись ребятами, да и впредь не собираюсь. Я не могу позволить себе этой роскоши из-за моей специальности. Теперь хочу попробовать на вас. Вам нужна нянька — это факт.

Она отобрала у Сары деньги и достигла многого там, где Сара не достигала ничего.

У них появилось мыло, горячая вода, чистые полотенца, и хотя сама Кориан не чувствовала потребности в частых омовениях, она все-таки хлопотала, чтобы доставить удовольствие Саре.

В первый день Рождества Сару посетили Гак и Лукан; свидание происходило в разгороженном коридоре, причем арестанты стояли с той стороны, которая примыкала к камерам, а посетители — с другой; надзиратели были обязаны присутствовать при свидании.

Гак дала себе слово не плакать, но строила такие гримасы, что Сара воскликнула:

— Не надо сдерживаться, дорогая Гак, вы можете плакать...

И они плакали и смеялись одновременно.

Гак принесла массу новостей: передав поздравления Франсуа и Вильяма, она пустилась в красноречивое описание образа жизни леди Дианы и «графа».

Сначала Сара не поняла, о ком идет речь, потом сообразила, что Гак говорит о Роберте и говорит очень недоброжелательно.

— Он страшно важничает, мисс Сара, но, несмотря на все свое самодовольство и чванство, он самый несчастный человек в мире. Он прекрасно знает, что никто так хорошо не относился к нему, как вы, и, наверное, раскаивается в своем поведении.

Маркиз де Клев поручил Лукану передать Саре свои лучшие пожелания.

Сам Лукан показался Саре еще изнуреннее, чем прежде.

— Вы выглядите лучше, чем я мог этого ожидать, — сказал он ей, — но в случае, если вы заболаете, я немедленно переведу вас в больницу. У меня есть возможность сделать это. Не нуждаетесь ли вы еще в чем-нибудь? Вам осталось томиться только восемь месяцев.

Саре очень хотелось расспросить его о Жюльене, но она не смела, помня предостережение Колена. Между тем изящная фигура Лукана по ту сторону решетки и даже его руки в узких манжетах странно напоминали ей Жюльена, особенно правая рука с золотыми часиками около кисти. Мелочи чаще, чем серьезные вещи, пробуждают в нас воспоминания о прошлом.

О, если бы эти руки действительно принадлежали Жюльену!

Гак не плакала, прощаясь с Сарой.

— Через три месяца мы снова увидимся здесь, — сказала она.

Сара прислушалась к их замирающим шагам, потом вернулась в камеру, где Кориан напрасно ждала Ческо. Они в молчании встретили сумерки: на душе у обеих было слишком тяжело для разговоров. Снежные хлопья мелькали в окне, еще усиливая чувство отчужденности и точно хороня под своим белым покровом даже воспоминания о прошлом.

Сара постаралась стряхнуть с себя оцепенение и протянула Кориан руку.

— Кориан!

— С наступающим праздником, не так ли?

И Кориан уже смеялась, не успевая утирать слезы, которые, смывая тушь, черными полосами струились по ее лицу.

— И все-таки он мог бы навестить меня, этот... — последовал нецензурный эпитет.

Сара уже привыкла к подобным выражениям.

— И все-таки он мог бы навестить меня... — повторила она мысленно только первую половину фразы.

О, если бы из волшебного края, где на голубом небе всегда сияет солнце, он действительно пришел к ней, чтобы заключить ее в свои объятия, чтобы целовать ее, как прежде, чтобы ощущать ее близость, как это бывало в дивные вечера прошлого лета, когда они, тесно прижавшись друг к другу, забывали обо всем на свете!

Кориан внезапно прервала ее мечтания.

— Я напишу ему, — воскликнула она в бешенстве, — уж я покажу ему! уж я проучу его! Душенька, одолжите мне пять франков: старуха Агнесса не откажется опустить мое письмо за эту плату... — Она выкопала откуда-то клочок бумаги и обломок пера, пристроилась на полу перед кроватью и приступила к делу.

Сара с завистью следила за ее движениями.

Если бы и она могла написать Жюльену!

Но Колен раз навсегда предостерег ее от поползновений переписываться с Жюльеном. Но почему бы ей не писать ему только для того, чтобы облегчить свою душу, не отсылая этих писем и не рассчитывая на ответ?

Как это раньше не пришло ей в голову!

Она боялась, что не может начать, но нужные слова нахлынули сами собой.

«Дорогой, у меня только что был Лукан, и, прощаясь с ним, я заметила (я знаю, что вы будете надо мной смеяться, как и прежде, когда вам казалось, что я слишком «ребячлива»), я заметила, что он употребляет ваш сорт мыла. Легкий запах этого мыла донесся до моего обоняния, и сердце мое так же мучительно сжалось, как при воспоминании о ваших поцелуях. Я совсем утратила способность думать последовательно, мысли проносятся в моей голове, как гонимые ветром осенние листья; золотых мало, темных и сухих больше, черных, увы, сколько угодно! Жалкое сравнение, и я не хочу на нем настаивать. Если бы вы только знали, как мне отрадно писать вам! Это придает мне бодрости и позволяет мечтать о будущем, что особенно трудно здесь, потому что однообразие тюремной жизни напоминает смерть и наполняет душу безграничным ужасом.

Но сейчас я хочу мечтать, общение с вами ободряет меня.

Еще восемь месяцев, — а там ваша близость, ваши поцелуи... Дорогой мой, любовь моя, через восемь месяцев! Я мысленно целую вас в моем мраке, мой светлый возлюбленный!» Второе письмо было написано пятью днями позже:

«Я видела вас сегодня во сне и уверена, что все будет к лучшему. Если бы только я могла говорить с кем-нибудь о вас! Но я и хочу и не хочу этого. Иногда так тяжело не иметь возможности поговорить о том, кого любишь и кем гордишься, не иметь возможности похвастать его замечательными качествами! В былое время я сама смеялась над женами, которые восхваляют своих мужей. Мне это всегда казалось «дурным тоном» и отсутствием такта...

Как изменяются мнения! Я уверена теперь, что в любви не существует дурного тона. Если бы влюбленные не делали себе фетишей из приличий, они были бы гораздо счастливее! Полюбив, они прямо говорили бы друг другу: да, мы любим, и время не уходило бы на глупые формальности: всякие сроки, семейные пересуды, оповещения и согласия родственников и т.д., и т.п.

Мне не хочется говорить с вами о моей здешней жизни. Я стараюсь не думать о ней, пока пишу вам, но о Кориан все-таки стоит сказать несколько слов. Кориан — та особа, которая живет со мной в одной камере. Ей тридцать четыре года, но это настоящий чертенок, стройный и гибкий. Жизнерадостность ее неугасима, как пламя, и не имеет пределов. Некоторые из моих привычек вызывают в ней приливы бурной веселости, которая навлекает на нее наказания (что не мешает ей продолжать в том же духе). По профессии она танцовщица кафешантана, и у нее есть любовник с оливковым цветом лица, карими глазами, слишком длинными для мужчины ресницами и сладким голосом, от которого «трясутся поджилки и мороз продирает по коже», — я цитирую ее выражения. Кориан влюблена в него до безумия. Сама она и черт, и ангел одновременно. Впрочем, для меня только последнее, потому что доброта и внимание ее ко мне не имеют пределов: она ухаживает за мной, как преданная нянька. Так как здесь не разрешают курить, она все время жует табак. Мне хотелось бы только, чтобы у нее были менее радикальные убеждения. Но ведь, в сущности, все зависит от точки зрения. Для Кориан многие из наших взглядов, особенно наше доверие друг к другу, та свобода, которую мы друг другу предоставляем, кажутся опасными и неправильными; мы, со своей стороны, находим вульгарной профессию кафешантанной плясуньи.

Мне так хотелось бы знать подробности вашей жизни: как выглядит дом, в котором вы живете, в чем состоят ваши обязанности, как вы одеваетесь, а главное — что вы думаете обо мне и часто ли вы обо мне думаете? Я не сомневаюсь, что вы думаете обо мне, и не боюсь ваших мыслей, дорогой! Колен обещал мне, что расскажет вам обо всем, и я только что получила известие, что он к вам уехал. Мы никогда не будем говорить с вами о прошлом, я вполне полагаюсь в этом на ваше великодушие.

Не знаю почему, но это глупое, ненужное письмо дает мне ощущение бесконечной близости к вам.

Я знаю, что я эгоистка, Жюльен, ведь это так? Я пишу эти письма, которые вы никогда не получите, только ради собственного удовольствия, и только любовь к вам движет моим пером, только любовь...»

ГЛАВА XXII

*Мимолетны и счастье, и горе,
Мимолетны и гнев, и любовь,
До известного только предела
В нас волнуется кровь.
Мимолетны часы наслаждений.
Наша жизнь как томительный сон:
После кратких минут пробужденья
Мы в другой погружаемся сон.*

К концу весны, которая совсем не походила на весну, так как все время стояла холодная, пасмурная погода, Кориан ожидала свой срок наказания. Она не сообщала об этом Саре до последней минуты.

— Я нарочно скрывала от вас это, — сказала она, с волнением пожимая ей руку, — мне хотелось, чтобы вы как можно дольше думали, что я останусь с вами до конца. Знать, что кто-нибудь выходит раньше, — всегда тяжело. Я, конечно, рада, что выхожу, но из-за вас это меня огорчает. Что вы будете делать одна? Вы такой ребенок! Я уверена, что и на свободе вы такая же. Вы не умеете добираться до сути вещей — вот что я хочу этим сказать. Поверьте мне, возьмите себе за правило изречение (оно годится как для тюрьмы, так и для жизни): «Поступай с другими, как они поступают с тобой»; это золотое правило, особенно для женщин. Не будьте так доверчивы. Теперь — другое. Я часто слышу, как вы бредите, причем вы всегда твердите одно и то же имя, и это не его имя. Вы зовете какого-то Жюльена. Я не собираюсь вмешиваться в ваши дела. Мое правило: не расспрашивай, догадывайся сама и не верь лживым уверениям. Но с вами совсем другое дело: вас я не расспрашивала, потому что знаю, что вы сказали бы мне правду: люди вашего сорта никогда не лгут. Но я и сама могу догадаться, что дважды два четыре, если мне дадут срок на размышление. Так вот, если у вас есть письмо (ведь вы только и делаете, что пишете и стираете написанное), которое вы хотели бы отправить кому-нибудь, то клянусь, что оно пойдет и дойдет по назначению! Мы тоже имеем связи, и вы можете мне вполне довериться.

Беличье личико выжидающе смотрело на Сару.

— Я и хотела бы, да не могу, — прошептала Сара, — у меня нет готового письма, дорогая Кориан.

— Может быть, так и лучше, — сказала Кориан после минутного размышления. — Моя старуха мать всегда говорила мне: никогда не пиши мужчинам, ничего не пиши, особенно...

Сара усмехнулась.

— И моя мать того же мнения. Она всегда проповедует: ни одного написанного слова; делайте, что хотите, говорите, что хотите, но делайте это осторожно и никогда, никогда не переписывайтесь с мужчинами, особенно с женатыми. Тогда вас будут уважать, даже если вы недостойны уважения.

— Ваша мамаша не очень-то интересуется вами, по-видимому, — бесцеремонно заметила Кориан. — Даже странно, что вы никогда о ней не упоминаете. Держу пари, что вы не очень-то расположены друг к другу.

— Некоторые матери недостойны этого имени, — с горечью сказала Сара. — Материнские обязанности для них обуза, и они не уклоняются от них окончательно только из боязни общественного мнения.

— Этого нельзя было сказать про мою старуху, хотя она и выпивала. Впрочем, она пила, как настоящая леди, исключительно ликеры или брэнди и знала в них толк; пива она никогда не употребляла. И по виду она была настоящая леди, в перчатках и с вуалеткой. Ей пришлось уйти из балета, когда она растолстела; брэнди — ужасная вещь в этом отношении.

Кориан умолкла, погрузившись в воспоминания.

— Ее похороны, по самому первому разряду, стоили мне полугодового заработка. Честное слово! Четыре лошади, дюжина факельщиков с белыми перьями, все соседа присутствовали на погребении. Так обидно, что она не могла всего этого видеть, ей бы, наверное, понравилось! Однако вернемся к нашим собственным похоронам! Я зачинала все ваши вещи и раздобыла для вас более или менее приличные простыни, мыла пока хватит, а

что касается горячей воды, пожалуйста, до десятого не давайте этой старой свинье Агессе ни копейки, потом заплатите ей опять, а если она не будет носить, совсем не платите. Главное — не обнаруживайте слабости вашего характера и не уступайте. Как только люди замечают, что кто-нибудь слабохарактерен, они сейчас же садятся к нему на шею. Поэтому берегитесь и давайте им должный отпор.

— Постараюсь, — обещала Сара не без иронии.

— Смейтесь, смейтесь, вы прекрасно знаете, что я говорю правду. Все ваши «пожалуйста» и «очень вам благодарна» не доведут вас до добра с этими свиньями. Они считают такое обращение доказательством слабости характера и стараются использовать эту слабость. Это обычное явление. Можно было бы многое сказать по поводу преимуществ, которые выпадают на долю вежливого человека, — я что-то не вижу этих преимуществ. По моему, гораздо правильное поведение такого рода: видишь вот это, сделай то-то — тогда получишь! Чувство благодарности свойственно очень немногим, одному из миллиона, и еще меньше людей, которые умеют ценить это чувство в других. Я думаю, что гораздо легче быть щедрой, доброжелательной и даже воздержанной, чем благодарной. Честное слово!

В этот последний вечер Кориан впервые поцеловала Сару.

— Я не люблю целовать женщин, — сказала она при этом.

Сара не смыкала глаз в эту ночь; освобождение Кориан вызвало в ней целую бурю бесплодных сожалений, и глубокое отчаяние, которое она с таким трудом преодолела, овладело ею с прежней силой.

Ее снова подстерегало одиночество, этот страшный враг, за спиной которого грозно стояли время и тишина.

Наконец рассвело, и Сара увидела сквозь узкое тюремное окно кусочек серого, тоскливого неба.

Кориан крепко спала; пепельные волосы, которые значительно потемнели за это время, до половины закрывали ее лицо, а губы казались в полумраке совсем черными.

Скоро ее не будет.

В коридоре послышался повелительный голос надзирательницы, будившей арестанток.

Кориан проснулась.

— Я выхожу сегодня, — закричала она, сияя от радости, но в ту же минуту вспомнила о Саре.

Она бросилась к ней и нежно обняла ее за шею.

— Вам будет легче, если вы выплачете свое горе. Только не смотрите на меня такими ужасными глазами. Вам осталось всего четыре месяца — ну что такое четыре месяца? Они пролетят, как стрела. А когда вы выйдете отсюда, будет уже лето. Подумайте только — лето, и мы все придем вас встретить, и через пять минут вы забудете, что сидели в этой проклятой тюрьме. Полно, полно...

Она прижимала к себе Сару, чувствуя, что счастье, ожидающее ее через несколько часов, испорчено горем, которое оно приносит Саре.

— Кажется, выходить из тюрьмы хуже, чем оставаться в ней, по крайней мере, на этот раз, — сказала она со вздохом, вызывая своим замечанием улыбку на губах Сары; но за этой улыбкой последовали рыдания; Сара плакала, как маленькая девочка, с таким же жалобным отчаянием, припав к Кориан, которая утирала ее слезы и успокаивала ее, в первый раз в жизни испытывая бескорыстное сострадание.

Если бы ей разрешили, она бы осталась; но подобная жертва была неосуществима.

— Я осталась бы, — сказала она Сару в последнюю минуту, — и вы никогда не заметили бы, что я сожалею о своем поступке, даже если бы по временам мне и было тошно.

Слезы успокоили Сару, и даже радостное восклицание, с которым Кориан выскочила из камеры, не произвело на нее слишком тяжелого впечатления.

Она села писать Жюльену.

«Пока мы любили друг друга и были вместе — ничто на свете не могло нарушить моего счастья. И даже теперь, в минуты душевного подъема, я близка к этому состоянию, но, увы, дорогой, такое возвышенное настроение духа бывает не часто, и любви приходится уступать место другим чувствам. Чувство одиночества — самое ужасное из них! Я не пожелаю его даже злейшему врагу! Начинает казаться, что для того, чтобы не сойти с ума, надо каким-нибудь образом подчинить это одиночество своей власти. Вам хочется наброситься на него с дикой злобой и бить его кулаками. До тех пор пока тюремное заключение будет вместе с тем и одиночным заключением, тюрьма не приносит результатов, которые от нее ожидают; сводить людей с ума — плохой способ наказания, обнаруживающий преступную близорукость. Отсидевший одиночное заключение делается еще хуже, чем был прежде.

Предположим, что он вор и приговорен на год одиночного заключения. Такого человека можно считать дефективным, по сравнению с другими людьми, уважающими закон, он слишком алчен и восприимчив к дурному. И вот этого человека обрекают на целый год (причем это делается как будто ради его пользы) на одиночество и молчание. Его испорченная натура борется с ужасом одиночества и только укрепляется в своих низменных стремлениях. Это и понятно. Потому что вместо того, чтобы постараться заменить его вредное мировоззрение полезным, его деспотически оставляют с самим собой. Тюрьма не должна быть проявлением только насилия. Преступники имеют право на свет, чистый воздух и общение с другими людьми, с такими, которые могли бы оказать на них благотворное влияние. Отнимите у преступника свободу, развлечения и комфорт, но не лишайте его общения с благородными душами, которые могли бы воздействовать на него своим примером».

Сара остановилась. Письмо не походило на любовное послание, но ей стало легче, когда она его написала.

Затем следовала коротенькая приписка:

«В камере очень холодно, и у меня на сердце тоже. Я хотела бы, чтобы вы согрели меня; мне недостает вас, как солнца! Даже трудно представить себе отсюда, что на дворе весна. Около моих окон растет крошечный миндаль, и я все время слежу за ним; недавно на нем появилось несколько почек. Милое, энергичное, маленькое деревце! Помните ли вы тот миндаль, который рос у нас на дворе, и первые дни нашей любви? Впрочем, может быть, вы не обратили на него внимания, зато я всегда любовалась розовыми лепестками, которые вырисовывались на фоне голубого неба. Мы делаемся такими чуткими, когда любим. Все кажется нам прекрасным, и мы готовы весь мир заключить в свои объятия».

Другое письмо:

«Вы даже не можете себе представить, дорогой мой, как я тоскую по духам, по камину, пламя которого отражалось бы в моих кольцах, по всем мелочам домашнего обихода! Женщины, в сущности, дети. По крайней мере, такова я. Для меня думать — это представлять, и когда я представляю себе, что обедаю дома, мне кажется, что я умру от нетерпения. Чистые салфетки, чистая скатерть, серебро и вкусная, вкусная еда, которая так и тает во рту! Еда! Я уверена, что все люди падки до вкусной еды, что бы ни говорили о

низменности вкусовых ощущений эстеты. Этих эстетов следовало бы посадить на месяц на плохое питание и посмотреть по истечении этого срока, нашли бы они тему об еде по-прежнему вульгарной.

И еще я хочу вымыться, мыться без конца, привести в порядок мои волосы, мне так хочется, — я знаю, что это мелочное желание, — но мне все-таки так хочется быть чистой, надушенной и хорошо одетой. Не вините меня за такой материализм! Я не могу говорить о своих более возвышенных стремлениях, это меня слишком волнует...»

Еще письмо:

«Не помню, писала ли я вам, что имею право на одну книгу в месяц. На этот раз у меня томик Бальзака с тремя рассказами, из которых последний, «Покинутая женщина», кажется мне одним из лучших произведений этого рода. Нет равного ему по силе сарказма и пафоса, глубине психологии и красоте слога. Ведь в самом деле человек выигрывает на расстоянии. Полнота обладания — мираж: когда к ней приближаешься, страсти ослабевают. Дорогой, неужели наступит время, когда вы «устанете» меня любить? Жизненный опыт как будто подтверждает неизбежность этого. Но меня лично всегда возмущал афоризм: «Нельзя желать того, чем обладаешь». Разве люди принадлежат когда-нибудь друг другу всецело, и разве даже самая тесная близость не предполагает еще большей близости? Что касается меня, то я предпочитаю, чтобы вы разлюбили меня сразу, чем чтобы я вам надоела. Надоесть кому-нибудь — что может быть ужаснее! Это самое унижительное из всех состояний, пагубное по своим последствиям, потому что оно отнимает у женщины душевную энергию, желание совершенствоваться и даже нравиться. Говорят, что страдания облагораживают человека, но только не страдания попорченной любви! Эти страдания уничтожают веру в себя и все лучшие качества человеческой души.

Но вы, воплощенная правдивость, вы обладаете всеми достоинствами и вы мой, мой единственный — это самое главное!»

Еще письмо:

«Мой ангел-хранитель!

На дворе весна. Скоро (впрочем, нет, я скажу скоро, когда останется всего несколько минут), скажем — в непродолжительном времени, наступит час свободы.

Где мы с вами встретимся?

Я предвижу, что вы скажете, что это будет неблагоприятно, но если бы все-таки вы оказались к этому времени в Париже! Случайно... Это будет в конце июля. Ведь вам могло бы быть и неизвестно, что я выйду в это время. Во всяком случае, я постараюсь как можно скорее уехать в Тунис и, конечно, уже никогда не вернусь из рая на землю. Не знаю почему, но сегодня мне все время хочется вспоминать, какого цвета ваши волосы. Я знаю, что они белокурые, но термин «белокурые» имеет столько особенностей и индивидуальных оттенков. Вернее сказать, что ваши волосы цвета спелых колосьев, освещенных солнечными лучами. А какие они густые! Мне ли не знать этого! Бобрик, настоящий бобрик! Взглянуть бы на вас утром! Вероятно, лохматый-прелохматый и такой милый! Нет, лучше не думать...»

Еще письмо:

«Я не докончила письма, это и неудивительно. Но я и не жалею, что написала такое нелепое письмо. Бывают дни, или, вернее, вечера (если говорить точнее), когда я чувствую вас около себя. Я слышу ваш спокойный, низкий, властный голос, который так нравится женщинам и сила которого именно в его спокойствии; я чувствую прикосновение вашей манжеты, и мне представляется, что я черчу своим пальцем на вашей правой руке мои

инициалы — клеймо, чтобы все знали, что вы мой, потом черчу ваше имя и включаю все в очертания сердца. Какие глупые фантазии, но как приятно им предаваться! Ведь влюбленные всегда глупы. Это удел тех, которые остаются детьми на всю жизнь или, через любовь, снова превращаются в детей. Вспомните только наши идиотские разговоры, все те бессмысленные вещи, которые мы говорили друг другу! Однако я готова отдать жизнь за возможность возобновить эти разговоры. То, почему влюбленные всегда говорят на своем особом языке, для меня вполне понятно: это изолирует их от остального мира.

Милая Кориан прислала мне сегодня шоколаду; на бумаге, в которую он был завернут, она написала: «И на воле не сладко! Вам осталось всего два месяца и три недели. Скоро можно будет считать неделями. Будьте тверды в вопросе о горячей воде. Мне вас очень недостает, несмотря на то, что я недолголюбиваю женщин. Да благословит вас Бог, Кориан».

К бумаге было приклеено несколько марок, и когда я их отлепила, то под ними оказалась еще маленькая приписка, очень мелко написанная: «Без марок письма не пойдут, а тюремная прислуга так ленива, что не пожелает сходить за марками, даже если вы ей пообещаете пять франков. Так вот на всякий случай...»

Не правда ли, как трогательно и деликатно? Но я не смею писать вам, хотя у меня и есть теперь марки, эти волшебные маленькие кусочки бумаги, которые обладают даром передавать поцелуи... Писать вам было бы неблагоприятно с моей стороны, и я не буду...»

Последнее письмо:

«Я, кажется, заболеваю, дорогой. Это меня несколько не огорчает, потому что меня переведут тогда в больницу, а я этого очень бы хотела. Мне даже жалко, что я не заболела еще раньше — время прошло бы скорее! Теперь мне остается всего шесть недель. Не думайте, что очень больна, нет: просто маленькая лихорадка и головная боль. Ее бы облегчили прикосновение прохладных рук и опора любящих объятий. Тот кусочек неба, который мне виден в тюремное окошко, сверкает чистой лазурью. Я мечтаю о том, как я буду целовать первые цветы, которые увижу. Думаю, что моя лихорадка — результат томительного ожидания. Я чувствую себя ужасно усталой — мне кажется, что я соскальзываю в царство сна и погружаюсь в забвение. Вероятно, солнце свело меня с ума: оно стоит все на одном и том же месте: на стене камеры... Я прекрасно понимаю, что все это — нервы».

Какова бы ни была причина этого состояния, но оно перешло в беспомысленность, и Сару отправили в больницу.

Немедленно явился Лукан. Он добился свидания с тюремным доктором, завел с ним дружеские отношения и даже оказал ему какую-то небольшую услугу.

Этот врач решил, что Лукан любит Сару. Возможно, что он был недалек от истины.

Во всяком случае, Лукан забросил всех своих пациентов и окончательно обосновался в квартире тюремного врача, чтобы иметь возможность самому лечить Сару.

— Я предвидел это, — сказал он однажды своему хлопотливому, но неопытному коллеге, который так и не поверил, что даже такая знаменитость, как Лукан, может предсказывать болезни.

— На основании чего, г-н Лукан, на каком основании?

— Рано или поздно это должно было случиться. Это было неизбежно для женщины ее организации.

Он часами просиживал у постели Сары, прислушиваясь к ее слабому голосу, которым

она выдавала свои тайны.

Из-за этого он выхлопотал для нее отдельную комнату.

Он о многом догадывался и сам, но всегда считал свои догадки слишком фантастичными.

Теперь, держа в своих руках бессильную руку Сары, он думал о том, как она должна была любить этого человека. Только безумная любовь способна на такую жертву!

А когда она жаловалась на одиночество и гнет безмолвия, ему хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать.

— Черные чудовища преследуют меня, — шептала Сара, — они подкрадываются ко мне и душат меня, они не дают мне ни минуты покоя...

Потом эти «черные чудовища» превращались в зловещие облака, которые клубились в воздухе и от которых тоже не было спасения. Лукан только теперь понял весь ужас одиночного заключения, даже на один год. Один год! Совсем короткий срок! Но он превращается в вечность для таких нервных субъектов, как Сара.

— Дни уже не дни, — бредила Сара, — день — бесконечность, и он тянется, тянется...

Когда она стала поправляться, он пустил в ход все свое влияние и добился в конце концов того, чего хотел: за две недели до срока он усадил Сару в автомобиль, в котором ждала ее Гак, укутал мехами, пожелал счастливого пути и вернулся в Париж.

Франсуа управлял машиной.

Сара прильнула к Гак и жадно оглядывалась по сторонам: поля, дома, грохот автомобиля, настоящего автомобиля!

Она ухватила за плечо Гак.

Неужели это правда? Неужели это правда?

Дыхание ее стало прерывистым, слезы градом струились по ее лицу.

— Ваши испытания пришли к концу, дорогая моя, — настойчиво и успокоительно твердила Гак.

В конце концов Сара уснула, прижавшись к ней.

Гак с грустью наблюдала за своей госпожой. Как она исхудала! Ресницы казались слишком тяжелыми для бледных век, пронизанных синими жилками.

— Испытания кончены, — еще раз повторила Сара для своего собственного успокоения.

Автомобиль остановился. Лукан все обдумал заранее, не упустив из виду ни одной мелочи.

Сара провела свою первую свободную ночь в квартире одного из его друзей, который был в отсутствии и прислуга которого ничего не знала и была воплощенной деликатностью.

Гак наслаждалась.

Она ухаживала за Сарой с таким вниманием и искусством, перед которым побледнело бы даже искусство рабов римских патрициев.

Она расчесала и надушила ее волосы, потом связала их широкой лентой и сделала прическу, которая всегда казалась ей самой подходящей.

Она едва удержалась, чтобы не позвать Франсуа посмотреть Сару в постели.

— Все-таки не годится, — решила она с сожалением.

Но как только Сара уснула, она спустилась вниз, чтобы побеседовать с Франсуа.

Вильям, который тоже проделал путешествие в своей корзиночке, присутствовал при их разговоре.

— Ну, как дела, мадемуазель?

— Мерси, мсье, — любезно ответила Гак, немилосердно коверкая французские слова.

— Завтра мы будем уже в Боне, в четверг, если все будет благополучно, — в Бурге, а в пятницу — дома, в Латрез. Вы одобряете мой план, мадемуазель?

— Вполне, только не надо ехать слишком скоро.

— Само собой разумеется. Впрочем, вы сами убедитесь, как благотворно подействует на миледи горный воздух.

— Будем надеяться, — с сомнением вздохнула Гак.

— Какое у вас доброе, чувствительное сердце, мадемуазель!

— Благодарю за комплимент, мсье, — с достоинством ответила Гак.

А так как Франсуа продолжал смотреть на нее с нескрываемым восхищением, она смутилась и инстинктивно почувствовала, что наступило время, когда ей понадобится весь ее женский такт; но вместе с тем она почему-то не хотела прийти ему на помощь.

Чтобы выйти из затруднительного положения, она направила свое внимание на Вильяма, уверенная, что маленькое животное выручит ее в этих исключительно романтических обстоятельствах.

Вильям был снят с колен Франсуа, где ему было так удобно, и подвергся длительным ласкам Гак.

Он терпеливо вынес это бурное выражение любви, потом мягко, но решительно высвободился из объятий Гак, подошел к Франсуа и положил лапу ему на колени; Вильям понимал затруднительность положения и сочувствовал Франсуа.

— Как ты думаешь, Вильям, какого она о нас мнения? — спросил Франсуа.

— Самого хорошего, — воскликнула со смехом Гак.

— Ну, а если и я... впрочем... — Франсуа ужасно путался, но выражение, с которым он говорил, было красноречивее всяких слов, — ну, а если и я, Эмили.

— Убирайтесь, — прошептала Гак, делая последнюю попытку обратить на себя внимание Вильяма, но Вильям, хотя и не отличался чувствительным сердцем, был, во всяком случае, джентльменом: он вскочил с места и убежал.

Франсуа подвинулся к Гак.

— Я и так убрался, милочка, — сказал он нежно, — мне некуда больше идти, кроме этого направления.

И он неожиданно обнял ее за шею.

— Вот это направление, дорогая.

Возвратившийся Вильям был поражен тем равнодушием, с которым его встретили.

Вильям вообще отличался глубоким сознанием своего собачьего достоинства.

После приветливого твяканья, имевшего целью привлечь внимание этих двух существ, которые были обязаны о нем заботиться, он не стал больше настаивать и преспокойно отправился в комнату Сары.

Дверь оказалась открытой; Вильям не вытер лапы о половик: если другие не исполняют своих обязанностей, и он вправе пренебречь своими.

Он вспрыгнул на кровать, хладнокровно взглянул на грязные следы, которые оставили его лапы на шелковом одеяле, уткнулся в него носом и закрыл глаза.

Гак получит выговор за эти пятна; Вильям чувствовал, что он отмщен.

ГЛАВА XXIII

*В силки поймал я птиц мечты
И пенье слушал их;
Их крылья ярки, как цветы
Пределов неземных,
Которые, как звезды рая,
Меня влекут к себе, сияя.
Фредегонд Шов*

Латрез — крошечная деревушка в горах Верхней Савойи. Чтобы добраться до нее, надо миновать город Клуз, залитый солнцем и окруженный горами, ленивые загорелые обитатели которого целыми днями безмятежно дремлют под тенью виноградных лоз. Только после этого начинается настоящий подъем по дороге, на которой едва умещается автомобиль (беда, если навстречу попадают стада коз или таборы басков) и где воздух освежает и возбуждает, как пенистое вино.

Они не успели обогнуть и первого склона, как Сара уже почувствовала себя лучше.

«Как хорошо!» — невольно подумала она, и это была первая ясная мысль о том, как хороша жизнь, с тех пор как она вышла из тюрьмы.

По мере того как она поднималась все выше и выше, с ее души спадали путы тоски, и постепенно сглаживались больные места.

Она могла мечтать о счастье и даже предъявлять жизни известные требования.

Вглядываясь в густую зелень деревьев и кустарников, она снова ощущала пробуждение своего «я», гармонически сливавшегося с пробуждением окружающей природы.

Прошлое похоронено в прошлом, и даже воспоминание о нем растворяется в потоках света и радужных надеждах.

В этом ослепительном свете ярче всего горит ее любовь к Жюльену.

Ничто не мешает им теперь соединиться; ее страдания пришли к концу, и при мысли об этом ею овладела какая-то непонятная физическая слабость.

Щебетание птички, заливавшейся в придорожных кустах, снова наполнило ее душу ликованием.

Сколько счастья ее ожидает! Грядущее будет сплошным праздником.

— Как хорошо, Гак, не правда ли, как хорошо? — с сияющими глазами обратилась она к своей спутнице.

— Ничего себе, — не спеша ответила Гак, — хотя Новый Парк все-таки лучше.

Сара засмеялась, и ее мысли невольно перенесли в Англию. Ей вспомнилось, как совсем молоденькой девочкой, лет пятнадцати или шестнадцати, она каталась верхом в этом Новом Парке; сквозь изумрудную сетку нежной листвы пробивались ослепительные лучи солнца, и она могла целыми часами молча любоваться этим зрелищем; ей казалось, что вот-вот из-за ветвей деревьев появится сказочный принц и увезет ее в свое волшебное царство. Промчались годы — и скоро она действительно встретится с принцем своих юных грез в другой, не менее волшебной обстановке.

Она решила немедленно запросить по телеграфу адрес Жюльена, а затем телеграфировать ему самому, извещая его о своем приезде.

Только маленькая передышка в Латрез, потом на автомобиле в Марсель, там через море в волшебную страну ее мечтаний.

Она старалась представить себе Тунис на основании того, что читала о нем перед отъездом Жюльена: белый город, бирюзовое небо и зеленоватое, сверкающее на солнце море.

Мимолетное, но яркое видение свободной, счастливой жизни.

Кафе, туземные рынки, арабы и евреи, узкие улицы, узкие дома, которые точно таятся не только от нескромных людских взоров, но даже и от солнечных лучей.

Автомобиль сделал крутой поворот, и показалась деревня, всего несколько домов с красными крышами, над которыми возвышался белый, уединенный замок.

Автомобиль миновал школу, приютившуюся около домика священника, который стоял на пороге, с детским любопытством следя глазами за проезжавшими.

— Я совсем не устала, — сказала Сара Гак. — Я останусь в саду, пока вы раскладываете вещи. Когда все будет готово, приходите за мной.

Она отдала Гак свое пальто и пошла по направлению к маленькому озеру, густо обсаженному деревьями; листва едва пробивалась, но легкая тень от нее все-таки лежала на круглом маленьком столике.

Сара присела на ветхую скамеечку. Птицы весело порхали в лазури небесного свода; откуда-то несло самодовольное кудахтанье курицы, олицетворяя собой мирную деревенскую жизнь. Сара даже засмеялась от удовольствия, — так хорошо ей было здесь под теплыми лучами солнца.

Ее взгляд случайно упал на миндальное дерево, кратковременное цветение которого напоминало о кратковременности всего земного, и она опять вспомнила тот миндаль, под которым целовалась с Жюльеном. Ей стало грустно, хотя она и старалась не поддаваться унынию, которое так долго держало ее в своей власти.

Прошлое кануло в вечность; она должна бодро смотреть в будущее и вспоминать это прошлое без особой горечи, потому что она искупила свою вину.

Трагические события понемногу изглаживаются из ее памяти, не столько с помощью всесильного времени, сколько благодаря тому разнообразию, которое вносят в жизнь такие мелочи, как еда, туалет, переписка с друзьями.

Жизнь никогда не стоит на одном месте.

Она почувствовала, что может спокойно и критически оглянуться назад. У нее не было другого выхода для искупления своей вины, хотя, может быть, наказание и оказалось слишком жестоким.

Шарль был так настойчив, она уступила ему из тщеславия и потому, что чувствовала себя одинокой.

Эти две ничтожные причины вызвали трагическую развязку и смерть Шарля.

Ей пришло на ум, что большинство любовных драм начинается именно с таких ничтожных, тривиальных мелочей.

Она опустила голову; сияние дня не радовало ее больше; в ней заговорила совесть, и она честно осудила свое поведение.

Ведь она прекрасно знала, что Шарль и Жюльен ревнуют друг к другу, знала и все-таки не прекратила своей игры...

Как часто мы понимаем зловерность наших поступков, только когда они порождают зло. Она знала это и раньше и все-таки не остановилась на скользком пути.

Большинство женщин поступали и поступают так...

Тщеславие — преобладающая черта характера женщин, особенно тех женщин, которые

нравятся мужчинам; и она была тщеславна до тех пор, пока не испытала истинной любви.

Она глубоко вздохнула.

Тщеславие и то жестокое милосердие, которое не позволяет женщине оттолкнуть влюбленного в нее мужчину...

Как объяснить все это Жюльену? Ей казалось, что она не сможет этого сделать, даже если бы захотела, и она с ужасом думала о том, какое отталкивающее впечатление должны были бы произвести ее оправдания на постороннего слушателя.

Но прошлого не вернешь — это печально, но неизбежно; раскаяние имеет смысл только тогда, когда оно ведет к искуплению, а она уже и так сторицей заплатила за свой грех. Она встала с места и постаралась отогнать от себя эти грустные мысли.

Перед ее глазами снова пронеслась ужасная картина, яркость которой затемнялась до сих пор ее личными страданиями: ужасное выражение лица Жюльена, торжествующий, неприятный голос Шарля, шум их борьбы, последний победоносный возглас Жюльена. И все-таки она была непоколебимо уверена, что Жюльен не хотел убивать Шарля — он не имел этого преступного намерения и, значит, был невинен в его смерти.

Гак, которая, наконец, пришла за ней, ужаснулась выражению ее лица и постаралась скрыть свою тревогу преувеличенной суровостью:

— Вы в состоянии вывести из терпения даже ангела, миледи! Столько времени просидеть здесь одной; немудрено, что вы ни на что не похожи!

Сара притянула к себе руки, которые заботливо укрывали ее.

— Я все думаю, думаю, Гак. Мне хотелось бы знать: одинаково ли преступны преступные поступки человека. Мне трудно выразиться точнее, но мне кажется...

— Я понимаю, что вы хотите сказать, мисс Сара, — решительно прервала ее Гак, — и уверена, что мы не в одинаковой степени отвечаем за наши грехи. Этого и не должно быть. Мне кажется, что нам зачтутся в полной мере только те из них, которые предумышленны. Если же вы совершаете проступок под влиянием момента, не успев даже отдать себе отчета в том, что вы делаете, то этот проступок не должен слишком тяжело ложиться на вашу совесть. Если бы на земле существовали только такого рода преступления, всем жилось бы гораздо лучше, так как это значило бы, что на свете не существует низких и лживых людей. Потому что ложь всегда предумышленна. Я не говорю о тех людях, которые лгут по вдохновению, — они не имеют отношения к данному случаю. Поверьте, дорогая мисс Сара, если бы мы все следовали завету моей матери и считали до десяти, прежде чем поддаться злему чувству, на свете почти совсем не было бы убийц. — Гак прикусила себе язык при этом ужасном слове, которое невольно вырвалось из ее уст, покраснела, потом побледнела, не зная, как поправить свой промах, и, наконец, залилась слезами.

Сара, не отрывая глаз от гладкой поверхности маленького озера, крепко пожала ей руку.

— Вы облегчили мою душу, Гак, — тихо прошептала она.

Гак всхлипнула в последний раз и с бесконечной преданностью взглянула на свою госпожу.

— Идите домой; надеюсь, вы не собираетесь ночевать здесь... — заворчала она, как только к ней вернулся дар слова.

Позднее, передавая Франсуа свой разговор с Сарой, она мрачно сгустила краски, коря себя за свою опрометчивость.

Но Франсуа нежно погладил ее руку.

— Дорогая моя, — сказал он, улыбаясь, — вы всегда были и будете замечательной

женщиной.

— Оставьте ваши французские комплименты, — прикрикнула на него Гак, которой всегда чудилась насмешка в его лукавой улыбке.

Два дня спустя после этих событий Гак разыскивала Франсуа с приятным и гордым сознанием, что козыри у нее в руках и что она сможет огорошить его из ряда вон выходящей новостью.

Франсуа как раз чистил свою машину и был совершенно поглощен этим любимым занятием.

Глаза Гак горели торжеством, тем торжеством, которое мы испытываем, когда в нашей власти нарушить душевный покой другого сообщением ему новостей, в сущности безвредных и нас лично не касающихся, но все-таки исключительных по своему значению.

— Подождите, Франсуа, — сказала она.

— Я всегда к вашим услугам, — галантно ответил Франсуа, с сожалением отрываясь от машины и откладывая в сторону тряпку.

— Только на минутку, — усмехнулась Гак. — Дело в том, Франсуа, что мы на днях уезжаем отсюда.

Франсуа посмотрел на нее недоверчиво, и его забавно раскрытый рот вполне вознаградила Гак за ее старания.

— В Африку, — невозмутимо докончила она.

— Боже мой! — вскричал Франсуа.

— Только и остается сказать, — согласилась Гак, — прямо не понимаю, что взбрело ей в голову.

— Жажда приключений, по-видимому, — предположил Франсуа.

— Ну что ж! — сказала Гак, с приятным сознанием, что ей удалось нарушить покой мирного труженика, — поживем — увидим.

Она подошла ближе к Франсуа, и он не упустил случая воспользоваться этим обстоятельством.

— Нахал, — закричала она на него, но все-таки вернула ему поцелуй.

Франсуа долго смотрел ей вслед, потом глубокомысленно потер себе подбородок, присел на край своей возлюбленной машины и постарался применить на деле единственное арифметическое правило, которое сохранилось в его голове со школьных времен, а именно, что дважды два четыре.

Накануне он отправил телеграмму в Париж на имя г-на Гиза с запросом об адресе Жюльена Гиза в Тунисе, — поручение, о котором он не нашел нужным сообщить Гак сразу и о котором умолчал и теперь, смутно сознавая, что запоздалое доверие оскорбляет тех, кто любит.

— Значит, в Тунис...

Он едва заметно усмехнулся:

Хотя Гак не выдала ему тайны своей госпожи, он и сам догадывался о многом, между прочим, и о том, как мрачно смотрит Гак на это дело. Он был уверен, что она денно и ночью молит Бога: о, если бы все это кончилось, о, если бы он оставил ее в покое!

Он еще долго просидел бы на одном месте, если бы Вильям не вывел его из этого состояния задумчивости.

Он машинально приласкал животное и заглянул в его тревожно вопрошающие глаза.

— Зачем ей понадобился этот адрес, Вильям? Я решительно ничего не понимаю.

ГЛАВА XXIV

Слишком бережное отношение к своему здоровью — своего рода болезнь, и очень неприятная.

Ларошфуко

Сара сидела в саду и наблюдала за лягушкой, которая вылезла на тропинку. Саре очень хотелось знать, предсказывает ли это маленькое животное перемену погоды или просто изучает природу, нисколько не претендуя на звание пророка. Гак ушла зачем-то в деревню в сопровождении Вильяма, который никогда не упускал случая обогатить свой ум новыми впечатлениями.

Одиночество Сары нарушил мальчик-слуга, сообщивший ей, что г-н Гиз ожидает графиню в гостиной.

Исполнив свое поручение, он удалился, весело насвистывая и спугнув по дороге ту самую лягушку, которая только что привлекала внимание Сары.

Его свист давно замер в отдалении, испуганное земноводное перестало дрожать, а Сара все еще не могла прийти в себя от неожиданности.

Она думала и о нарушенных правах лягушки, и о мотиве, который насвистывал мальчик, — вообще о чем угодно, мысли путались у нее в голове.

Наконец, она очнулась: Жюльен приехал, он ждет ее в гостиной, в гостиной, где она только что сидела и даже оставила свое вышивание...

Как сумасшедшая бросилась она к замку, быстро взбежала по старым каменным ступеням, миновала мраморный вестибюль с кадками вечнозеленых растений и очутилась, наконец, на своей половине.

— Жюльен! Жюльен! Жюльен! Он здесь, он приехал за нею!

Она распахнула двери: губы ее дрожали, сердце трепетно билось в груди, глаза горели любовью.

Стоявший у окна мужчина медленно повернулся в ее сторону. Это был Доминик Гиз.

Кровь прилила к лицу Сары, потом снова отхлынула; но она призвала на помощь все свое самообладание и совершенно спокойно приветствовала посетителя.

— Я к вашим услугам, — сказала она своим обычным голосом. Но в ту же минуту у нее мелькнула мысль, заставившая ее содрогнуться.

— Жюльен болен? — спросила она беспомощно: Доминик Гиз опять был вершителем ее судьбы.

В лице старика что-то дрогнуло; он потер себе руки и поджал губы.

— Нет, Жюльен здоров, — ответил он. — Я только что из Туниса.

Сара перевела дух и отвернулась к окну, чтобы собраться с силами.

Гиз первый прервал молчание.

— Мне переслали вашу телеграмму в Тунис. Надеюсь, что вы уже знаете адрес моего сына?

— Да, — ответила Сара, стараясь казаться спокойной.

— Вы к нему поедете? Я так и предполагал и уступаю вам дорогу.

Снова наступило молчание, которое Сара даже и не пыталась нарушить. Присутствие Гиза перестало волновать ее: она не ощущала по отношению к нему ни страха, ни гнева, ей только неприятно было вспоминать прошлое. Их глаза на мгновение встретились. Гиз точно выслеживал что-то.

— Повторяю, — опять заговорил он, — я совсем уехал из Туниса. Несмотря на мой преклонный возраст, я еще не утратил последовательности мышления и прекрасно вижу, что козыри в ваших руках. Вы выиграли, сударыня, и я слагаю оружие.

Он любезно улыбался, но глаза его так и бегали.

— Я не хочу говорить с вами о прошлом, — сказала Сара. — Благодарение Богу, — оно действительно прошлое. Мне хотелось бы только знать, чем я обязана чести вашего посещения? Ведь у вас нет для меня поручений от Жюльена?

— Моей единственной целью было сообщить вам, что я не собираюсь больше стоять на вашей дороге, и мне хотелось бы, в свою очередь, знать, собираетесь ли вы навестить моего сына.

Сара испытующе взглянула на Гиза.

— Г-н Гиз, не знаю почему, но ваше поведение не внушает мне доверия. Мне непонятна цель вашего посещения. Если вы явились единственно для того, чтобы просить меня сохранить втайне ваше другое посещение, в Париже, не думаете ли вы, что последующие события лишают вашу просьбу всякого смысла? Вы тоже не доверяете мне, и я уверена, что вас привели сюда какие-то особые соображения. Будьте откровенны хоть раз в жизни! Я так дорого заплатила за свою любовь к Жюльену, что имею право быть требовательной к другим. Если вы хотите...

— Моя единственная цель уведомить вас, что я навсегда покинул Тунис и что Жюльен ждет вас.

Сара вздрогнула от радости при этих словах.

— Благодарю вас, — сказала она возможно любезнее.

Гиз откланялся.

— Каждый возраст имеет свои привилегии, — сказал он на прощание, — все дело в точке зрения, не правда ли?

Его лицо улыбалось, не утрачивая окаменелости маски.

Это выражение не покидало его, пока автомобиль мчал его к Клузу; он откинул голову

на кожаные подушки и закрыл глаза.

Его отъезд из Туниса был вместе с тем окончательным разрывом с Жюльеном, а визит к Саре преследовал одну цель: подготовить почву для мести. Несмотря на то что коварный план вполне удался ему, он почему-то совсем не наслаждался своей победой.

Он чувствовал себя бесконечно одиноким. Жюльен все-таки ушел из его жизни.

Впрочем, он ни в чем не раскаивался и только остро и мучительно переживал свою утрату. Все его эгоистические стремления сводились к двум вещам: любви к Жюльену и ненависти к Саре, причем второе чувство, за последнее время, решительно торжествовало, окрашиваясь тем острым раздражением, которое палач всегда испытывает к своей жертве за то только, что она позволяет себя мучить.

К сожалению, ему не придется быть свидетелем последствий своего мстительного плана, но он уже предвидел заранее ход событий и наслаждался.

Весь прошлый год был для него сплошным упоением властью над людьми, он жонглировал человеческими судьбами, преследуя свои цели, и с помощью упорной выдержки и постоянного нервного напряжения добился всего того, что задумал.

Да, победа была на его стороне по всем фронтам. Оставалось только пожинать лавры... Внезапно все изменилось: жизнь заявила свои права и повернула события на более естественный путь.

Все невероятное напряжение последних месяцев, которое теперь, когда он оглядывался назад, казалось ему самому превышающим человеческие силы, все то упорство, с которым он подчинял контролю свои и чужие действия, не упуская ни одной мелочи и предвидя даже непредвидимое, — все пропало даром.

И теперь, разгуливая в ожидании поезда по платформе Клуза, он чувствовал себя разочарованным, усталым и очень старым; как все эгоисты, которые всегда требовательны к другим и снисходительны к самим себе, он считал, что заслуживает сострадания, и не видел ничего предосудительного в своем поведении.

Гиз был одним из тех людей, в душах которых под старость остаются только жестокость, недоверие и презрительное отношение к добру и любви. Он всегда был эгоистом и любил только себя; теперь этот эгоизм достиг своего апогея, окончательно заглушив возвышенные порывы, на которые он все-таки был способен в молодости.

Поезд опаздывал. Гиз присел на жесткую скамейку перрона и оперся подбородком на скрещенные на палке руки.

В сущности, незачем было ездить к «этой» женщине; он надеялся позабавиться на ее счет, но забавного было что-то мало...

Он старался оправдать себя в своих собственных глазах.

В чем, в сущности, заключается его преступление? Каждый любящий отец поступил бы так же на его месте.

Все дело только в том, что немногие отцы способны на такое длительное и упорное напряжение нервов ввиду преследуемой цели, какое обнаружил он в данном случае.

Эта женщина заслужила свою кару, только он страдает невинно. До тех пор пока она не ворвалась в его жизнь, он не знал ни тревог, ни мучений; с тех пор как она встала на его дороге, он не знает ни минуты покоя.

Жюльен оскорбил его, разошелся с ним и...

При воспоминании о том состоянии, в котором он оставил сына, губы его задрожали и холодный пот выступил на лбу.

Тем не менее доброе имя Жюльена не покрылось позором, правда, ценой счастья самого Гиза, которому не осталось ничего, кроме одинокой старости. Это ли не жертва во имя любви?

Он постарался отогнать от себя эти тяжелые мысли, и выражение его лица несколько оживилось, когда он представил себе встречу Сары с Жюльеном.

До поезда оставался еще целый час. Но какое это могло иметь значение? Никто не ждет его дома, никто не заметит, если он даже совсем не вернется.

И все это дело рук Сары: она украла у него сына и разбила карьеру самого Жюльена...

Он стал ходить взад и вперед по платформе, чтобы согреться, потому что даже этот жаркий летний день казался ему прохладным после тропического африканского зноя.

Вокруг него царили мир и покой деревенской жизни. Но он испытывал глубокое отвращение ко всему на свете, за исключением своей ненависти к Саре. Чувство любви! Безумие или корысть в конечном счете. Разве он не пожертвовал всем из-за любви к сыну? Ему захотелось подтвердить свою мысль каким-нибудь ходячим, напыщенным афоризмом, но он так ни одного и не вспомнил.

Наконец, подошел поезд.

Кондуктор, который, надо думать, питал в душе самые радикальные убеждения, тем не менее не без удовольствия услужливо посадил в вагон высокопоставленную особу.

Переезд до Парижа с пересадкой в Бурге очень длителен, но Гиз решил нигде не останавливаться.

Однообразный стук колес навел на него такую тоску, что ему захотелось выброситься на полном ходу из вагона, чтобы хотя таким путем обрести желанный покой. Даже предвкушение гибельных для Сары последствий его мстительного плана не доставляло ему больше никакого удовольствия. Он ничего не ел во все время путешествия и вышел на платформу Лионского вокзала совершенно истощенным и разбитым физически.

Такси с грохотом помчало его по улицам Парижа.

Вот он и дома.

Он медленно поднялся по лестнице и позвонил.

Никто ему не ответил.

Он позвонил еще раз, потом отпер дверь французским ключом.

В квартире было темно; он ощупью добрался до кухни, зажег электричество и увидел, что календарь не обрывали уже несколько дней.

Только тогда он вспомнил, что Рамон в отпуске.

Он чувствовал себя слишком усталым, чтобы распаковывать вещи и позаботиться о еде, и прямо прошел к себе в спальню, где было холодно и сыро.

На столике около кровати стоял портрет Жюльена; несмотря на желание взглянуть в черты сына, он все-таки не зажег электричества и сразу лег в постель. Но уснуть ему так и не удалось: мертвая тишина, царившая в доме, действовала ему на нервы.

Он поспешно оделся и поехал в клуб.

В клубе шел ремонт, и только одна комната была предоставлена посетителям. Гиз столкнулся в ней со старым Кабе.

— У вас неважный вид, дорогой Гиз, очень неважный, — сказал Кабе, трясая своей лысой головой.

Гиз, который не выносил дряхлого вида Кабе, потому что это старило его самого, пробормотал в ответ что-то бессвязное.

— А как поживает ваш мальчик? — продолжал Кабе. — О нем что-то не слышно! Ведь вы только что от него? Не правда ли? Впрочем, теперешняя молодежь не считается со стариками, — добавил он с хриплым смехом.

Гиз вышел на улицу и долго бродил, прислушиваясь к эху этого неопровержимо верного афоризма.

ГЛАВА XXV

*Я хочу любви упорной,
Злым теченьям не покорной,
Не запятнанной ничем.*

*Я верил в жизни цену,
Но ты пришла на смену,
Суля мне вечность, смерть.
Моника Певериль Турнбуль*

Сара уехала в Тунис, повинувшись мгновенному настроению, хотя и не получила ответа на свою телеграмму. Она не могла больше ждать.

Тысячи случайностей могли помешать Жюльену ответить или задержать по дороге этот ответ. В сущности, это было совсем неважно.

Посещение Гиза произвело на нее тяжелое впечатление: в первый момент она испытала сильное разочарование, а потом какую-то непонятную внутреннюю тревогу, несмотря на то, что он сообщил ей, что Жюльен здоров и ждет ее.

В сущности, чего она боится? Что может принести ей свидание с Жюльеном, кроме счастья?

Конечно, ничего, и, под влиянием этого опьяняющего предвкушения счастья, она почувствовала необыкновенный прилив энергии: и сама торопилась и торопила окружающих.

— Ничего не понимаю, — ворчала Гак, оказывая содействие Франсуа, который никак не мог сдать в багаж свою драгоценную машину за недостатком времени выправить все нужные для этого документы.

В конце концов, после повторных «смазываний», сопровождаемых «суньте еще этим разбойникам» со стороны возмущенной Гак, автомобиль был погружен, и Франсуа успокоился.

На пароходе, который с каждой минутой приближался к Жюльену, Сара почувствовала себя спокойнее.

Погода была исключительно благоприятна, зной смягчался прохладным ветром, море казалось зеркальным. Даже Гак не страдала морской болезнью (в юности она побила все рекорды в этом отношении, получив ее на Темзе) и чувствовала себя несколько разочарованной: море, точно в насмешку над ней, не оправдало ее ожиданий.

— Меня уже ничто не удивит теперь, — заявила она, не без своеобразного удовлетворения.

Когда пароход вошел в гавань, Сару внезапно охватило ощущение нереальности всего окружающего, какая-то чисто физическая слабость, реакция после нервного возбуждения.

Хотя она прекрасно знала, что Жюльен не будет ее встречать, ее все-таки огорчило его отсутствие на пристани. Затем ей самой пришлось возиться с багажом в таможне, что было очень утомительно из-за невыносимой жары и вызвало у нее сильную мигрень.

Она только мельком взглянула на город, который показался ей грязным и неряшливым. Франсуа привел закрытый таксомотор, и ей стало легче.

Неужели она в Африке?

Грохот моторов и звонки трамваев в точности воспроизводили звуки Парижа.

Так вот этот фантастический, сказочный город, о котором она мечтала! Отель вполне оправдывал свое название «Сплендид» — громадный, роскошный и переполненный. Опять Париж, и даже, пожалуй, больше, чем Париж.

Смуглые лакеи в полотняных ливреях, украшенных красными с золотом гербами, и льстивой улыбкой на губах, бесшумно скользили в своих мягких туфлях без каблуков; мужчины в фесках ходили взад и вперед по вестибюлю в обществе нарядных женщин с смуглыми лицами и огненно-черными глазами, которые очень напоминали бразилианок, но были, в сущности, просто алжирскими еврейками.

Сара прошла в заказанные для нее по телеграфу апартаменты и отдалась заботливым попечениям Гак.

В мгновение ока нежные, ловкие руки сняли с нее дорожный костюм, накинули на ее плечи легкий пеньюар, распустили и расчесали ее волосы; запах ее любимых духов распространился в полутемной комнате.

— Африка почти ничем не отличается от Франции, — оскорбленным тоном заявила Гак, заваривая чай на спиртовой лампочке.

— Вы ожидали дикарей, Гак? — слабо усмехнулась Сара.

— Я не знаю, чего я ожидала и чего не ожидала, — с достоинством возразила Гак, — я только говорю, что нет никакой разницы. Здания такие же, как в Лондоне и Париже, разве немного похуже; трамваи смахивают на те, которые циркулируют по Стеферд-Буш, а маленькие такси в точности напоминают парижские...

Она подала Саре чай.

— Теперь постарайтесь заснуть, пока я буду распаковываться в соседней комнате.

Она спустила жалюзи, все окуталось полумраком и приняло зеленоватый оттенок.

Сара закрыла глаза, но сон не приходил.

«Я у цели», — сказала она самой себе, сознавая всю банальность этого утверждения. Она чувствовала себя глубоко несчастной, хотя мужественно боролась с этим настроением, которое так не подходило к этой торжественной минуте и убивало в ней надежду. «Свидание после разлуки», — пришло ей откуда-то в голову. О, если бы Жюльен пришел... его отсутствие усиливало чувство отчуждения.

Она колебалась, не зная, посылать ли за ним или самой ехать к нему.

Лучше последнее. Свидание в этом переполненном отеле, шикарном и шумливом, неблагоприятно для объяснений.

О, если бы он приехал к ней в Латрез! О, если бы они встретились там, в цветущем саду, около маленького озера, напоминающего картинку, в мирном приюте, несложная жизнь которого заставила бы их проще смотреть на вещи и быть снисходительнее друг к другу!

Она как раз испытывала прилив раздражения, которое так мешает слиянию душ, делает человека таким неласковым и в конце концов раздражает и того, на кого оно направлено.

Это раздражение, как утренние заморозки, губит нежные цветы любви.

— Если мы встретимся здесь, я не сумею подойти к нему, — с тоской сказала себе Сара, — в этой отвратительной комнате...

Не таким представлялся ей этот день! Она ждала от него столько счастья, едва смела мечтать о нем! Ей хотелось горько смеяться над самой собой, и, чтобы успокоиться, она приняла отчаянное решение протелефонировать Жюльену.

Она окликнет его по имени в телефонную трубку и сразу установит интимный тон их встречи.

— Жюльен...

Он, конечно, сразу узнает ее голос...

Она позвонила и напряженно ожидала ответа, испытывая непонятное смущение.

Что же он не отвечает, отчего он не подходит?

Но кто-то уже был у телефона; ее губы так дрожали, что она не сразу ответила.

— Алло, — повторил чей-то ленивый голос.

Сара едва слышно осведомилась о г-не Гизе.

— Его светлость в генеральном секретариате... Кто спрашивает? — послышался опять тот же сонный голос.

— Это неважно, — в смущении пробормотала Сара, давая отбой.

Но она долго еще сидела у телефона с трубкой в руках. Потом она долго ходила взад и вперед по комнате; непонятная тревога сжимала ей сердце.

Появилась Гак с целой охапкой сирени и ветками мирта и лавра.

— Франсуа просил меня передать вам эти цветы, — сказала она, — он спрашивает, нужен ли мотор сегодня вечером?

— Да, после обеда, — решительно ответила Сара, — и скажите Франсуа, чтобы он узнал, где улица Бардо; это где-то за городом.

— За городом? Может быть, это опасное путешествие?

— Там живет г-н Гиз, который за тем и приехал сюда, чтобы следить за порядком и соблюдением законов; надо думать, что около него безопасно, — ответила Сара беспечным тоном; но в последнюю минуту она не выдержала; да и преданность Гак заслуживала большего доверия.

— Дорогая, — сказала она, не глядя на Гак, — вот в чем дело... Больше года тому назад, почти сразу после смерти его светлости, я обручилась с г-ном Гизом. И я его очень люблю.

В глазах Гак промелькнуло лукавое выражение, которое свойственно матерям и которое выражает и восхищение и ласку: неужели Сара думала, что она не догадывается?

— Надеюсь, что он достоин вашей любви, мисс Сара.

Это было так в духе Гак и так отвечало собственным внутренним сомнениям Сары, что она не смогла удержаться от улыбки.

— Уж если г-н Гиз не достоин любви? — сказала она, — то весь мир — одна сплошная несправедливость.

— Дай Бог, — вздохнула Гак, нисколько не интересуясь этой мировой катастрофой. — Что вы наденете?

— Белое шелковое платье и мантию на дорогу. И попросите Франсуа протелефонировать г-ну Гизу, что я буду у него сегодня вечером.

Гак подала Саре платье, затем пошла разыскивать Франсуа.

Франсуа, по обыкновению, был в гараже.

— Будьте готовы после обеда, — предупредила она его. — Но объясните мне все-таки,

почему не он делает первый шаг?

— Свиданье в этом отеле...

Голос Франсуа звучал иронически.

— А почему бы и нет? Это один из лучших отелей, и уж, конечно, это было бы приличнее, чем...

— А поэзия обстановки? Свидание под таинственным покровом ночи! Ах, Эмили, Эмили...

Но серенада не оказала на Гак желаемого действия.

— Так вы думаете, что все обстоит благополучно? — настойчиво переспросила она.

Франсуа не имел уверенного вида, его тоже терзали сомнения, но он во что бы то ни стало хотел усыпить беспокойство Гак.

— Я в этом уверен, дорогая, — ответил он, — очевидно, они уже пришли к какому-нибудь соглашению.

— Дай Бог, — с сомнением вздохнула Гак, — во всяком случае, от меня она скрыла это. Ну да чего ждать от влюбленных, особенно от влюбленных их круга.

Она на мгновение задержалась на дворе отеля, чтобы взглянуть на Африку, и опять нашла, что Африка почти ничем не отличается от Англии; это внесло некоторое успокоение в ее душу. Только небо ярче.

Гак захотелось вернуться к Франсуа, чтобы вместе с ним полюбоваться этим небом; если бы она привела свое намерение в исполнение, то увидела бы, что Франсуа так и замер на месте и не отрываясь смотрит на нее сияющими любовью глазами.

— Закат как закат, — решила она через минуту, — им можно любоваться каждый вечер.

Сара тоже смотрела из окна своей комнаты на лиловые и розовые облака, залитые последними лучами заходящего солнца.

Свидание с любимым в такой дивный вечер...

На землю спустилась ночь, любовно смягчая очертания предметов и заливая их лунным светом, сначала золотистым, потом непорочно прозрачным по мере того, как месяц подымался выше.

Холодный ветер приносил на своих крыльях дуновение безграничной пустыни, и к запаху листвы примешивался приторный, удушливый аромат каких-то пряностей.

Даже звонки трамвая звучали мелодичнее, а разноцветные фонари придавали улицам праздничный вид; арабы в национальных костюмах проходили мимо, улыбаясь и запахивая свои бурнусы, которые развевал ветер.

А над всем этим, подобно багряной королевской мантии, опрокинулся сверкающий звездами темный небесный купол.

Сара затрепетала... Разлука приходила к концу. Она не рассуждала... Она только чувствовала себя счастливой. Посмотрелась в зеркало, ее глаза горели любовью. Найдет ли Жюльен ее по-прежнему красивой?

Как-то однажды он сказал ей:

— Моя душа обитает в вашем прекрасном теле!

Она попыталась вызвать в своем воображении его образ, но это ей не удалось и огорчило ее. Она помнила только некоторые его движения: привычку отбрасывать назад свои густые, мягкие кудри, которая подчеркивала красоту его сильных, благородных рук... привычку щуриться, когда он сердился...

Они не произнесут ни одного слова... слова бессильны, они только обнимутся, и в этом

объятии встретят зарю новой жизни.

Поцелуй выражает иногда так много!..

Она вспомнила их первый поцелуй, который дал им полноту счастья, страсти и обладания друг другом.

Поцелуй после разлуки даст еще больше...

Чего ей бояться?

«Нечего, жизнь будет сплошным праздником для меня... для нас...» — поправилась она мысленно.

«Мы» — бесценное словечко, «мы», не он и я, а «мы», «мы оба», а не «один».

Она припоминала жесты и отдельные выражения Жюльена, его «словечки», такие нелепые и такие дорогие ее сердцу.

По всей вероятности, у всех влюбленных существуют свои особые сокращенные «словечки», в которых столько очарования, несмотря на их глупость.

А ее маленькие «права»! Как приятно иметь право поправить галстук, взъерошить волосы или одобрить костюм любимого!

Есть женщины, для которых любовь — искусство. Сара была именно такой женщиной и умела облагородить своей любовью даже самые банальные вещи.

Все, что давало ей случай «отдать себя», переставало быть в ее глазах мелочным.

Она стояла у открытого окна, откуда был виден город и часть бухты, и больше не боялась за свое счастье.

Через несколько часов она увидит Жюльена, а потом...

Ей не хотелось заглядывать вперед...

Одеваясь с помощью Гак, она еще раз взглянула на себя в зеркало.

— Не тревожьтесь, — ворчливо заметила ей Гак, — он не найдет в вас никакой перемены. Я как раз обратила внимание Франсуа на то, что вы выглядите еще моложе, чем прежде, особенно когда у вас эта скромная прическа на пробор с маленьким локоном на лбу. Ни дать ни взять подросток, которого водила гулять.

— Мне хотелось бы вернуть эти времена, впрочем... — поправилась Сара, — сегодня я вполне счастлива. Нет, я не надену никаких украшений, даже жемчужного ожерелья. Уберите их. И поспешим, я боюсь опоздать.

— Я ничего не имела бы против этого, — пробормотала про себя Гак, следуя за Сарой с мехом в руках.

Автомобиль был уже подан.

Сара уселась, и Гак укутала ей ноги, не переставая твердить Франсуа, чтобы он «глядел в оба».

Она никак не могла кончить своей возни, то укрывала и подтыкала что-то, то осматривала окна...

— Желая вам удачи, миледи, — сказала она, наконец, утрюмо, захлопывая дверцу перед своим собственным носом.

Сара крикнула ей что-то вдогонку, и автомобиль тронулся с места.

Перед маленьким зеркалом стояла вазочка с белыми розами, которые раздобыли где-то Гак и Франсуа.

«Какие они милые оба!» — с нежностью подумала Сара.

Сначала они ехали по широкому бульвару, дома и магазины которого были образчиками самых разнообразных архитектурных стилей; здесь было очень много кафе, но низшего

сорта, посетителями которых были исключительно французские солдаты в синих с красным мундирах и фесках; потом они свернули в одну из узких боковых улиц, и Восток, таинственный, благоухающий Восток принял их в свои объятия: в пыли копошились дети, собаки бродили среди отбросов; неба почти не было видно, такие высокие были нависшие друг на друга дома.

Сара с любопытством смотрела по сторонам; на мгновение перед ее глазами сверкнула водная поверхность бухты и сейчас же исчезла за поворотом.

Масляные лампочки висели у входов, бросая слабый отблеск на раскрашенные притолоки и прибитые гвоздями вывески.

Франсуа запутался, и ему пришлось остановиться, чтобы расспросить о дороге. Какой-то солдат, судя по акценту, уроженец Южной Франции, указал ему направление.

— Мы приехали, миледи, — сказал он неожиданно, и Сара едва удержалась, чтобы не крикнуть:

— Поезжайте дальше, не останавливайтесь...

Автомобиль остановился у белой стены, около ворот стоял часовой, лениво прислонившись к сторожевой будке.

По первому требованию Франсуа он поспешно распахнул ворота.

— Прикажете доложить о вас, миледи? — спросил Франсуа Сару.

— Нет, — торопливо ответила она, — пожалуйста, подождите меня здесь.

С минуту она колебалась, слуга-араб выжидающе смотрел на нее, указывая рукой на дверь.

Чего она боится? Автомобиль стоит у ворот, Франсуа так успокоительно действует на нервы своим голландским видом, и она сейчас увидит того, кого любит и кто отвечает ей тем же!

Она так быстро пошла вперед, что слуга едва успевал показывать ей дорогу.

Он остановился около какой-то двери, на пороге которой Сару приветствовал пожилой человек, очевидно дворецкий.

Она назвала себя, и в ту же минуту услышала смех: смеялись мужчина и женщина.

Она отшатнулась; ей почудилось, что мозаичные стены вестибюля превращаются в решетки тюрьмы, из которой нет выхода.

Зашевелилась портьера, и какая-то фигура, вся в белом, сделала несколько шагов в ее направлении, бесшумно ступая мягкими туфлями.

— Алло! — раздался неуверенный, удивленный голос.

Сара оперлась рукой о ближайшую стену, чтобы не упасть; это единственное слово, произнесенное Жюльеном, произвело на нее ужасное впечатление; горькие мысли вихрем закружились в ее голове. Свидание любящих, их свидание с Жюльеном!

Почему же она не смеется? Что может быть комичнее этого «алло»!

Жюльен подошел ближе.

— Не может быть... — воскликнул он, потом нервно и вместе с тем глупо расхохотался. — Здесь такое плохое освещение.

К Саре вернулся дар слова.

— Да, это я, — прошептала она.

Несмотря на действительно скудное освещение, она все-таки рассмотрела Жюльена.

Он очень изменился и постарел.

Главное — изменился...

— Вы недавно приехали? — спросил он тем же развязным и неприятным тоном.

Сара что-то ответила; ей казалось, что все это кошмар, один из тех ужасных ночных кошмаров, которые реальнее действительности.

Она машинально последовала за Жюльеном, прислушиваясь к постукиванию высоких красных каблуков своих белых лакированных туфель, которые, по мнению Гак, должны были «лучше чем какие бы то ни было другие» оттенять светлые тона ее костюма.

Из-за портьеры выглянула какая-то женщина, вернее девушка, в восточном костюме.

Сара едва успела рассмотреть ее, потому что она мгновенно исчезла — Жюльен, очевидно, отослал ее, но все-таки заметила, что она очень красива, чернокудрая, румяная, с белоснежным цветом лица, веселыми блестящими глазами и удивленным выражением губ.

— Так вот как вы живете? — донесся до нее словно издали собственный голос.

Она посмотрела на белые расписные стены, многочисленные диваны, грандиозный письменный стол, вазы с цветами...

— Так вот как вы живете? — повторила она и неожиданно для самой себя прибавила: — Вам передавали, что я звонила по телефону?

Ее взгляд встретился, наконец, со взглядом Жюльена, но он тотчас же отвел глаза в сторону, побледнел и не мог произнести ни слова.

— Присаживайтесь, — сказал он, наконец, — я этого не знал... моя прислуга...

Он не дотянул своей банальной фразы и снова погрузился в молчание.

Теперь Сара чувствовала на себе его жгучий взгляд, но этот взгляд горел не прежней чистой любовью, он горел чувственной страстью.

Жюльен, который сначала не обратил внимания на красоту Сары, убедился, наконец, в том, что она несколько не изменилась, и, прищутив глаза, откровенно любовался безукоризненными чертами ее лица, дивными волосами и грациозной линией шеи и груди, которая приподнимала своим дыханием темные отвороты тяжелого манто.

— Мне не сообщили об этом, — повторил он слишком громко, потому что нервное возбуждение мешало ему регулировать голос.

— Я вижу... но ваш отец сказал мне... — Сара не закончила; что-то мешало ей сказать этому человеку откровенно, что она думала, что он ее ждет.

Она смутно сознавала, что произошло какое-то недоразумение и что ей надо уходить.

Она встала.

Жюльен удержал ее за руку. Это было его первое прикосновение.

— Что сказал вам мой отец? Когда вы его видели?

— Он посетил меня в Латрез. После того как я вам телеграфировала...

— Я не получал никакой телеграммы.

— Это и видно, — с горечью сказала Сара. — Мне пора, — добавила она решительно.

Она боялась только одного, как бы не расплакаться. Ей казалось, что она говорит не с Жюльеном, а с его двойником, что она сама только двойник той женщины, которую он некогда так безумно любил.

«Да», «нет», отрывистые фразы, односложные ответы — все это было так нереально!

Она направилась к двери, но Жюльен снова загородил ей дорогу.

— Нет, нет, раз уж вы пришли, я не отпущу вас так скоро!

Он смеялся и не выпускал ее руку.

— Несомненно, все это какое-то чертовское недоразумение, новые штучки моего старого хрыча-папаши! Но почему бы нам не воспользоваться приятной минутой, которую

дарит нам случай? Вы чертовски хорошо сделали, что приехали ко мне.

Самодовольный, наглый смех не прекращался.

Саре хотелось кричать, хотелось каким-нибудь способом освободиться от ощущения оскорбительной неловкости.

Она пришла сюда — после всего того, что было, после целого года страданий — в надежде встретить человека, ради которого она вынесла все эти страдания и мысль о котором только и поддерживала в ней бодрость духа, и вот перед ней кто-то совершенно чужой, с другим выражением лица и изменившимся голосом.

Она бессильно опустила на шелковые подушки дивана. Жюльен придвинулся к ней ближе, обнял ее и поцеловал в маленькую нежную ямочку на шее под отворотами тяжелого манто.

Его голова склонилась к ней на грудь, как много раз склонялась в далеком прошлом.

— Нас нет, мы умерли, — беззвучно прошептала Сара, — все это сон, Жюльен.

Он повернул к ней свое возбужденное покрасневшее лицо.

— Нет, — запротестовал он, — не похоже на сон, дорогая! И я живой, и вы живая! Разве вы не чувствуете моей близости?

Он прижался к ней еще крепче.

— Я не знаю, зачем вы здесь, но вы здесь, и с меня этого довольно. Было время, когда я проклинал тот час, когда встретился с вами. Теперь я его больше не проклинаяю, — он хрипло засмеялся, — хотя многое и изменилось с тех пор. Я оказался не тем, за кого вы меня считали, вы — не такой, какой я представлял вас себе. Значит, мы квиты. Когда я увидел вас в первый раз, у меня были очень превратные представления о женщинах; с тех пор я многому научился, особенно здесь, в экзотической атмосфере Африки, где так легко разобраться в женщинах тому, кто им нравится.

Он прижался щекой к ее щеке; от него сильно пахло вином.

— Красавица, — прошептал он, — я не встречал подобной вам...

Сара отпрянула назад, как от удара; его низкое поведение давало ей силы уйти; она высвободилась из его объятий и стояла теперь перед ним оскорбленная, с разбитым сердцем, но в полном самообладании.

Жюльен повалился на кушетку; его глаза были полузакрыты, глупая и вместе с тем злая улыбка застыла на его губах.

— Я не встречал подобной вам женщины... — снова забормотал он, и при звуке этого голоса, дрожавшего от чувственного возбуждения, Сару охватил прилив такого бешенства, на которое редко бывают способны люди ее характера.

— А я никогда не встречала мужчины, который пал бы так низко, как вы, — прошептала она, — никогда, слышите? И только подумать, что из-за вас погиб Шарль Кэртон, а я год высидела в тюрьме, из-за вас, из-за такого человека...

Она беззвучно засмеялась, страдая от этого смеха и смеясь только для того, чтобы не разрыдаться.

Спешить на это свидание, после всего того, что было, после всех мучений и горя, спешить в объятия своего возлюбленного — и найти его в таком состоянии!

Она чувствовала себя оскорбленной до глубины души.

Как жаждала она прикосновения этих властных сильных рук, опора которых казалась ей спасением от всех бед, верной защитой от превратностей судьбы...

И вот теперь он держал ее в своих объятиях, и она не испытывала ничего, кроме гнева,

недоверия и отчаяния.

Эти губы, которые некогда прижимались к ее губам, которые шептали ей дивные слова любви, которым она разрешала прикасаться к своей шее в том интимном поцелуе, который освещается только, только истинной любовью, возвышающей даже страсть, эти губы только что нанесли ей своим поцелуем неизгладимое оскорбление. Она машинально поднесла руку к шее, словно хотела стереть следы этого поцелуя.

Жюльен следил за ней с недовольным видом.

Он не успел напиться как следует к моменту прихода Сары; потрясение, которое вызвало в его душе ее появление, временно отрезвило его, но теперь, находясь под гипнозом ее красоты, он внезапно перешел от игривого к опасному чувственному возбуждению.

Они померились взглядами, как враги: она — неподвижно застыв на своем месте, он — полулежа на мягких подушках, она — с чувством горечи и унижения, он — с хладнокровной решительностью дикаря, который не желает выпускать из рук добычи.

Как только она направилась к выходу, он вскочил на ноги и с легкостью, которую трудно было ожидать от такого отяжелевшего человека, преградил ей дорогу.

— Вы пришли ко мне, потому что вам этого захотелось, — хрипло сказал он, — теперь останетесь, потому что этого хочется мне.

Сара посмотрела на него и не узнала его; его глаза дико блуждали, он нелепо размахивал руками, а на губах была все та же отвратительная, злая усмешка.

Сарой снова овладело бешенство, от которого она чуть не задохнулась.

— Что вы за человек, во что вы превратились? — крикнула она ему в лицо. — Вы позволяете себе так обращаться со мной, вы...

Жюльен изумлено взглянул на нее, высоко подняв свои темные брови, которые казались еще темнее по сравнению с его белокурыми волосами, и пожал плечами с видом человека, который ничего не понимает.

— Разве я обращаюсь с вами не так, как вы бы этого хотели? Неужели? — сказал он небрежно. — Вы сами разыскали меня, — я не искал ничего, кроме свободы, — вы явились! Так почему же мне не... как вы думаете... почему бы мне не...

Он грубо схватил ее за руку.

— Зачем вы дурачите меня, Сюзетт, зачем мы понапрасну тратили время на сантименты? Очевидно, я вам нравлюсь, иначе вы бы не пришли, а когда я думаю о прошлом, то говорю себе, что вы дивно умели играть в любовь и со мной и с Кэртоном. Кэртон сошел с дороги. Если вам не приелись старые мотивы, то свобода здешних нравов будет нам благоприятствовать в этом отношении. Что вы об этом думаете?

Он снова засмеялся.

— Да, черт возьми, вы, вероятно, заметили Лулу? Не беспокойтесь, я вышвырну ее в одну минуту, если только...

Саре удалось, наконец, вырвать свою руку, и она с ужасом смотрела на Жюльена.

Что он — пьян, или сошел с ума, или просто испорчен до мозга костей? Может быть, он всегда был таким и умышленно вводил ее в заблуждение раньше?

Он бросился перед ней на колени и обхватил руками ее талию. Его хриплый, заикающийся голос казался пародией прежнего.

— Красавица моя, красавица, что бы там ни было... я опять с вами... не надо этой холодности, этого официального тона... вы ревнуете... я тоже ревновал к Кэртону... ревность до добра не доводит.

Она опять вырвалась из его объятий и толкнула его так сильно, что он на мгновение потерял равновесие; при его новой попытке приблизиться она стремительно отскочила в сторону; глаза ее наполнились слезами, она чувствовала по отношению к нему только ненависть и презрение.

— Не смейте прикасаться ко мне, — прошептала она одними губами, но так отчетливо, что каждый звук ее голоса долетал до Жюльена, оставляя в нем неизгладимое впечатление.

— Ради вас я столько выстрадала! Ради вас я сидела в тюрьме, и только моя любовь к вам спасла меня от смерти. Ради вас, ради такого низкого человека — вот в чем ужас и унижение! Я жалею теперь, что Шарль Кэртон не был моим любовником; этот, по крайней мере, любил меня по-настоящему, а не так подло и низменно, как вы. Я готова полюбить кого угодно, только бы заглушить в себе мою любовь к вам. Я пришла к вам, чтобы снова скрепить узы любви, расторгнутые, как я думала, только временем. Я верила, что время бессильно убить любовь, ее убивает только подлость. Любовь выше всех испытаний, кроме этого последнего ужасного испытания — обнаружения душевной низости в любимом человеке. Я уйду! И молю Бога, чтобы мы никогда больше не встретились, чтобы я никогда не слышала вашего имени, чтобы вы раз навсегда были изъяты из моей жизни и из моего сердца!

Она исчезла за тяжелой портьерой, и звуки ее шагов замерли в отдалении.

ГЛАВА XXVI

Живя, чувствуешь, что одновременно и живешь и умираешь.

Стендаль

Существует такой предел страданий, когда человек как бы раздваивается: отчаяние, которое разрывает на части сердце, не проявляется никаким внешним образом.

Франсуа не заметил перемены ни в выражении лица, ни в звуках голоса Сары.

Гак, которая, вопреки приказанию, все-таки дождалась возвращения своей госпожи, констатировала только утомление последней, что ее несколько не удивило; Сара казалась спокойной, и только, очевидно, была не в настроении рассказывать о результатах своего визита.

Но как только Гак вышла из комнаты, она заперла дверь на ключ, подошла к окошку и подняла жалюзи.

Конец!

Конец всему!

Она стиснула рукой край подоконника, даже не замечая, что ей больно; физические страдания не имели над ней власти.

То, что она пережила, имело для нее слишком большое значение, — от этого зависела вся ее дальнейшая судьба.

Какой ужасный кошмар, как все нелепо и жестоко, это — вторая роковая ошибка в ее жизни!

Верить тому, кому не следует верить, давать там, где твои дары не ценятся! Какое безумие!

Неужели возможны подобные вещи? Неужели мужчины грубо набрасываются на женщин и оскорбляют их не только в романах, но и в действительной жизни?

Да, это так, с ней случилось нечто подобное!

Как трудно предвидеть, что влияет на поступки человека! Жюльен проникся убеждением, что она любила Шарля Кэртона, и это опрометчивое убеждение, которое опровергалось и ее любовью к нему, и тем доверием, которое всегда существовало между ними, и страданиями, которые претерпела ради него Сара, он легкомысленно бросил на весы рядом с годом ее одиночного заключения и нашел, что оно все-таки перетягивает.

Ужасные месяцы тоски и надежды, так мало походившей на надежду, ужасные месяцы терпения и отчаяния! — они так глубоко врезались в ее сердце, что только одна любовь могла бы залечить эти раны!

Сара дрожала от холода, потому что поднялся очень сильный ветер, но ей это было скорее приятно; физическое страдание несколько облегчало ее душевную муку.

Как много ждала она от этой ночи, ночи их встречи после разлуки!

Первая ночь!

Она целый год готовилась к этой минуте, изнемогая от предвкушения счастья, — а теперь...

Когда она услышала голос Жюльена, все ее существо потянулось к нему, несмотря на то, что он сказал: «Алло!» Венец тривиальности, пародия на встречу возлюбленных.

— Алло!

Какой злой иронией звучало это слово!

Но она охотно простила бы ему даже это «Алло», если бы он оказался прежним, любящим Жюльеном! В сущности, он очень мало изменился, разве немного пополнил, но так незначительно, что это могли заметить только внимательные глаза любящей женщины. Зато голос очень изменился, стал грубее и утратил благородные интонации прежних лет.

Мысли бешеным вихрем кружились у нее в голове. Внезапно ей вспомнилось начало какого-то стихотворения:

«Занавесь свои окна, занавесь свои окна...»

Какая-то другая женщина тоже хотела скрыть свое горе!

Сара нерешительно потянула ставень, он захлопнулся с глухим шумом; в комнате мгновенно воцарилась темнота — символ ее беспросветного горя.

ГЛАВА XXVII

Мы всегда теряем то, что любим.

Б.В. Ит

— Итак, мы возвращаемся, — сказала Гак, — это факт.

— Возвращаемся? — с грустным недоумением переспросил Франсуа.

— Вот именно, все мы, и французы, и англичане, — подтвердила Гак с иронией. — Что касается меня, то я жду не дождусь минуты, когда мы выберемся из этого вонючего басурманского края! От ее светлости осталась одна тень. И то ли еще будет! Это мое твердое убеждение, Франсуа! Она уверяет, что не страдает бессонницей, но взгляните на ее глаза! И если все у них благополучно, то почему его не видно? Он не приходит, не пишет, даже не телефонирует! Это не похоже на любовь! Тут что-то неладно, даже очень неладно, вы и сами понимаете это, Франсуа! И, по-моему, самое правильное — вернуться домой.

Франсуа стоял на коленях и усердно тер фонари; такое положение вполне

соответствовало тем чувствам, которые он питал к Гак в эту минуту.

Его расстроенное, огорченное лицо тронуло ее до глубины души.

— Не принимайте это так близко к сердцу, — сказала она, — иначе я не выдержу. Вместо того чтобы уложить ее в постель и послать за доктором, я должна делать вид, что ни о чем не догадываюсь и что все в порядке, а если еще и вы будете горевать, то я не выдержу! Вильям непременно заразится чесоткой от здешних паршивых собак, и это будет последней каплей! Я положительно не знаю, за какие грехи мы так жестоко расплачиваемся. Целый год мучений и страха, в продолжение которого я не имела ни одной спокойной ночи, думая о том, на чем спит миледи, в продолжение которого я не проглотила ни одного лакомого кусочка, не укорив себя в этом и не вспомнив о том, как питается миледи... а теперьстряслось это! Все мужчины свиньи, Франсуа, и совершенно необъяснимо, почему женщину, которая может жить самостоятельно и беззаботно, все-таки тянет к ним!

— Чтобы сделать их лучше, — мягко возразил Франсуа, — такова воля providения!

— Почему же это providение не делает их лучше с самого начала? — с возмущением отрезала Гак.

Франсуа взял ее за руку.

— Я в полном отчаянии, Франсуа, — сказала она жалобно. — Знаю, что и вы тоже. Она проиграла и все-таки не перестает надеяться. Чем только все это кончится? Только взгляните на нее. Она все время разыгрывает роль, и это самое ужасное! Требует газет, а читает только объявления, даже не объявления, а то объявление, которое первое попадется ей на глаза, исключительно для того, чтобы ввести меня в заблуждение. Она делает вид, что интересуется модными журналами и туалетами, но это только вид! Почему Жюльен Гиз не умер в раннем детстве! Я уверена, что он сыграл обратно из-за процесса и всего остального.

— Я опасался этого и раньше, — признался Франсуа.

— Но ждали, чтобы я первая высказала ваши опасения? — не удержалась Гак, чтобы не уколоть его.

Она постаралась придать своему лицу веселое выражение и отправилась к Саре.

— Не желаете ли проехаться, миледи? Франсуа говорит, что мотор в порядке. Прощальный визит здешним местам? Не правда ли?

— Пожалуй, — согласилась Сара. — Вы тоже поезжайте с нами, Гак!

Сара была рада вырваться из угнетающей атмосферы отеля.

Франсуа надел белые чехлы на сиденья мотора, и они приятно охладили тело.

Сара откинулась на подушки и лениво смотрела на мелькавшие перед ее глазами улицы.

Какое разнообразие красок, какая интенсивная жизнь, какой шум, какая жара и какая вонь!

Гак демонстративно держала платок у носа; Вильям дремал около Сары и, кажется, наслаждался прогулкой; яркий свет то и дело сменялся тенью, когда они проезжали под крытыми галереями, перекинутыми от одного дома к другому.

В темных лавчонках виднелись выразительные, увенчанные тюрбанами, головы с черными волосами и крючковатыми носами — живые иллюстрации к библии.

— Ну и одеваются! — воскликнула Гак, — точно в купальных костюмах! — и дешево, и отвратительно! Посмотрите только на эту девчонку, Франсуа! Удивляюсь, о чем только думают законы? Немудрено, что их не выпускают из гаремов. Там им только и место!

Однообразное движение и солнечный свет благоприятно подействовали на Сару; она на некоторое время забыла о своем горе.

Автомобиль сделал крутой поворот, промчался через туннель и въехал в преддверие необозримой Сахары. Дорога стала хуже, пришлось ехать медленнее, но панорама была поистине волшебная: безграничная, отливающая золотом пустыня, с редкими пальмами, которые вздымали свои стволы к ярко-синему небесному своду, расстилалась перед ними.

— Карфаген, миледи, — неожиданно провозгласил Франсуа, указывая рукой направо.

И Сара увидела вдали стройные колонны, из которых некоторые гордо возносились к небу, а другие, полуразрушенные, точно пригибались к земле. Их неправильные очертания были необыкновенно эффектны.

Карфаген! Молва о роскоши, которая гремела некогда по целому свету! Теперь на его месте паслись кони, тучами вздымался песок, жалкие кактусы росли среди развалин.

Императоры разъезжали здесь в своих колесницах, кровь солдат лилась рекой, люди рождались, умирали и любили... песок засыпал теперь и побежденных, и победителей, и славу, и любовь!

Было что-то безнадежное в этой картине, над которой распростерся лазурный небесный свод и над которой ветер крутил желтые, как янтарь, крупинки песка, отливавшие золотом в лучах жгучего солнца.

Животворное сияние дня и интенсивность окружающей жизни еще усиливали безотрадность этого зрелища. У Сары сжалось сердце.

Она закрыла окна и приказала Франсуа ехать домой. Ничто не интересовало Сару, они ни на чем не могла сосредоточиться, все казалось ей ненужным и бессмысленным.

О, если бы Жюльен умер, и она имела бы право оплакивать его!

Умерший возлюбленный навеки принадлежит той, которая его любила!

Какое умиротворяющее сознание!

Женщины, возлюбленные которых умерли, до конца оставаясь им верными, самые счастливые на свете; память о незапятнанном прошлом помогает им жить.

Саре казалось теперь, что только одно в жизни имеет значение: это сознание, что ничто не имеет значения и что все суета!

Даже если вы искупите свою вину, даже если вам улыбнется счастье, всегда найдется кто-нибудь, кто вам его испортит, как бы самоотверженны и верны вы ни были. Эгоистам живется гораздо легче: они без угрызений совести пользуются тем, что им предоставляет случай, и никогда не желают того, что трудно достижимо.

На обратном пути из Марселя в Париж Сара решила остановиться проездом в Дезанже.

Согласно посмертной воле Коти, она имела право жить в замке определенное число месяцев в году, пока Роберт не женится. В материальном отношении она совершенно от него не зависела.

Гак сообщила ей, что Роберт отпустил на покой всех старых слуг; Франсуа объяснил новому дворецкому, чего желает Сара, и ее требования были немедленно приведены в исполнение.

Она медленно переступила порог замка.

Ничего не изменилось; все было на старом месте; слезы выступили у нее на глазах, но она не разрыдалась.

Она не решилась войти в гостиную и велела подать чай на террасе.

Вскоре пришел Роберт.

Он не знал о ее приезде и изменился в лице, увидев ее на террасе.

Сара устало улыбнулась ему. Он старался избегать ее взгляда.

— Что это вам вздумалось, Сюзетт? — спросил он ее, неожиданно для самого себя называя ее сокращенным именем и доказывая этим Саре, что прошлое еще не совсем умерло в его душе.

— Глупая сентиментальность с моей стороны, — непринужденно ответила Сара, стараясь подавить волнение, вызванное встречей с Робертом.

Он переминался с ноги на ногу.

— Я знал, что вы уже на свободе. Лукан сообщил мне также, что вы уехали в горы, а потом в Тунис. Вы виделись с Гизом?

— Между прочим.

— Он погибший человек, не правда ли? Мне рассказывал о нем приятель, который служит под его началом. Не блестящий конец блестящей карьеры, впрочем... ну, да вы сами знаете...

Наступила пауза...

— Все-таки он безумно любил вас! Это и есть всему причина... — добавил Роберт.

Она грустно усмехнулась.

— Смейтесь не смейтесь, но я говорю правду.

До чего он был юн и вместе с тем разочарован в жизни, несчастен, груб, одинок и самонадеян! Сара нежно провела рукой по его черным волосам.

— Бедный старик Роберт, — сказала она ласково.

Он отскочил в сторону, голос его звучал глухо и неуверенно:

— Прошлое не забывается, — в этом все горе! Но если я могу быть вам чем-нибудь полезен... Какие у вас планы?

— Я предполагаю уехать в Англию и поселиться в Клаверинге. Моя мать в Лондоне?

Он снова покраснел.

— Сколько она выстрадала! Она позволяла мне утешать ее. Да, в данный момент она в Лондоне, на месяц.

— Вы утешали ее? О, счастливый Роберт!

Он отклонился, подчеркивая этим, что старые раны не зажили и что примирение невозможно.

Подали чай; знакомый сервиз, знакомые десертные ножики с янтарными ручками!

Почему бы ей, в самом деле, не перезимовать в Англии?

Ее путало мнение «света», несмотря на то, что английские газеты единодушно выражали ей сочувствие.

Почему до сих пор она не боялась общественного мнения?

Она сразу поняла — почему.

Ведь она не представляла себе будущего без Жюльена, а он сумел бы защитить ее от каких угодно мнений!

Только теперь, сидя на освещенной солнцем террасе замка, среди мертвой тишины знойного полудня, в знакомой старой обстановке, она вдруг поняла, что утрата Жюльена была для нее не только сердечным горем, а несчастьем, которое могло разбить всю ее жизнь.

Она сожалела теперь о том, что заехала в Дезанж, повинаясь какому-то непреодолимому стремлению самобичевания. Жюльен обнимал ее в аллеях этого парка, они переживали здесь минуты истинной любви.

— Мы помним, мы помним, — шептали деревья, шелестя своими ветвями, — мы видели ваши поцелуи...

Сара разрыдалась в первый раз после разрыва с Жюльеном.

ГЛАВА XXVIII

*Многие женщины чувствуют симпатию к тем,
Кто вносит развлечение в их жизнь.
Мередит*

Поезда приходят и уходят вовремя, пароходы снимаются с якорей в назначенный час, приходится заниматься туалетом, денежными делами, и даже тот, у кого сердце разрывается на части, моется и причесывается каждое утро.

«Разбитое сердце, в сущности, последнее, на что обращают внимание, — с иронией думала Сара. — Это единственная вещь, обладание которой не вызывает зависти!»

Она приехала в Лондон в субботу, после полудня, когда все лавки были уже закрыты, и город казался вымершим.

Франсуа должен был приехать из Фолькстона на автомобиле, и Гак сгорала от нетерпения.

Сара не телеграфировала матери, не рассчитывая на горячую встречу, хотя была совершенно уверена, что леди Диана пожелает возобновить с ней отношения, — она даже догадывалась, почему именно.

Ничто не переменилось в Лондоне, та же разнообразная архитектура домов и те же пыльные улицы, которые никто и не думал подметать.

Дом леди Дианы был с монументальным входом, на котором нелепо торчал молоток, совсем другого стиля, и который был сплошь покрыт инструкциями, как стучать и как звонить.

Сара осведомилась о леди Диане и предоставила Гак объясняться с дворецким насчет помещения и багажа.

Леди Диана дремала, с томиком Мопассана в руках, в своей маленькой гостиной, уставленной широкими, мягкими креслами, затененной спущенными гардинами и напоенной возбуждающим ароматом дамасских роз.

Она открыла глаза, когда Сара вошла в комнату.

Наступила пауза, во время которой мозг леди Дианы лихорадочно работал. Сара была богата; богатству многое прощается; пресса относилась к ней сочувственно, она была молода, красива, и, конечно, выйдет замуж, если уже не сделала этого. Порвать с ней было бы непростительной глупостью с экономической точки зрения.

— Дорогая Сара, — воскликнула леди Диана, грациозно подымаясь навстречу дочери.

— Милая мама, — ответила Сара.

Они поцеловались.

— Не хотите ли чаю?

— Пожалуйста. И приюта на сегодняшнюю ночь. Я не люблю отелей.

Леди Диана приподняла свои великолепно «сделанные» брови в знак полного единодушия.

— Я приехала, собственно, для того, чтобы узнать, сдан ли Клаверинг. Если нет, то я воспользуюсь им на некоторое время.

— Он еще не сдан. Как удачно это вышло. Но агенты сдерут с вас шкуру. Вы знаете, на

что способна эта публика, когда нарушаются договоры.

— Значит, так. Я намереваюсь выехать завтра.

Подали чай. Леди Диана наполнила чашки.

— Не будем говорить о прошлом. Люди гораздо снисходительнее, чем о них говорят...

Разве вам нельзя было остаться в Париже?

— Право, не знаю, я была там только проездом.

— Может быть, оно и благоразумнее.

Разговор не клеился, и Сара охотно удалилась в отведенную для нее комнату.

— Ваша прежняя комната, моя дорогая!

При виде этой комнаты сердце Сары сжалось от жалости к самой себе, что часто бывает, когда мы попадаем на старые места.

Гак успела распаковаться и расставить по местам все необходимые вещи... на камине стояли те же китайские подсвечники, узкая кровать была покрыта тем же белым покрывалом... Сара упала на колени перед этой кроватью и только в эту минуту ясно поняла, что она ездила в Дезанж, приехала сюда, в Лондон, и отправится завтра в Клаверинг только для того, чтобы рассеять тоску одиночества и уверить самое себя, что она к чему-то еще стремится и имеет еще какие-то цели в жизни.

Места, где она жила прежде, связывали ее хотя бы с прошлым.

В тюрьме ей казалось, что ничто не может быть ужаснее абсолютного одиночества; теперь она узнала, что быть одинокой в толпе еще ужаснее, в толпе, где не видно одного определенного лица, где не слышно одного определенного голоса, где к тебе протягиваются не те руки.

В атмосфере этой комнаты, где она спала совсем маленькой девочкой, была какая-то святость, которая изгоняла из ее сердца гнетущую тоску и даровала ей временное облегчение.

За обедом («я думаю, что нам не стоит обедать в ресторане и обращать на себя внимание?») леди Диана осведомилась о Жюльене Гизе.

— Я видела его всего один раз и то мельком.

— Вы что-нибудь решили?

— Нет. Говорят, что он делает блестящую карьеру.

— Кажется, слишком блестящую в некоторой области. Впрочем, так всегда бывает с сорвавшимися с цепи пуританами: они ни в чем не знают меры.

После обеда леди Диана стала играть на рояле, а Сара слушала, следя глазами за листвою деревьев, которая то появлялась в окне, окрашиваясь в золотистый цвет, когда на нее падал свет лампы, то снова исчезала во мраке.

Жизнь пойдет своим чередом; будут сменяться дни и ночи, зимы, осени и весны-весны, время, когда так тоскливо замирает сердце, переполненное туманными мечтами.

Впрочем, это состояние присуще людям не только весной, — она знала это по опыту. Вот и сейчас ее охватило то тревожное стремление к счастью, которое никогда не умирает в душе человека.

Высшее счастье в жизни — это любовь, взаимная любовь, с уверенностью, что любимый постоянно стремится к тебе, ждет не дождется вечера, который соединит тебя с ним, и для которого только ты в мире имеешь значение.

Леди Диана играла то Шопена, то Шуберта, Дебюсси и Шамини, а через окно

проникал в комнату неясный, но несмолкаемый шум города.

Музыка внезапно смолкла, и леди Диана повернулась к Саре, перебирая пальцами нитку жемчуга, украшавшую ее грудь; на губах ее играла неуверенная и вместе с тем вопрошающая улыбка.

Она начала с некоторою торжественностью:

— Вы сами прекрасно понимаете, что нельзя похоронить себя в Клаверинге в ваши годы... — потом замолчала, сосредоточенно перебирая жемчуг.

Сара предвидела, что должно за этим последовать, хотела избежать объяснений и, вместе с тем, знала, что ей не отделаться от леди Дианы, не удовлетворив хотя бы отчасти ее любопытства.

— Так, значит... ведь вы были...

— С этим покончено, — прервала ее Сара, — покончено раз навсегда.

Леди Диане очень хотелось знать больше, но что-то удержало ее от прямого вопроса.

— Как все это грустно! Жюльен был так мил в своем роде!

Сара поднялась с места; разговору конца не предвиделось.

— Мне хочется спать, мама.

— Но ведь еще ужасно рано; я тогда куда-нибудь поеду. Сегодня как раз журфикс у Торнтонов.

Они помолчали, стоя одна перед другой.

— Вы очень похудели, милочка, или это так кажется, потому что вы в черном. У кого вы шили это платье? У Кайо? Воображаю, что это за разбойник! А я терпеть не могу черного цвета. Как вы находите, я очень изменилась?

Она вызывающе взглянула на Сару.

— Вы прекрасны, как всегда, — любезно ответила Сара.

— Очень мило с вашей стороны, что вы говорите это, даже если не думаете того, что говорите. Покойной ночи, дорогая!

Они поцеловались на прощанье и даже не заметили, что поцеловались, как это часто бывает с женщинами.

Затем Сара услышала, как леди Диана приказала дворецкому распорядиться насчет автомобиля. Голос ее звучал равнодушно, почти весело, и эта спешка на званый вечер показалась Саре доказательством жестокосердия, хотя для леди Дианы это было такой же повседневной привычкой, как обед или разговор по телефону.

Но это все-таки еще более отдалило Сару от матери.

Здесь тоже было мало святости настроения, хотя это и был родительский кров.

Сара быстро разделась и, не зажигая огня, присела к окну, вглядываясь в огни Пиккадили, как вглядывалась в них в прежние годы, когда мир казался ей исполненным чудес, любовь — волшебным сном, который должен в свое время присниться каждому, а Лондон — таинственным местом, куда было небезопасно, а поэтому особенно заманчиво проникнуть.

Теперь она знала, что чудес не бывает, что любовь — не сон, а печальная действительность, и что, несмотря на скудное уличное освещение, ни одна из патетических тайн Лондона не остается тайной.

Она зажгла электричество и попробовала читать, но мысли ее перебежали с предмета на предмет, как это часто бывает, когда человек настолько несчастен, что не может сосредоточить своего внимания ни на чем, кроме своего горя.

Завтра она уже будет в Клаверинге. Может быть, там она найдет себе дело — уход за цветами, прогулка на соседние фермы...

Но старые места будут наводить ее на грустные мысли, а уход за цветами — слабое утешение для такой одинокой и обездоленной женщины, как она!

ГЛАВА XXIX

Должник сильнее заимодавца.

Бальзак

Колен почувствовал облегчение с тех пор, как письма от Жюльена Гиза и его отца стали приходить реже.

Его жизнь в продолжение многих месяцев зависела от этих случайных сообщений, и ему давно надоело разыгрывать роль герольда, да еще в деле, в котором он принимал довольно некрасивое участие.

Он считал, что старый Гиз «обошел» его, и это обстоятельство не способствовало теплоте отношений к Гизу.

Он был поставлен в отвратительное положение, из которого мешало ему выпутаться отсутствие мужества. Мы охотно обвиняем других, когда они причиняют нам затруднения, и никогда не обвиняем самих себя за то, что не умеем выйти из этих затруднений.

Колен прямо возненавидел Гиза, и даже когда все пришло в порядок и он оказался в полной безопасности, это чувство ненависти не ослабло. Старый Гиз знал, знание — оружие, которое мы неохотно видим в руках другого.

Нельзя утверждать, что Колен желал смерти «старому черту», но, во всяком случае, известие об его кончине не повергло бы его в отчаяние и даже не нарушило бы его аппетита.

Когда он получил командировку в Тунис, по служебным делам, подведомственным Жюльену, его больше всего раздражала перспектива встречи лицом к лицу со старым Гизом.

Но, и это лишнее доказательство сложности людских переживаний, он все-таки не обрадовался, как следовало ожидать, столкнувшись с Гизом в клубе, а, напротив, даже позеленел от ненависти.

Он протянул старику два пальца, избегая смотреть ему в глаза.

— Вы вернулись? Это для меня новость!

— Я только что из Туниса, — ответил Гиз.

Он очень поседел и постарел за это время.

«Настоящее пугало!» — подумал Колен.

— Жюльен здоров? — спросил он вслух.

— Благодарю вас.

Колен дрожащими руками зажег сигару.

— Когда же свадьба?

Гиз тонко улыбнулся.

— Я что-то не слышал об этом!

— Но ведь она в Тунисе? — Какое-то тайное подозрение заставило Колена высказаться откровенно, а свойственная ему осторожность удержала его от произнесения имени Сары. — Я знаю это от Роберта.

Гиз промолчал, и Колен внезапно ощутил тот острый прилив ненависти, который мы

испытываем, когда чувствуем, что наш собеседник знает больше, чем показывает.

Он так задымил сигарой, что старик закашлялся.

— Однако, мне некогда; я уезжаю сегодня ночью в Тунис по служебным делам. Нет ли у вас поручений к Жюльену?

Он был удивлен и обрадован, увидев, какое впечатление произвели его слова на старого Гиза, который вздрогнул и изменился в лице.

Колен наблюдал за ним с высоты своего величия.

— Итак, до свидания, — повторил он, не дождавсь ответа.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как Гиз окликнул его.

Колен даже не обернулся.

— Пусть поволнуется, старый скрытник! Так ему и надо!

Он поспешно уселся в автомобиль и получил еще лишнее удовлетворение, заметив, что Гиз появился на пороге.

— Опоздал! — констатировал он злорадно.

Но в вагоне экспресса, который мчал его по направлению к югу, он невольно задумался над тем, что могло до такой степени взволновать Гиза.

Гиз не внушал ему доверия с прошлого лета.

Безжалостный, окаменелый старый дьявол!

Колен проклинал тот день и час, когда он ввел Гиза в дом графини.

Это был опрометчивый шаг с его стороны, но разве он мог предвидеть, что Дезанж умрет так скоро? В жизни все или бесполезно, или несвоевременно!

Старый Гиз не захотел забыть прошлого. А ему следовало умерить свою неприязнь к Саре, когда она овдовела; она была завидной невестой для кого угодно.

«Воображаю, какую он еще выкинул там штуку, если так перепугался», — не без проницательности подумал Колен.

Ведь ненависть Гиза к этой женщине доходила до безумия.

Что касается Колена, то он-то уж, во всяком случае, не ненавидел Сару. Он чувствовал, что Сара обладает тем очарованием, которое сводит мужчин с ума и двигает их на пути подвигов и самоотверженных решений. Он не мог бы объяснить, в чем сущность этого очарования, и только знал, что мужчинам приходится дорого за него расплачиваться.

В данном случае расплатилась и сама женщина, и он не мог думать об этой расплате без содрогания и стыда.

Идеализм был чужд его натуре в такой же мере, в какой людоедство чуждо англичанам, но героизм Сары и ее самоотверженное молчание, не говоря уже о ее физических прелестях, пробудило в его душе еще никогда не испытанное чувство благородного умиления.

Он страдал за нее, и хотя страдания его были бесплодны, они все-таки имели благотворное влияние на его эгоистическую натуру и очистили его сердце.

Если бы, ради освобождения Сары, ему предстояло пострадать только материально, он пошел бы на это, несмотря на то, что очень любил деньги.

Он как-нибудь вывернулся бы потом, сократив свои расходы; он спасовал исключительно перед общественным мнением.

Но он был преисполнен по отношению к Саре самого нежного, самого глубокого уважения — редкое чувство для людей его типа, особенно когда дело касается женщины.

Теперь, размышляя обо всем этом, он в первый раз, после рокового утра в замке Дезанж, почувствовал душевную радость и покой; ведь он скоро будет наслаждаться зрелищем

счастья двух единственных существ, которых он любил на этом свете.

Ему было приятно заранее представлять себе это счастье.

Наконец он уснул, измученный духотой и угольным дымом, предварительно попеняв на французское правительство за его скупость.

За утренним завтраком он опять вспомнил о Гизе, и в его душе опять шевельнулось какое-то смутное подозрение.

Этот старый дурак сказал ему, что Жюльен и не думает жениться. Странно, если только это соответствует истине. Но соответствует ли? — вот в чем вопрос. Но лгал Гиз или не лгал (что за отвратительное масло!), его испуг при известии об отъезде Колена в Тунис, во всяком случае, наводил на размышления.

Колен обсуждал этот вопрос со всех сторон, и это помогло ему примириться с плохим завтраком.

В Марселе ему удалось прилично пообедать, а буфет трансатлантического парохода оправдал все его ожидания.

После краткого отдыха в стенах «Сплэндида» он облекся в легкий белый костюм (Колен не был щеголем, но все-таки заботился о своей наружности), приказал подать себе мотор и поехал к Жюльену.

Он не отдавал себе ясного отчета в том, что его ожидает, но смутно мечтал о встрече с Жюльеном и Сарой, о том, как Жюльен будет благодарить его, а Сара вспоминать его заботы и внимание.

Может быть, ему даже удастся поцеловать ее на правах папаши, роль которого заранее predeterminedена ему в этом союзе трех.

Потом он будет гулять и беседовать с Сарой.

Он понимал, что от него потребуются много исключительного такта в этих исключительных обстоятельствах, и был уверен, что окажется на высоте положения.

Он с удовольствием осматривался, не пропуская ни одной женщины, с покрывалом или без покрывала, и наслаждался видом снующей по улицам толпы, которая была так живописна в этой знойной и благоухающей атмосфере Востока, которая для европейцев типа Колена является синонимом распушенности и тайного, привлекательного порока.

Он без доклада проник к Жюльену и громко окликнул его по имени.

На улице было еще светло, но в вестибюле уже горело электричество.

Дом, в котором жил Жюльен, — большое здание в мавританском стиле, которое вполне отвечало вкусам и нуждам своего хозяина.

Колену понравились строгие, может быть, даже слишком строгие, линии его архитектуры. Он прошел через анфиладу комнат и остановился перед парчовой портьерой, которая тяжелыми, точно окаменелыми складками висела от потолка до пола.

Колен откинул ее движением рук и попятился.

Жюльен полулежал на диване, окруженный подушками, а у его ног, с бокалом вина в руках, стояла бледнолицая, чернокудрая красавица с накрашенными губами и глазами.

— Прелестно! — воскликнул Колен, забывая обо всем на свете. — Алло, Жюльен! Как я вижу, вы не лишены комфорта!

Жюльен вскочил с места и расхохотался.

— Алло! Присаживайтесь.

Он уселся рядом с Коленом и отдал какое-то приказание по-арабски: девушка скрылась, сверкнув своими белыми зубками.

— Ну и ну!.. — мог только сказать Колен, наслаждаясь этой гаремной обстановкой.

— Что ну? — небрежно переспросил его Жюльен.

Колен только теперь рассмотрел Жюльена.

— У вас неважный вид, мой мальчик! Слишком много шербета, шампанского и любви, не правда ли?

Жюльен иронически улыбнулся.

— Я только что получил телеграмму из министерства, — сказал он, передавая Колену и телеграмму и ключ для разбора шифра.

— Вы здорово поработали здесь, — сказал Колен, ознакомившись с содержанием бумаги, — пора и домой. Вас вызывают по делу Вантреза, и министерство как будто ничего не имеет против этого.

— Мне это безразлично. Я все равно никуда не поеду.

— Как не поедете! Что вы хотите этим сказать? Ведь ваша миссия кончена и...

— Я решил обосноваться здесь окончательно.

Колен расхохотался.

— Забавная идея, дружище!

— Это мое твердое решение.

Красавица снова появилась с кофе и ликерами и на коленях предложила их Колену; созерцая ее прелести, Колен на мгновение забыл затруднительность текущей проблемы.

— Надо думать, что она не попадется на глаза графине, — подмигнул он Жюльену, когда девушка вышла из комнаты.

Мысль о Саре заставила его более критическим взором взглянуть на поведение Жюльена.

— Все это прекрасно, мой милый, пока человек свободен; я первый стою за это, но в вашем положении, после всего того, что вынесла из-за вас эта молодая женщина, и принимая во внимание ее исключительную преданность...

Он умолк, подавленный потоком собственного красноречия и не вполне уверенный, что избрал верный путь для образумления Жюльена.

Жюльен вздрогнул, и только в эту минуту Колен заметил, как плохо он выглядит: его бледное, осунувшееся лицо казалось возбужденным, полузакрытые глаза сверкали лихорадочным блеском.

— Вы переутомились, — сказал Колен, — ваш последний рапорт — чудо искусства. Ради Бога, объясните мне, как у вас хватает сил и энергии работать после всего того, что было? Я был уверен, что вы выбудете из строя, и очень боялся, что, узнав обо всем, вы немедленно вернетесь в Париж. Уверяю вас, это было самое ужасное время в моей жизни.

— О чем вы толкуете? Я что-то не улавливаю, — с беспечным любопытством сказал Жюльен.

— Я говорю о вашей карьере и о тюремном заключении графини, больше ни о чем, — ядовито ответил Колен.

Он чувствовал себя обиженным холодным приемом Жюльена.

Разве от людей можно ждать благодарности!

Жюльен спустил ноги на пол и взглянул на Колена.

— Вам не кажется, что тема устарела? — презрительно заметил он. — Вам, вероятно, неизвестно, что графиня приезжала сюда месяц тому назад?

— Нет, известно. Когда же свадьба?

— Свадьба? — Жюльен расхохотался.

Колен внезапно почувствовал, что он очень устал, как от путешествия, так и от этого неприятного, двусмысленного свидания; он решил объясниться начистоту.

— Я вас спрашиваю, когда вы женитесь на графине? Именно об этом, — сказал он резко и торжественно. — Вам можно позавидовать. И красавица, и молодая, и так любит вас, что не побоялась года тюрьмы ради вашего спасения. Я начинаю сомневаться в вашей добропорядочности, Жюльен, поскольку вы можете еще колебаться в этом вопросе. А где остановилась графиня? В моем отеле ее нет.

Жюльен приблизился к Колену с угрожающим видом.

— В последний раз прошу объяснить мне, что вы подразумеваете под вашими словами? Графиня сидела в тюрьме из-за меня? Я — счастливейший человек в мире? Один из нас, очевидно, лишился рассудка! Графиня убила Шарля Кэртона и очень легко отделалась. Вы всячески содействовали ей, я это знаю от отца, и благо вам будет, но если при этом вы влюбились в графиню, при чем тут все-таки я?

Колен всплеснул руками и вскочил с места, его лицо стало багровым; тем не менее он заговорил сравнительно спокойно:

— Вы спрашиваете, кто из нас сошел с ума? Конечно, вы! Вы осмеливаетесь говорить мне, что графиня убила Кэртона! Вы морочите меня, меня, который столько выстрадал и так долго молчал, который выволок вас из той комнаты, раздобыл для вас яхту и замел ваши следы во Франции, пока ваш отец расчищал вам дорогу за границей. Что же касается ваших намеков насчет меня и графини, то берегите свою жизнь! Он осмеливается важничать передо мной, издеваться над графиней! Беспринципный ренегат, выезжающий на любви женщины!

Колен умолк, испуганный злобными раскатами своего голоса. Он взглянул на Жюльена, который, в свою очередь, не спускал с него испытующего, лихорадочного взора, и сжал кулаки, готовясь к защите.

— Сядьте на свое место, Колен, — раздался спокойный, повелительный голос Жюльена.

Колен повиновался, словно загипнотизированный.

— Ну, а теперь объяснитесь, — сказал Жюльен, садясь с ним рядом.

— В моих письмах были исчерпывающие объяснения, — мрачно возразил Колен.

— Какие письма? Писанные где и когда?

— В конце прошлого и начале этого года.

Жюльен ничего не ответил, и Колен заговорил опять.

— Я все время писал вам о графине, передавал ее поручения. Иносказательно, конечно, но вы все-таки могли понять, в чем дело. Когда она заболела, я опять писал вам. Я узнал об ее болезни от Лукана и никак не мог понять... — Он не закончил своей фразы.

— Мне нечего больше сообщить вам, — добавил он сухо. — А вы что скажете?

— Я получил от вас только одно письмо с упоминанием о Саре, о графине Дезанж, — поправился Жюльен, — правда, очень длинное и подробное — ответ на мое, написанное к вам еще на яхте.

— Письмо от вас, с яхты? — воскликнул озадаченный Колен. — Я его и в глаза не видел! Вы что-то лукавите и, кажется, хотите свалить всю вину на меня! — добавил он брезгливо и недоверчиво. — Каких вам надо еще новостей, когда вы сами только что признались, что виделись с графиней? Впрочем, может быть, теперь вы и это уже будете

отрицать?

Жюльен покачал головой. Он был совершенно подавлен, даже глаза у него точно провалились.

— Насколько я схватываю, — сказал он прерывающимся голосом, — это я убил Кэртона, а Сара взяла на себя мою вину... Но почему, каким образом?

— Почему, каким образом? Не притворяйтесь, Жюльен! Вы знаете! Не может быть, чтобы вы не знали о том, как ваш отец случайно оказался поблизости, услышал шум и нашел вас на полу, в бессознательном состоянии, с раной на голове, а Кэртона — мертвым! Он моментально обмозговал план действий, и графиня согласилась на все, чтобы спасти вашу карьеру. Я ждал вас в автомобиле у ворот парка; он позвал меня на помощь, и мы вынесли вас оттуда. Это было как раз в полдень, и никто нас не заметил. Мне удалось раздобыть яхту, она снялась с якоря в Бордо, а потом, в продолжение нескольких недель, кружилась по морю. Министерство иностранных дел официально подтвердило, что у вас лихорадка. Вскоре начался процесс; я делал, что мог, графиня отделалась сравнительно легко. Факт убийства был налицо, но приняли во внимание плохое сердце Кэртона, которое не могло выдержать ни малейшего потрясения. Графиня...

— Вы говорите, что Сара сидела в тюрьме из-за меня?.. Я ничего не понимаю, Колен!

— Зато я прекрасно все понимаю! — мрачно ответил Колен, — и первым долгом то, что ваш отец — гнусная личность! Он все время плел вам разные небылицы и перехватывал и подделывал мои письма. Прекрасное занятие для семидесятилетнего юноши! Наверное, пришлось поломать голову! Он... но что с вами?..

Жюльен резким движением схватил Колена за руку.

— Говорите яснее! — кричал он, задыхаясь. — Ведь я выгнал ее, она... она!..

Он тряс Колена за плечи; пот градом струился по его лицу.

— Жюльен!.. Жюльен!.. — твердил Колен, опасаясь за его рассудок.

— Вы знали все и не спасли меня от позора? Благодаря вам я довел до тюрьмы любимую женщину, не сделал ни одной попытки извлечь ее оттуда — и в конце концов оскорбил и выгнал ее — благодаря вам и моему отцу!

Он оттолкнул Колена с такой силой, что тот потерял равновесие, попытался удержаться за подушки и покатился вместе с ними на пол.

— Ради Бога, Жюльен! — бормотал он. — Жюльен, послушайте!

— Мне слушать вас? Нет, теперь слушайте вы и смотрите, до чего вы меня довели! Ваше счастье, что я не убил вас, как собаку, вас, который предал меня ради своей безопасности и который еще смеет говорить о своих страданиях. Я поверил, что она любила Кэртона, и, чтобы забыться, опустил до этого... сделал это вполне сознательно, с открытыми глазами, питая отвращение к разврату и вместе с тем ища в нем забвение. Все это дело ваших рук — вас и моего отца!

Он умолк. В комнате воцарилась мертвая тишина, прерываемая только тяжелым дыханием Колена.

— И вы думаете, что я так это оставлю, что я буду молчать, зная, что женщина покрывает мою честь своею?

Колен в ужасе вскочил на ноги; его голос стал крикливым от страха.

— Нет, вы этого не сделаете! Это не имеет смысла теперь! Да графиня опровергнет ваши показания.

— Вы в этом так уверены? — нервно расхохотался Жюльен. — Может быть, ваша

уверенность поколеблется, когда я скажу вам, что оскорбил ее...

— Не делайте этого, не делайте! — задыхался Колен в состоянии, близком к удару.

Он попробовал остановить Жюльена, и даже застонал, когда шаги последнего замерли в отдалении; раздался звонкий топот копыт по мощеному двору, потом более глухие звуки, когда Жюльен выехал на ровную дорогу.

ГЛАВА XXX

*Всяк, кто проник за тот скорбный порог,
Равно от жизни и смерти далек.
Чувствую лишь ледяное дыханье
Быстрых годов, что влекут к увяданью;
Голод порой мое тело томит,
Мысль одинокая душу сверлит.
В будущем пусто, и только одно
Прошное смотрит печально в окно.
Вас потеряв, я лишился души,
В ней ведь царили лишь вы.
Вас потеряв, я навеки забыл
Высший смысл жизни и жизненных сил,
Самое слово «любовь» я забыл,
Вас лишь одну я на свете любил.*

Есть люди, которые тупеют от горя; для других страдания, наоборот, являются источником просветления.

Жюльен принадлежал ко второму типу; обрушившееся на него несчастье скосило все сорные травы его души и дало простор доброкачественным побегам. Черствость и недоверие к людям, которые стали преобладающими чертами его характера за последний год, перестали властвовать в его сердце.

Он стал нравственно чище после перенесенного удара и стыдился своего прошлого.

Жест, которым Сара попыталась, рискуя своею жизнью, спасти Кэртона, был вызван страхом за него, Жюльена, а не за того человека, которому он угрожал; она защищала Кэртона только потому, что боялась за Жюльена.

После того как неизбежное свершилось, она без колебаний принесла себя в жертву любимому человеку.

А он так легко поверил, что она смеялась над ним и обманывала его с Кэртоном, поверил сразу в самое плохое, в то время как она отдавала ему самое ценное, что у нее было.

Он никого больше не обвинял; негодование против отца и Колена улеглось по дороге в Тунис; человеконенавистничество первого и себялюбивая трусость второго были ничто по сравнению с его собственной виной.

Они употребляли низкие средства для достижения низких целей, — он проявил низость по отношению к святыне, он осквернил храм, — он, а не они.

Упорная и жестокая ненависть его отца к Саре казалось ему немногим хуже его оскорбительной ревности, а последнее свидание с Сарой стало источником ужасных угрызений совести, в сущности, было им с самого начала, хотя он и не признавался себе в

этом, пока не узнал всей правды.

Что скажет он Саре в свое оправдание? Что он оскорбил ее и надругался над ее любовью, потому что был уверен, что она изменяла ему с Кэртоном?

Не надеясь на прощение, он все-таки сел на пароход с твердым намерением повидаться с ней и исполнить свой долг.

А потом... Ему вспомнились первые дни их любви, их первая встреча... и последнее свидание...

Что могло быть ужаснее этой пытки?

Он мысленно перебирал все мелкие подробности этого рокового вечера, сгорая от стыда. С каким тревожным и вместе с тем нежным выражением лица переступила она порог его комнаты, и как мгновенно это выражение сменилось холодным и враждебным, когда она увидела, куда попала.

Он содрогался, последовательно вспоминая и свои поцелуи, и ее отпор, сначала жалобный, а потом непреклонный, и тот жест, с которым она вырвалась из его объятий.

Из его объятий, которые должны были быть для нее опорой...

Женщины этого не забывают!

Он посмотрел на темную воду: таким, как он, только и остается...

Многие мужчины изменяют женщинам, но едва ли есть один мужчина, который проявил бы при этом столько подлости... после всего того, что было!

Его единственное оправдание — в неведении: отец воспользовался его полубессознательным состоянием и направил его ум в желаемом направлении.

Процесс был кончен, когда он услышал о нем впервые, и даже тогда он плохо разобрался в нем, потому что знойное солнце Африки расслабляло его больные мозги, и вся его энергия уходила только на то, чтобы заставить себя работать.

Первые недели пребывания в Тунисе были напряженной работой или тяжелым сном; он ни о чем не думал...

Потом на него нахлынули воспоминания о прошлом, и он стал бороться с ними. Ему смутно вспоминалось какое-то объяснение с отцом по поводу смерти Кэртона, свое упорство сначала, а потом безвольное принятие версии, выставленной последним: Кэртон толкнул его, Жюльена, он упал и разбил себе голову.

Еще позднее до него дошли слухи о процессе и все подробности следствия, и он почувствовал, что осквернено святая святых его души и что вся его жизнь разбита.

Теперь, часами не спуская глаз с темных морских вод, которые пароход бороздил белой пеной, он изумлялся своему ослеплению и легковерию.

Беспросветное, холодное отчаяние, которое порождают в нас запоздалые угрызения совести, все глубже и глубже проникали в его душу.

Как она любила его! В тумане воспоминаний встал образ Сары и первое время их любви. Все кончено: он только тень самого себя!

Самое ужасное одиночество — это одиночество человека, который любит и лишен права на эту любовь.

ГЛАВА XXXI

Переход от жизни к смерти

Безболезнен и тих,

Ни стенаний, ни рыданий

Он не вызовет моих.

Страшно жить... ужасны страсти

Человеческой толпы,

Мое сердце коченеет

Под напором их волны.

Жюльен прибыл в Париж около полудня; он ни на что не смотрел, ничем не интересовался.

Очутившись у себя на квартире, он машинально отметил, что все вещи стоят на старых местах, — и это было все.

— Я еду к ней, — хладнокровно заявил он отцу. — От нее, и только от нее, будет зависеть мое дальнейшее поведение и тот способ, каким будет восстановлена истина.

На этом они расстались. Гиз из окна проводил глазами удаляющуюся фигуру сына. Потом снова опустился в кресло и протер очки.

Ну, что же, если все обнаружится, эта нахальная выскочка Колен тоже полетит... все-таки это было некоторым утешением...

Но Сара не допустит этого! Впрочем, даже если и так, общественное мнение оценит его поведение так же, как он оценивал его сам... самоотверженная отцовская любовь, которая ни перед чем не останавливается...

Ни перед чем...

Самодовольный эгоизм Гиза был неуязвим как для чувства любви, так и для голоса здравого рассудка, и, как щит, оборонял его душевное равновесие.

Угрызения совести и раскаяние были одинаково чужды его натуре; он давно утратил способность жертвовать собою, и если и сожалел об утрате этой способности, то только потому, что ничего не дающий ничего и не получает.

За последнее время ненависть к Саре и стремление причинить ей возможно больший вред окончательно подавили в нем даже слабые проблески более гуманных переживаний.

Он не замечал своих собственных потерь, забывал о своем одиночестве, наслаждаясь победой. Он утратил Жюльена — Сара тоже утратила его. Его жизнь разбита, но и виновный понес достойную кару.

И он не уставал подсчитывать свои трофеи, не чувствуя собственных ран при мысли о тех, которые он нанес своему врагу.

Он считал себя невинной жертвой, принесенной на алтарь отцовской любви. Сколько правды в изречениях о неблагодарности и эгоизме детей! Гиз положительно считал себя мучеником.

Пусть будет что будет! Он, конечно, не в силах воспрепятствовать их идиотским решениям, но его роль — самая благородная, и, что бы ни случилось, его совесть совершенно спокойна.

Отец, беззаветно преданный неблагодарному сыну...

ГЛАВА XXXII

Ночи тени окутали землю,

Не воркуют четы голубей,

*Неподвижны морские глубины,
Это час, когда любишь сильнее.
Это час упоительной страсти,
Твои губы прижались к моим,
Ты трепещешь, сияя красой,
Эту ночь мы ни с чем не сравним.*

Клаверинг, родовое поместье Сары, показался ей тихим приютом, к которому так стремилась ее душа.

Она увидела его, после семилетнего отсутствия, под вечер, когда мягкие длинные тени ложились на траву, навевая дремоту на старый дом с его остроконечной крышей, высокими, узкими трубами и старинными башенными часами.

Над главным входом, массивная, обитая гвоздями дверь которого запиралась на ночь тяжелым железным болтом, висел герб Тенисонов с полустертым дождями и ветром девизом: «Я держу и удерживаю».

Сара грустно улыбнулась, вглядываясь в эти каменные знаки. Она никогда не умела «удерживать»; и теперь окончательно перешла в армию женщин, которые, вследствие отсутствия настойчивости или привлекательности, не смогли сохранить то, что им принадлежало. В армию отверженных и обездоленных...

Она спустилась в сад; он был очень запущен, так как леди Диана не любила «сорить» деньгами, но именно эта запущенность делала его особенно привлекательным.

Питомник роз был залит лучами заходящего солнца, и красные, белые и чайные розы качали своими головками под дуновением легкого вечернего ветерка.

От питомника начинался так называемый «лабиринт», где буксусы переплетали свои ветви в непроходимую чащу и откуда исходил острый, влажный и знойный аромат. Старый парк обступал со всех сторон и питомник и лабиринт и пробивался даже в фруктовый сад, отделенный от него полуразвалившейся стеной, желтые плиты которой исчезали под ветвями разросшегося жасмина и малины.

Под аркой из роз виднелась круглая каменная скамейка. Сара присела на нее.

Какая невозмутимая тишина! Какой глубокий покой! Это было как раз то, чего жаждала ее измученная душа; здесь можно было отдохнуть от мирской суеты.

Сара смутно надеялась, что Клаверинг восстановит ее душевное равновесие, и теперь, наслаждаясь мирным покоем, веющим от всей этой старины, она чувствовала, что ее надежды оправдываются: смятение, царившее в ее душе, понемногу улеглось.

Но ничто не властно окончательно усыпить смятение женщины, которая любит и страдает, ничто, кроме любви, и, пока тихий вечер незаметно сменялся ночью, в ее сердце незаметно, но настойчиво проникала прежняя тоска.

Она поднялась в свою прежнюю детскую и еще долго после того, как Гак убрала ее волосы и приготовила ей постель, просидела в глубокой оконной нише, любуясь садом, залитым таинственными лучами месяца.

Как часто в прежние времена и здесь, и в Латрезе она обретала душевный покой, приобщаясь к мирному покою спящей природы!

Она искала этого покоя и теперь, прислушиваясь к шелесту деревьев, этому любовному разговору листьев, и к шуршанью сонных трав, колеблемых ветром, но на этот раз очарование благоухающей ночи только усиливало ее смятение; ночь иногда ранит так же

больно, как и беспощадное жгучее солнце.

Как она одинока! Все в прошлом... Будущее безотраднo...

Так много пишут и говорят о новых увлечениях, о неизбежности и желательности этого факта.

Разве это уж так неизбежно?

И во всяком случае, разве это желательно?

Заря — и миражи зари!

А если заря не перейдет в лучезарный день, а потухнет под напором злой непогоды — тогда что?

Пусть тогда останется навеки отблеск этого сияния, с горьким сознанием, что то, что могло бы быть, безвозвратно погибло!

— Как терзает меня красота этой ночи, — прошептала Сара, — как она меня терзает!

На следующее утро она проснулась в более спокойном настроении и даже стала проводить в жизнь свои хозяйственные планы; старые слуги были в восторге.

В самый разгар совещания к ней приехала с визитом одна из самых влиятельных помещиц округа, старый друг ее отца. Сара знала ее как властную, требовательную, но вместе с тем добрую женщину и скоро убедилась, что та нисколько не изменилась.

— Итак, вы решили обосноваться на старом пепелище? Хорошее дело! Но потребуются расходы. Впрочем, по словам вашей матери, Дезанж оставил вам крупное состояние? Пусть Клаверинг попользуется на его счет. Десятого у меня будет маленькое собрание. Я рассчитываю на вашу помощь. Вы встретите у меня всех здешних старожилов.

— Благодарю вас, — сказала Сара.

— Это по случаю дня рождения Гоноры; она уже совсем взрослая девица, хотя еще не утратила детской косолапости и наивного выражения лица. Пожалуй, и свадьба не за горами! Мне лично хотелось бы серьезного, интеллигентного зятя, кого-нибудь из местных помещиков. Но в наше время приходится считаться с фантазиями дочерей и примиряться с тем, кто им нравится. До свидания, дорогая, и помните, что я вас жду.

Она обняла Сару на прощанье и долго махала белой перчаткой.

Сара бурно приласкала Вильяма, который оказался под рукой. На мгновение она снова почувствовала себя молодой.

Нет женщины, которая бы не страдала от положения «парии», что бы она ни говорила по этому поводу и как бы ни клялась в своем презрении к общественному мнению.

Она только томит себя этими уверениями, и ее горячность подтверждает как раз обратное.

Сара страдала и в Париже, и в Лондоне.

Откровенная поддержка леди Мензис уврачевала рану, которая не заживала в ее сердце со времени процесса.

Что ж!.. Может быть, в жизни есть и еще что-нибудь, кроме любви...

Она долго ходила взад и вперед по зале, останавливаясь по временам перед громадным камином, а после обеда велела подать себе кофе под старым кедром, который ласково сыпал на нее свои мягкие, шелковистые иглы. Те, которые застревали у нее в волосах, казалось, были довольны своим пленом, по крайней мере, Саре никак не удавалось извлечь их оттуда.

Она отставила чашку и более энергично принялась за дело.

В эту минуту раздались чьи-то шаги.

— Сара, — донесся до нее голос Жюльена.

Она вскочила и прижала руку к сердцу.

Они молча глядели друг на друга, неподвижные в лучах заходящего солнца. Старый кедр невозмутимо осенял их своими ветвями.

— Я приехал, — сказал, наконец, Жюльен дрожащим голосом, — я приехал...

— Вы больны, — беззвучно прошептала Сара, — вы выглядите совсем больным...

Жюльен сделал нетерпеливое движение, в котором выразалось его глубочайшее презрение к такой мелочи, как состояние здоровья. Потом сделал еще шаг по направлению к Саре; теперь они были совсем близко друг от друга.

— Сядьте, — слабо попросил он.

Сара повиновалась.

Его появление в Клаверинге, — она была уверена, что он в Африке, — наполнило ее душу смятением. Сердце безумно билось в ее груди. И хотя она и не смотрела на Жюльена, от нее не ускользало ни одно из его движений.

— Зачем вы приехали? — спросила она наконец тоскливо.

Он подошел к ней еще ближе.

— Зачем? — И тишина мирного летнего вечера вздрогнула при звуках этого вопроса. — Зачем? Вы не догадываетесь? Вы готовы приписать мне все самое худшее? Я знаю, что заслужил это своим поведением во время нашей последней встречи... вы не можете думать обо мне иначе... Я молю вас только об одном: выслушайте с доверием мою исповедь... Я знаю, что вам трудно будет поверить... все это так невероятно... В дороге я все время искал убедительных слов... их нет для такой невероятной, фантастической вещи... И все-таки то, что я вам скажу, — святая правда...

Он умолк на мгновение.

— Святая правда... — повторил он с безнадежным отчаянием.

Он упал перед Сарой на колени и поднял на нее безумно блуждающие глаза. Голос его стал прерывистым.

— Вы поверите мне? Вы окажете мне эту последнюю милость?

— Я постараюсь...

— Сара, я ничего, решительно ничего не знал!

Он глядел на нее умоляюще.

— От меня все скрыли. Сначала я был болен, как вам известно, долго был без сознания, а потом — под влиянием наркотиков. Я поверил той версии, которую мне предложили, а именно, что Кэртон ранил меня, а отец увез в автомобиле. О процессе я в первый раз услышал, когда все было кончено, и не видел ни одной газетной статьи по этому поводу. Только недавно я узнал правду от Колена и немедленно поехал к вам... Я убил Кэртона, и вы отбыли наказание за мое преступление... Я немедленно еду в Париж... Сара, я знаю, что мне никогда не расплатиться с вами, но перед Богом я отчасти расплатился в эти последние дни. Ведь я потерял свою честь, уважение к самому себе, право на жизнь и даже на смерть! Ваша жертва громадна, но, поверьте, я тоже был жертвой. Мое низкое поведение в тот вечер было вызвано отсутствием веры в вас или, если хотите, уверенностью в вашей измене... Я жестоко наказан теперь... вы сами видите... Неужели мои страдания не искупят в ваших глазах мой проступок?

— Не будем говорить об этом, — сказала Сара. — Прошлого не воротишь, оно умерло... Я не ожидала от вас такого отношения, но, конечно, оно имеет свои оправдания... Во всяком случае, искуплений было достаточно... Вот почему вы должны молчать... Нет надобности

поднимать это дело.

— Я должен, — страстно возразил Жюльен. — Как мне жить, ежеминутно сознавая, что я обязан вам своим преуспеванием в жизни, покоем и добрым именем? За кого вы меня принимаете, если думаете, что я способен укрываться за спиной женщины, за вашей спиной? Боже мой, когда я вспоминаю мои подлые намеки на вас и Кэртона в тот вечер, все те оскорбления...

Сара старалась остановить поток этих безумных, бессвязных слов, в которых звучало жалкое самоунижение.

— Замолчите, замолчите, — шептала она, и ей, наконец, удалось заставить его умолкнуть.

Теперь ей было необходимо все ее самообладание, чтобы добиться того, чего она хотела.

Она отвернулась, чтобы не смотреть на Жюльена; алый отблеск зари упал на ее лицо.

«Я добьюсь своего», — подумала она решительно, стараясь превозмочь душевную слабость и волнение, которые вызывала в ней близость Жюльена.

— Вы не должны этого делать, Жюльен, — заговорила она, наконец, умоляюще протягивая к нему руки. — Ради меня, единственно ради меня, вы не должны этого делать! Ведь возобновление процесса было бы возобновлением сплетен и пересудов. Неужели вы хотите снова подвергнуть меня этой пытке?

— Я сумею избежать этого, — возразил он мрачно. — Пусть кто-нибудь попробует...

— Но даже если и так, ваша карьера, единственный смысл вашей жизни, будет разбита. Очистив меня, вы погубите самого себя. А ведь в сущности мне ничего не нужно... То, во имя чего я страдала... даже это оказалось ничтожным... Если бы вы только знали, какой ничтожной кажется мне жизнь! — добавила она безнадежно.

— Только ничтожной, а не хуже? — с горечью сказал Жюльен. — Неужели вы думаете, что я другого мнения? Неужели вы не понимаете, что меня сводит с ума мысль о том, что вы должны были обо мне думать еще в тюрьме? Ведь вы не истеричка и не мечтательница; вы, конечно, здраво смотрели на наши отношения и осуждали мое молчание. Неужели можно верить в любовь человека, настолько подлого, что он не желает рисковать даже своею подписью и проявляет черную неблагодарность по отношению к той, которая пожертвовала для него всем? А вы знали, что я благоденствую за счет вашего счастья и вашей свободы. Как вы должны были презирать и ненавидеть меня!..

— Нет, я знала, что вы все-таки мой, и это спасло меня, — в неудержимом порыве воскликнула Сара.

Его лицо преобразилось.

— Я — ваш, Сара?

— Я это всегда знала и знаю...

— Вы не можете так думать, Сара, это невозможно, — прошептал он, закрывая лицо руками.

Она что-то прошептала в ответ, и он упал к ее ногам, пряча свое лицо в ее коленях.

До нее доносились бессвязные, прерываемые рыданиями слова, а жгучие слезы, проникая сквозь легкую ткань платья, жгли ее ноги.

Не отдавая себе отчета в том, что она делает и какое чувство побуждает ее так делать, она склонилась к нему в страстном порыве, потрясенная его близостью, с единственным желанием утешить его.

— Не надо, Жюльен, не надо...

Но ее слова потонули в потоке его отчаянных признаний и мольбы о прощении.

— Я всегда молился на вас... всегда... ваши страдания ради меня... но ведь я тоже страдал... Какое унижение знать, что вы расплатились за меня... за меня, который готов был носить вас на руках... Ничто не изгладит этого года тюрьмы... Из-за меня... Знойное солнце Африки свело меня с ума... но я клянусь, что никогда не любил ее... Только вас, одну вас... Мною руководила дикая злоба против вас, себя, всего на свете... А когда я вспоминал прошлое, то был близок к самоубийству — так это меня потрясло. Ваш образ вставал передо мной, ваши движения, ваши губы, ваши поцелуи, то, как вы откидывались в кресле, чтобы дать мне прижаться губами к вашей шейке... я обезумел, думая и мечтая об этом... А потом наша встреча... вы не сможете простить меня, даже если бы захотели, — ни одна женщина не в состоянии этого сделать...

Он поднял к ней свое искаженное лицо, по которому текли слезы.

— Сара, не прогоняйте меня. Вы только что сказали, что я — ваш. О, если бы вы знали, сколько любви, отчаяния и горя таится в моем сердце! Не я отплатил низостью за год, который вы принесли мне в жертву, — не я, не я, не тот, кого вы называете своим! Вдали от вас я — жалкое ничтожество! Спасите меня, верните меня к жизни, не отнимайте у меня вашей любви, любимая, любимая!

Она не отвечала, прислушиваясь к внутреннему порыву, который бросал ее в его объятия; она даже не двигалась и только смотрела на него.

Но он не понял ее; его лицо изменилось; он встал, тяжело опираясь на ручку кресла.

— Я так и знал. Вы не можете. Ни одна женщина не могла бы... Я этого не стою...

Сара все смотрела на него. Последние лучи солнца играли в его светлых кудрях, резко обрисовывая линию щек и властного рта, в котором было все-таки что-то детское.

Он низко поклонился ей и направился к выходу. Еще мгновение, и он уйдет не только из этого сада, но и из ее жизни...

Она бросилась вслед за ним напрямик, по шуршащей под ее ногами траве. Он шел, не оборачиваясь, она попыталась окликнуть его, — ее голос не повиновался ей.

Внезапно он обернулся... и увидел ее.

Она бросилась к нему, обвила его своими руками и прижалась к нему в страстном порыве.

— Я — твоя, — шептали ее губы.

Он глядел на нее с выражением бесконечной скорби; она не вынесла этого взгляда и притянула к себе его голову.

— Поцелуй меня, Жюльен, любимый мой...

Он побледнел; его глаза, устремленные на ее лицо, горели любовью и жгли, как страстная ласка.

— По-настоящему! — снова прошептала она, еще крепче обвивая его своими руками. Летний вечер распростер над ними свои безмятежные крылья.

— Ты снова полюбишь меня?

Губы Жюльена были совсем близко к ее губам, и она чувствовала его дыхание.

— Да когда же ты, наконец, поймешь, что это не «снова», что я никогда, никогда не переставала любить тебя? — засмеялась она в ответ. — Пршное умерло. Настоящее и будущее принадлежит нам. Не будем говорить о «жертвах», будем говорить о нашей любви... Или... — она взглянула на него со страстным нетерпением, — или, и это самое лучшее, не

будем говорить вообще!..

КОНЕЦ

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.